ХРЕСТОМАТИЯ ПО КУЛЬТУРЕ ЧУВАШСКОГО КРАЯ

Дореволюционный период

ХРЕСТОМАТИЯ ПО КУЛЬТУРЕ ЧУВАШСКОГО КРАЯ

Дореволюционный период

Под редакцией *М. И. Скворцова*

Допущено Министерством образования Чувашской Республики

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
2001

УДК 087.5
ББК 25.21
Х 88

Рекомендовано к печати Учебно-методическим советом Министерства образования Чувашской Республики в качестве учебного пособия для общеобразовательной школы, профессиональных и высших учебных заведений

Составители:

доктор филологических наук, профессор *Н. И. Егоров,*

доцент Чувашского республиканского института образования *М. Г. Данилова*

Рецензенты:

старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат исторических наук *Г. Б. Матвеев,*

доцент Чувашского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук *Л. В. Кузнецова*

Х88 **Хрестоматия** по культуре Чувашского края: дореволюционный период. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. — 255 с.

Хрестоматия по культуре Чувашского края дореволюционного периода подготовлена как учебное пособие для учащихся общеобразовательных школ, профессиональных училищ, студентов техникумов и вузов, учителей. Представляет интерес для широких кругов читателей, интересующихся проблемами краеведения. Включает письменные памятники, труды отечественных и зарубежных путешественников, исследователей XVI—XIX вв., в которых описывается традиционная материальная и духовная культура чувашского народа.

УДК 087.5
ББК 25.21

© Чувашское книжное издательство, 2001
© Егоров Н.И., составление, комментарии, биографические справки, 2001
© Данилова М.Г., составление, 2001

ISBN 5—7670—1135—4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы культуры являются важнейшими в деле образования и воспитания подрастающего поколения. Особую значимость они приобрели в последнее время, когда наше общество переживает сложный и драматический период в своей истории, связанный с глубокими изменениями не только в экономической и социальной жизни, но и в духовной сфере. Стремление к демократизации и гуманизации жизни общества стимулирует обращение к извечным общечеловеческим ценностям. Это требует восстановления деформированных за последние десятилетия естественных структур мировосприятия и социальной организации. В обществе, в том числе и в школе, радикально меняется отношение к традиционной духовной и материальной культуре народов, к религиозным верованиям и институтам, их роли в общественной и частной жизни человека, в формировании его личности. Не случайно в последние годы столь активизировались поиски истоков родного народа, изучение его исторических судеб, традиционной культуры.

Как удовлетворить эту естественную тягу людей к своей истории и ее истокам? Чем взрослее становится человек, тем действеннее становится фактор движения, невольно сужающий его духовный горизонт. Чтобы овладеть историей и культурой своего народа, недостаточно беспорядочного чтения подвернувшихся под руку книг, необходима осознанность, движение в каком-то одном направлении. Сейчас как никогда важно без крайностей, без конъюнктурных изъятий и политических штампов разобраться в сложных проблемах, связанных с традиционной материальной и духовной культурой родного народа. И смотреть надо на эти краеугольные проблемы сквозь призму документально засвидетельствованной научной истины.

В последние годы у нас появилось много работ, посвященных истории и этнологии чувашского народа, его традиционной культуре. К сожалению, большинство из них отмечено печатью дилетантизма и игнорированием требования научности. Со страниц

художественных произведений ничем не подтвержденные псевдонаучные гипотезы начали проникать и на страницы научных публикаций, дезориентируя широкие массы читателей, прежде всего учителей и разные группы учащихся. Вступив на ложный антинаучный путь, мы вместо того, чтобы приближаться к истине, можем все дальше и дальше от нее отдаляться. И школа не в силах будет выполнять свое основное предназначение — сеять разумное, доброе, вечное.

У чувашей в таких случаях говорят: «Если ты потерял дорогу и заблудился в лесу, не бросайся из стороны в сторону, не петляй по чащобе, теряя понапрасну время и силы. Садись на пенек и не спеша поразмысли, вспомни пройденный путь, мысленно пройдись по нему и уж потом решай, куда шагать». Думается, этот совет наших мудрых предков будет справедлив не только по отношению к путнику, заблудившемуся в лесу. Мы тоже приглашаем читателей еще раз вспомнить пройденный нашими предками путь и поразмыслить: «А верной ли дорогой мы идем?» Пусть проторенная нашими предшественниками дорога будет началом пути для молодых читателей.

В настоящее время вопросы этнической истории и культурного наследия волнуют широкие круги общественности. Памятники духовной и материальной культуры родного края, созданные и сохраненные для нас очевидцами в прошлых веках, являются важным средством воспитания подрастающего поколения в духе любви и уважения к духовному миру, обычаям и традициям предков.

Настоящая, первая, часть хрестоматии по культуре Чувашского края, посвящена наиболее старым памятникам. Ее открывают две работы известного русского ученого А.И.Артемьева, посвященные истории Казанского края и этнографии чувашей. Они являются как бы введением ко всем остальным трудам, приведенным в хрестоматии.

Наиболее ранние известия о Чувашском Поволжье и его коренных обитателях содержатся в работах путешественников А.Олеария, З.Герберштейна. В хрестоматию включены выдержки из их сочинений, посвященные чувашам и их культуре. Эти сведения фрагментарны, но представляют значительный исторический интерес.

Первые собственно научные труды, в которых имеются сведения о культуре чувашей и других народов Среднего Поволжья, относятся к XVIII в., когда Санкт-Петербургской академией был предпринят целый ряд масштабных научных экспедиций. Это было вызвано потребностями экономического и культурного развития

страны. Перед российской наукой во весь рост стояла задача «знать свое Отечество во всех его пределах, знать промыслы граждан и подвластных народов, знать обычаи их, веру...»

Из ряда экспедиций XVIII в. (а их было более 50) выделяются два научных предприятия — Великая Северная (2-я Камчатская) экспедиция 1733—1743 гг. и Физическая (Академическая) экспедиция 1768—1774 гг. Одним из первых исследователей чувашской культуры в этот период был академик Г.Ф.Миллер — участник Великой Северной экспедиции. В хрестоматию включена большая часть его работы, посвященной описанию живущих в Казанской губернии языческих народов — чувашей, марийцев, удмуртов и др.

Далее следуют основные работы отечественных исследователей XVIII в., в той или иной степени касающиеся жизни и быта чувашей, а также других народов Чувашского края. Включены только работы, представляющие научный и источниковедческий интерес в настоящее время. Работа каждого автора предваряется краткой справкой о его жизни и деятельности. Для большинства работ сохранены их названия, данные при первой публикации.

Со времен первых публикаций собранных в данном издании работ прошло много времени. За этот период изменились орфографические нормы, многие факты получили в свете последующих изданий более точные и полные объяснения. Все это вынудило издателей снабдить публикуемые тексты комментариями. Комментарии и биографические справки написаны профессором Н.И.Егоровым.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ АРТЕМЬЕВ

(1820—1874)

А.И.Артемьев — известный русский ученый — статистик, археолог, этнограф и географ. Родился в 1820 г. в городе Хвалынске Саратовской губернии. Окончил Казанский университет, там же получил звание магистра русской истории. В 1850 г. его избирают членом-корреспондентом Санкт-Петербургского археологического и членом Русского географического общества.

В годы работы в Казанском университете А.И.Артемьев написал ряд исследований по вопросам истории и этнографии народов Поволжья, в том числе — чувашей и марийцев.

Начиная с 1852 г. работал в отделе статистики Министерства внутренних дел, участвовал в составлении «Списков населенных мест Российской империи» по Казанской, Симбирской, Ярославской и другим губерниям.

Ниже публикуются отрывки из предисловия к «Списку населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния» (СПб., 1866). А.И.Артемьев в 1844—1852 гг. редактировал «Казанские губернские ведомости», сотрудничал в газетах «Русский дневник» и «Северная почта» и некоторых журналах. Работы А.И.Артемьева, посвященные изучению истории и быта чувашей, марийцев, татар и других народов Поволжья, представляют интерес и в наши дни.

Имя А.И.Артемьева дорого нам и тем, что он всячески помогал первому чувашскому этнографу и писателю С.М.Михайлову, содействовал публикации его работ.

Важнейшими трудами А.И.Артемьева являются: «Обозрение трудов Русского географического общества» (СПб., 1873), «Описание рукописей библиотеки Казанского университета» (Казань, 1882) и др.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

Сведения о населении здешнем однако не встречаем мы в писателях классической древности, но это потому, что круг географических познаний греков и римлян не простирался столь далеко, ограничиваясь преимущественно северным побережьем Понта Евксинского, или нынешнего Черного моря. Чем далее к северу и востоку от этого моря, тем скуднее и сбивчивее были сведения древних о странах и народах и заканчивались самыми сказочными понятиями.

Археологические изучения состояния страны в глубокой древности, в так называемый период костяных и каменных орудий, еще только начинают водворяться в нашем отечестве и пока состоят лишь в приведении в известном месте, где когда-либо были находимы предметы быта давно исчезнувших или давно уже совершенно преобразившихся народов. В пределах Казанской губернии, сколько мы знаем, подобных изысканий не производилось доселе, но если можно выводить заключения по различным наведениям, то, основываясь на находках, попадавшихся в соседних губерниях и особенно в лежащих севернее и восточнее Казанской, можно, кажется, без особого опасения в ошибке допускать, что и здесь искони существовало население.

Первые положительные известия о населении здешнего края находим мы у писателей арабских и у нашего первого летописца, преподобного Нестора, хотя те и другие нельзя назвать вполне точными. Писатели восточные употребляют слишком общие этнографические наименования и потому ставят исследователей в крайне затруднительное положение при определении народности здешнего населения. Наш летописец отличается чрезвычайной краткостью, что также дает очень обширное поле для разных догадок.

Писатели арабские, известия которых относятся к X веку нашей эры, говорят преимущественно о живших здесь булгарах, но из их описаний можно только заключить, что это была какая-то смесь турецких, финских и славянских народов. Наш Нестор

говорит о булгарах также за этот период, но с тем вместе сообщает некоторые сведения о более раннем времени. При исчислении народов, заселявших Русскую землю или дававших дань Руси в IX веке, он именует только черемису и мордву — народы, по всем соображениям, искони обитавшие в тех местах, где они находятся и доселе.

Таким образом, древнейшими историческими обитателями нынешней Казанской губернии являются болгары, или булгары, черемисы и мордва. Господствующим народом были булгары, очень вероятно, единородные с булгарами дунайскими, но под влиянием политических обстоятельств совершенно расторгнувшие родовую связь с ними. Булгары на Дунае, попавшие в среду славян и вступив в сношения с греками, ославянились и приняли христианство. Булгары камско-волжские остались в среде народов финских и тюркских, сроднились с ними и приняли магометанство.

Происхождение, сродство и своеобразное развитие этих двух отраслей одного народа, игравших довольно видную роль в средние века, доселе не разрешены удовлетворительно, несмотря на изыскания многих ученых; а между тем все, касающееся до тех и других булгар, имеет немаловажное значение для русской истории вообще.

Восточные авторы, как известно, не строгие хронологи и с большою охотою всегда возводят древность до пределов отдаленнейших. Так и булгар армянские историки находят на Волге еще за два столетия до Рождества Христова; мусульмане же считают их современниками Александра Македонского, а некоторые даже производят их от внука Яфетова[2] Булгара, о существовании которого не упоминается Моисеем в книге Бытия. Но и в наших летописях генеалогия булгар выводится чрезвычайно древняя: «Хвалисы и Булгары суть до дщерей Лотовых[3], иже зачаста от отца своего, — тем же не чисто племя их». Из этих сказаний можно только заключить одно, что булгары были известны задолго прежде, нежели о стране их сообщены были первые подробности.

В начале X века, когда булгары вступили в близкие отношения с арабскими халифами, они являются уже довольно цивилизованным народом, ведущим обширную торговлю и распространившим свою власть по Волге и ее притокам, как кажется, до устья Оки. Впрочем, по всему видно, что настоящим гнездом для них служило левое побережье Камы и что на правом, западном, берегу Волги господство их не было твердо упрочено.

В 22 верстах от г. Спасска[4], по почтовому тракту из этого города в г. Тетюши, при незначительных ручьях Меленке и Бол-

гарке, верстах в 7 от Волги, стоит ныне село Успенское или Болгары[5]. Близ церкви этого села еще лет 20 назад существовала высокая каменная башня[6], к которой примыкали стены, соединявшиеся с другими, также каменными зданиями: это было «джума джами», или соборная мечеть[7]. В окружающих село полях, особенно с юго-запада, устояли доселе несколько развалин, издавна усвоивших себе названия «черной, или судной, палаты»[8], «белой палаты»[9], «малого столба»[10] и т. п.

Груды кирпичей особой формы, остатки валов и других земляных укреплений, бесчисленные находки разнообразных вещей убеждают, что народная память недаром утвердила за этою местностию название столицы Булгарского царства.

Ученые сомневаются лишь в том, должно ли относить эти развалины к периоду монгольскому или к той эпохе, когда Булгарское государство было самостоятельным. Во всяком случае древность развалин, носящих на себе отпечаток мусульманский, нельзя возводить ранее X века, когда между булгарами окончательно утвердился ислам.

Обширная торговля, особенно же драгоценными мехами, рано познакомила здешних булгар с отдаленными народами. Как сами они ездили со своими товарами в чужие земли, так допускали к себе чужеземных торговцев. Многие из последних, если не постоянно жили между булгарами, то проводили очень продолжительное время. Теснее, как видно, были сношения с арабами, кончившиеся полным нравственным подчинением булгар влиянию халифата. Первые преемники Магомета распространяли его учение в Западной и Средней Азии, на севере Африки и даже на юге Европы — огнем и мечом; в Булгарию ислам занесен был мирным образом. Знакомство булгар с арабами, вероятно, началось с первых годов VIII века, как только величайшие города Средней Азии — Бухара и Самарканд — попали под власть халифов. С конца этого века, когда повелителем правоверных был Гарун эль-Рашид[11], арабы явились распространителями гражданственности: Багдад сделался центром образования разностороннего, роскошь и этикет халифского двора служили образцом для государей других стран, предприимчивая деятельность арабов устремилась на все поприща. Но нигде столько отважности не высказывалось, как в торговле, потому что корысть купца презирала все опасности путешествий по неведомым странам в надежде открытия нового рынка. Эта деятельность не ослабела и в ту пору, когда при стремлениях халифских наместников к независимости и самостоятельности стало упадать монархическое могущество

халифов. Несмотря на все смуты, арабские купцы продолжали по-прежнему ездить в Приволжье и привлекать к себе тамошнее население.

Превосходство гражданственности халифата не могло не подействовать на булгар. Начались подражания и заимствования: булгарские цари или «владавцы»[12], повелители подвластных им владетелей, мало-помалу усвоили некоторые обычаи арабов; так, мы знаем, что при дворе их был арабский портной, они приняли вероучение и письменность арабскую. Предание о принятии ислама, как и большая часть сказаний о религиозных обращениях, носит на себе печать чудесного. Оно приписывается исцелению царя булгарского и его жены благочестивым аравитянином и неожиданной победе булгар над хазарами, одержанной при помощи арабских молитв.

Как бы то ни было, только в 921 г. Алмас, сын Силки[13], булгарский «владавец», прислал в Багдад к халифу Муктадиру посольство с просьбою прислать ему наставников в учении Пророка и искусных людей для сооружения молитвенных зданий и укреплений. Халиф, соизволяя на такую просьбу, отправил в Булгарию Соусена эль-Раси[14] и Ахмеда ибн Фадлана[15], которые поехали сюда через Хорезм и Башкирию. Второму из этих посланников мы обязаны первыми драгоценными известиями о здешнем крае. Впоследствии посетили Булгарию многие другие любознательные арабы и также оставили свои записки, но и для них известия Ибн Фадлана служили основою.

По свидетельству всех этих описателей, булгары, как и другие приволжские народы — буртасы[16] и хазары[17], вели образ жизни полуоседлый: зимою они жили в деревянных домах по городам и селениям, а летом выходили в поле; зимы в их стране отличались суровостью и продолжительными ночами, напротив, в летнюю пору чрезвычайно продолжительны были дни. Булгары занимались земледелием и рыболовством; обширные леса их богаты были зверем. Город Булгар имел не более 10000 постоянных жителей, обитавших в 520 домах; но, кроме того, великое множество народа размещалось в кибитках или юртах и других временных жилищах. Русы и другие иноземцы, приезжавшие сюда летом, необыкновенно увеличивали население, но они всегда располагались в особенных сараях или шалашах, как и ныне на некоторых ярмарках приезжие купцы строят для себя лавки.

Меха составляли главнейшую статью торговли булгар с арабами: Зобейда, знаменитая супруга Гаруна эль-Рашида, первая ввела в моду шубы из русских соболей или горностаев; шубы

стали одеянием почетным, и потому требование на меха чрезвычайно усилилось на Востоке. Кроме пушного товара, из Булгарии отправлялись мамонтова кость и янтарь, привозившийся, конечно, с Балтийского поморья. Еще вывозились из Булгарии кожи, сырьем и выделанная, также мед, воск, ковры[18], — по всей вероятности, циновки, — и, наконец, невольники и невольницы. В обмен на все эти предметы подданые халифов привозили сюда произведения южных стран: плоды и пряности, шелковые и бумажные материи, жемчуг, драгоценные камни, изделия металлические и сверх того приплачивали в значительном количестве монетою.

Из предметов вывоза далеко не все были произведения булгарские. Некоторые из них и у арабов отличались особыми названиями: так, лучшие чернобурые лисьи меха назывались «буртасскими» — буртаси, лучшие невольники известны были под именем «славянских» — саклаби, только юфть на всем Востоке слыла исключительно «булгарскою» — булгари. Булгары служили только посредниками в торговле арабов с другими народами, отстраняя их от прямых сношений с ними, для чего изображали их даже людоедами. Столица булгарская была крайним северным пунктом, куда проникали торгово-промышленные люди халифата, но сюда же стекались и торговцы разных славянских народов — с Ильменя, Днепра и русы-варяги, развозившие потом восточные деньги и произведения по всей нынешней Европейской России и в Скандинавию, водворяя вместе с тем и в самом языке восточные наименования: бисер, бусы, алмаз, бирюза, парча, амбар, магазин, барыш...

Если булгары не допускали аравитян[19] проникать далее и знакомиться с другими странами, то сами имели деятельные сношения с народами, обитавшими к северу от Булгарии. О поездках их в землю веси[20], как известно, простиравшейся от Шексны[21] и Белого озера на запад, есть положительные известия у арабов; сношения их с мерею[22] подтверждаются нашими русскими летописцами. Хотя и нет письменных свидетельств, что булгары посещали Биармию[23] и Югру[24], однако сомневаться в этом нельзя, потому что Кама открывала самый легкий путь в эти земли.

До каких пределов простирались булгарские владения на востоке и севере, положительных указаний не имеется. В наших летописях именуются: булгары волжские и камские, очевидно, жившие по Волге и Каме; серебряные, или нукратные, как надобно полагать, обитавшие по р.Вятке, которая у татар и черемисов

называется Нукрат или Наукрат[25], но есть также в Спасском уезде небольшая речка Нохратка, текущая несколько южнее развалин булгарской столицы; черемшанские — конечно, по речкам Большому и Малому Черемшанам в Чистопольском уезде и в Самарской губ.; булгары Тимтюзи, приурочиваемы некоторыми исследователями к уезду Тетюшскому[26]; наконец, булгары хвалисские[27], или нижние, жившие в низовьях Волги. Кроме того, в летописи Нестора встречается название булгар черных; византийские писатели точно так же Волжскую Булгарию, в отличие от Дунайской, именовали «Черною». Ориенталисты полагают, что такой эпитет утвердился за здешними булгарами потому, что цари булгарские, приняв магометанство, усвоили себе также и черный цвет одежды, любимый, так сказать, официальный у халифов Аббасидской династии[28].

Учение ислама, искренно принятое булгарами, довольно быстро и глубоко укоренилось в здешнем краю. Булгары стали не только ревностными исполнителями предписаний Корана, но и ревностными пропагандистами мухамеданства. Из Нестора мы знаем, что булгары здешние (веры бохмиче) присылали своих миссионеров в Киев для обращения великого князя Владимира I. В летописях позднейших сообщаются даже имена двух христиан, Авраама и Феодора, замученных фанатиками. Один из поздних, впрочем, татарских писателей, Шереф-уддин бен Хисам-уддин Булгари[29], оставил довольно длинный список подвижников и утвердителей правоверия, распространивших ислам из Булгарии до Топола, Уфы, Саратова и Царицына. Сочинение это замечательно еще в том отношении, что может служить источником для определения местностей, занятых Булгарами или подчиненных им, или древности заселения некоторых частей Казанской губернии.

Арабские писатели описывают только столицу под именем Булгара да еще упоминают о городах Сиваре, или Суваре (также Суваз или Сиваз)[30], Исбиле, или Исболе, Басове, Мархе и Арнасе[31]. Имена двух первых встречаются и на монетах. В русских летописях при описании событий, относящихся к здешнему краю, поминаются города Бряхимов[32], иначе Великий Город[33], Кумань[34], Тура[35], Казань, Ареск[36], Биляр[37], Гормир[38], Баламыты[39], или Булемерь[40], Собекуль[41], Челмат[42], Тухчин[43], Торцкий[44], Ошель[45], Жукотин[46], Кременчук[47], но точного определения их нигде не указано. Упомянутый татарский историк, правда позднейший в сравнении с арабскими и нашими, перечисляя распространителей правоверия в здешнем краю, приводит следующие названия

мест, где они действовали: Казань, Тубулга-Ату, Меля, Буляр, Алат, Учум, Нурса; аулы: Айши-Беки, Кук-Куз, Ширдан, Тетюш, Казаклар, или Казачий, Теберди-Чаллы, Бердебек-Хан, Кутлу-Багаш, Джан-Багты, Бай-Джюри и проч. При многих из них поименованы и речки Казань, Бури, Уршак, Чушме (Шошма), впадающая в Вятку, Кичу, Сермесян (Черемшан), Чушме (Шешма), впадающая в Каму, Зия (Ия) и др. Здесь мы приводим только те названия, которые, можно сказать, несомненно принадлежат Казанской губернии и без большого труда приищутся в предлагаемом списке селений Казанской губернии; но Шереф-уддин точно так же довольно говорит о городе Елабуге, реках Ике[48], Мензеле[49], Уфе[50], Деме[51] и даже вскользь упоминает о Синбире, Сарытау и Сарычине (в которых весьма можно видеть прототипы Симбирска, Саратова и Царицына).

Вообще же из его рассказа довольно определенно усматривается, что действия мусульманских миссионеров с наибольшим успехом простирались по течению Камы и на юго-восток от нее; на север от Камы, кажется, они не заходили далее границы нынешнего Царевококшайского уезда; на правом берегу Волги, повидимому, пропаганда ограничилась исключительно побережьем. Это, впрочем, и понятно: на запад от Волги и к северу от устья Казанки сидело искони население иное — буртасы[52], эрзя, каратаи[53], мордва, черемиса[54] и прочие.

Поэтому и пределы обиталищ чисто булгарских надобно полагать преимущественно на камском побережье и в особенности на южном. Если названия местностей, сообщаемые Шереф-уддином, довольно легко приурочиваются, то из всех городов, упоминаемых арабскими географами и нашими летописцами, только местоположение Булгара, Буляра, Казани и Ареска признано было нашими историками, благодаря тому, конечно, что и доселе существуют Казань, Арск, Болгары и Билярск. Что же касается всех остальных, то лишь не в очень давнее время определилось положение Жукотина, а о прочих мало даже существует предположений, да и те до крайности разноречивы, потому что у нас еще не явился свой Реннель[55], который бы совершил пешехождение исключительно для поверки книги Большого Чертежа[56]. «Вообще наша древняя география, — писал некогда Н.И.Надеждин[57], — тем запутана, что никто не приурочивал ее живым наблюдением. Ларчик часто открывается гораздо проще, нежели как думается нам в кабинете над грудами книг».

Эти слова как нельзя лучше применяются именно к местности Казанской губернии. Настоящий труд не имеет целью разрешать

какие-либо вопросы из летописной географии, но нельзя не высказать и того, что нам известно по личному знакомству с Казанской губернией.

На всем пространстве уездов Казанского, Лаишевского, Мамадышского, Чистопольского и Спасского, а в особенности в двух последних, встречаются многочисленные остатки земляных сооружений, валов, рвов, насыпей, более или менее обширных, более или менее сохранившихся в целости, иные даже заросшие большим лесом, иные со следами бывших зданий. Большая часть их называется просто «городищами» и «городками» (по-татарски «кала») или отличается эпитетом по ближайшему селу, но иные имеют собственные названия, как например: Арап-городок, Старое Жило[58], Круглый городок, Гирей-кала[59], Нугай-кала[60], Кала-Тау[61] и проч. Замечательнее всего, что целая группа городищ носит название «Девичьих городков» (по-татарски «Кыз-каласа»)[62] и в народе, особенно между татарами, сохранилось предание о какой-то ханской дочери Шагир-бану, воевавшей с отцом своим и настроившей эти укрепления. Конечно, по скудости сведений об истории Булгарского царства да и по недостатку учено-археологических изысканий трудно с положительностью решить, все ли эти городки принадлежат именно булгарам или некоторые из них сооружены были в период господства Золотой Орды и даже позднее, когда образовалось самостоятельное царство Казанское. Во всяком случае, возможно, что и позднейшие сооружения устраивались большею частию на местах древнейших укреплений. Так, в XVII столетии, когда устраивались здесь оборонительные линии (Закамские черты) против набегов кочевников, то, точно так же, в некоторых местах древние городки вошли в ряд новых укреплений. Но этих последних никак нельзя смешивать с древними; для человека, совершенно незнакомого с фортификационною архитектурою, с первого взгляда заметна чрезвычайная разница в устройстве тех и других укреплений; да кроме того и в самом народе укрепления, принадлежащие к чертам, слывут под именем «шанцев»[63].

Не имея возможности исчислять здесь все местности, где находятся городища и другие остатки древностей, укажем только наиболее важные. Принимая, что село Болгары стоит на развалинах столицы, замечаем, что отсюда, как от исходного пункта, во все стороны тянутся ряды городищ. К северу, чрез г.Спасск, встречаются близ селений Куралова, Пичькасы, Измери и далее на правом берегу Камы, в Лаишевском уезде, около Ташкермана и Макаровки. К югу от Болгар, по направлению Волги — у Булы-

мери и Зеленовки и отсюда на восток, вдоль границы Самарской губернии, при селениях Нокряти, Качееве, Шибаши (назыв. «Круглым»), Камкине (назыв. «Нугай-кала»), Старом Баране, Налеткине. Отселе ряд городищ входит в Чистопольский уезд, и в нем заметнее обнаруживается по течению речек Черемшанов, Кичуя и Шешмы, в одном направлении через селения Сунчелеево (назыв. «Кыз-кала»)[64], Демкино, Щербень (назыв. «Калатау»), Альметово («Гирей-кала»), Билярск и Баран, выходит на берег Камы у Жукотина; а в другом при селениях: Старом Ибряйкине («Хир-кала»)[65], Тарханке («Старое Жило»), Енарускине («Хола-выpн-кереметь»)[66], Кутеме, Изгаре, Елантове, Красном Колке, Шахмайкине, Новошешминске («Арап-городок» и «Урва-городок»), Токмакле («Кыз-кала»), Староникитине («Кыз-кала»), Ачи, Булдыре и Змиеве. Отсюда чрез Каму, в уезде Мамадышском, наиболее заметны остатки по направлению речки Кирменки, в дачах селений Кирменей и далее к северо-западу в окрестностях Сабы, Зюри и Арняша; в связи с этими последними можно считать укрепления по речке Казанке: Арск, Князь-Камаево, или Старая Казань, и наконец Казань настоящая.

Повторяем, что, быть может, в числе этих городищ есть и возникшие в период монголо-татарский и что в то же время, но эти одни, должны считаться булгарскими. Напротив, в смежных уездах Уфимской губернии, отчасти и Вятской, также немало подобных сооружений: развалины каких-то зданий, известные под именем «Чертова городища» близ г.Елабуги, по характеру постройки совершенно сходны с развалинами села Болгар[67]. Припомним, что близ Уфы и близ Бирска есть также «Чертовы городища»; хотя тожество названий может не быть неопровержимым доказательством одинаковости их происхождения, но в настоящем случае в пользу этой одинаковости служит то, что эти городища находятся не в очень дальнем расстоянии одно от другого и все лежат именно в той стороне, куда, по всей вероятности, наиболее простиралась власть булгарская.

На левой стороне Волги, в пределах Тетюшского и Свяжского уездов, также встречаются городища, например у селений: Кирмелей, Уланова, Косякова, Тавлина, Большого Фролова и других; здесь же замечательны названия двух селений Большие и Малые Болгояры, близко напоминающие булгар. Но эта сторона, по всем соображениям, преимущественно обитаема была не булгарами, а другими зависимыми от них племенами. Наименование некоторых селений Буртасами[68] и Каратаями указывает на следы буртасов и каратаев, упоминаемых арабами. Замечательно,

что в пределах Казанской губернии не встречается ни одного селения, которое своим названием напоминало бы народ *эрза* или *арса*[69]; они действительно жили гораздо западнее и, по свидетельству арабов, только приезжали для торговли по реке в Булгар, но и то не любили рассказывать о своих делах. Что касается черемисов, также исконных обитателей северных частей здешнего края, то народ этот и по настоящую пору не вполне стряхнул с себя прежнюю дикость и живет очень разрозненно в лесистой стороне; больших селений они не имели, а защитою и укреплениями для сих сельбищ служили леса и болота. Впрочем, в наших летописях в последней четверти XII века говорится об одном «черемисском городе Кокшарове», завоеванном новгородцами. Ныне на этом месте стоит г.Котельнич[70]. В Царевококшайском уезде, между деревень Айшяза и Кубяна[71], близ границы Казанского уезда, есть довольно обширное городище, укрепленное рвом и валом, поросшее орешником, в нем заметны следы кирпичных строений. По сказанию окрестных татар, здесь был город еще до построения Казани, но имени его они не знают.

Славяне и руссы, как видно, состояли постоянно в близких сношениях с булгарами. Арабские писатели даже булгарского царя называют «царем славян» и дают ему титул, звучащий совершенно по-славянски: «владавец»[72]. Наш первый летописец не только не ставит булгар в число славянских народов, но прямо говорит, что «придоша от Скуф[73], рекше от Казар[74], рекоми Болгари, садоша на Дунаеви, насельници словеном быша». Поэтому совершенно справедливо мнение тех ориенталистов, которые принимают, что булгарская держава состояла из многих разнородных племен, что в состав ее могли входить частию и славяне и что потому-то присвоен был булгарским повелителям титул «славянских владавцев»[75].

Положительно известно то, что со времени образования славяно-русского государства мирно-торговые сношения с Булгарией нередко прерывались враждою, потому что князья русские, преимущественно распространяя свою власть по рекам, не могли отказаться от попыток завладеть всею Волгою, этим исконным «путем в Хвалисы[76], и далее на Восток, в жребий Симов»[77]. Так, из восточных писателей знаем, что русские проникли в Каспийское море и при этом имели столкновение с булгарами, потерпели от них поражение и за это впоследствии новым походом опустошили владения булгарские. При Владимире Святом, по нашим летописям, известны походы в Булгарию, хотя и довольно неопределенные — в Дунайскую или в Волжскую,— однако мно-

гие обстоятельства заставляют верить, что они предпринимались именно на Волгу[78], тем более, что сохранилось известие о заключении договора, по которому дозволялось булгарам торговать в русских городах на Волге и Оке. Несмотря на торжественность обещания обеих сторон хранить мир вечно и нарушить его лишь тогда, как начнет камень плавать по воде, а хмель тонуть в ней, — отношения обоих народов в продолжение всего удельного периода отличались прежним характером соперничества по торговле и власти. Летописи не сообщают никаких объяснений о причинах неоднократно возникавших войн, но можно видеть, что булгары, несмотря на свой торговый дух, не утратили воинственности. Ведя деятельную торговлю с севернорусскими княжествами, снабжая их хлебом, они пытались и утвердиться здесь, несколько раз вторгались в земли рязанские и ростовско-суздальские, овладевали Муромом и Устюгом. Князья русские не оставляли без отомщения эти набеги и, в свою очередь, сухопутно и водою, по Волге и Каме, проникали в Булгарию, жгли и разоряли разные городки и с полоном уходили восвояси. Особенно удачен был поход в 1220 г., после которого булгары униженно просили мира у великого князя владимирского Юрия Всеволодовича[79].

В таком положении дел наступила великая эпоха нашествия монголо-татарского. Хотя первые движения этих страшных завоевателей, как известно, устремлены были преимущественно по южным частям нынешней России, однако у некоторых восточных авторов есть краткое, но положительное известие, что в ту же пору монголы проникали и в Булгарию, где произвели большое опустошение. На многих мусульманских надгробных камнях, находящихся в развалинах прежней столицы булгарской и в других местах Казанской губернии, встречается довольно странная форма означения года кончины: «год пришествия угнетения — тарих джиат-джур». Ориенталисты, слагая буквы по численному их значению, открыли 623 год гиджры, соответствующий 1226 году нашего летосчисления. Однако, по другим объяснениям, эта анаграмма означает семисотые годы гиджры, т.е. начало XIV столетия[80]. Прошло еще несколько лет после этого бедствия, и монголы явились здесь снова. По нашим летописям, они пришли сюда перед зимою 1232 года. Булгары, уже испытав их силу, покорились без сопротивления, но скоро взбунтовались. Тогда, осенью 1236 г., «безбожние татары взяша славный великий город Болгарский, и избиша оружием от старца и до унаго и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша». С этого времени Булгария окончила

свое самостоятельное существование, вошла в состав громадной Монгольской державы и, разделяя общие судьбы ее, слилась с победителями так, что утратила наконец и свое народное имя. Этому наиболее способствовало, по всей вероятности, принятие татарами исламизма.

Скудость и отрывочность сведений об истории Большой, или Золотой, Орды, а в особенности о внутренней организации этой державы и ее отношениях к покоренным странам и народам, лишают возможности с надлежащею точностию изобразить положение здешнего края в так называемый монгольский период. Можно, однако, заключить, что булгарская столица, по-видимому, сделалась столицею ханов-завоевателей, пока не основали они себе новой резиденции на Ахтубе[81] под именем Шери-Сарая [82]. Несомненно, по крайней мере, то, что первые ханы Большой Орды приходили кочевать в здешние места и в г. Булгаре били свои первые монеты. Впрочем, в отношении монет, чеканенных в Булгаре, замечательно то обстоятельство, что в первое пятидесятилетие по завоевании монголами чеканились они еще по-прежнему с именами халифов, духовная власть которых глубоко здесь чтилась; эти монеты служили как бы последним выражением независимости Булгарии.

С утверждением местопребывания ханов в Сарае Булгария стала управляться наместниками. Смуты и междоусобия, начавшиеся в Большой Орде, выдвинули Булгарию снова на видный план. Многие из претендентов на звание хана старались упрочить свою власть здесь, и таким образом край переходил из рук в руки.

Движение монголов отозвалось в здешнем крае еще одним из важнейших последствий. Некоторые ученые принимают, что в эту самую пору водворились здесь вотяки, называющие себя *ут-мурт* или *от-мурт*, а у татар известные под именем *ари*. Полагают, что они первоначально обитали в нынешней Енисейской губернии, но, охваченные бурным порывом монгольского движения, были вынуждены оставить исконные свои пепелища[83]. Направляясь все на запад, собственно по северной полосе, они нашли себе приют в лесистой области побережий Вятки. С тех пор занятая ими местность стала называться в наших летописях «землею Арскою», живыми памятниками которой остаются ныне г.Арск и «Арское поле», некогда примыкавшее к Казани с северо-востока, а теперь почти уже вовсе застроенное. Новые пришельцы, управляясь родовыми князьками, жили особняком, не сближаясь с туземцами, т.е. с булгарами, от которых резко отличались языком, вероучением, образом жизни. Булгары, будучи

выше аринов по развитию, смотрели на них, как и на других обитателей лесов, свысока. Этот взгляд удержали и современные нам татары: сильнейшим оскорблением для себя они считают название *арина*.

Что касается отношений здешнего края к Руси, то, несмотря на господство татар, русские по-прежнему продолжали свои попытки утвердиться в нем, или, по крайней мере, ослабить его перед собою. Особенно часто производились нападения в XIV столетии, когда Орда стала распадаться, а на Волге и ее притоках усилились ватаги молодых, бездомных новогородцев, так характеристически называемые в летописях «вольницею». Вольники, или ушкуйники, разъезжая по Волге, грабили и русские города и селения; более же всего творили зла бесермянам, «гостей избивающе, а товары их емлеюще». Булгары нередко призывали князей русских к суду ханскому за эти грабежи; князья иногда отыскивали разбойников и выдавали их головою, однако это не препятствовало образованию новых шаек. Как известно, они существовали до весьма позднего времени и в XVII столетии держались преимущественно в самых нижних частях Волги и в прилегавших к ней степях, и надолго замедляли правильное заселение тех мест. Но не одни грабежи вольников опустошали Булгарию, неоднократно также предпринимались сюда и настоящие воинские походы. Особенно часто ходили сюда князья суздальские, владения которых были пограничны с Булгарскою землею. Мало-помалу, под влиянием и даже по выбору князей русских, стали утверждаться в Булгарии мелкие татарские князья, или наместники. Очевидно, край начинал подчиняться Руси. Дмитрий Донской, еще прежде побед своих над Мамаем, уже чувствуя себя достаточно сильным, начал совершенное покорение Булгарии. В 1377 г. отправленное им войско произвело здесь страшное опустошение; князья булгарские Асан[84] и Магамет-Салтан[85], прося мира, дали откуп в 5 000 рублей и приняли в города московских правителей (даруга) и таможенников. Точно так же поступал с Булгариею и сын Донского, князь Василий Димитриевич, которого даже прозвали «завоевателем Булгарии».

Успехам русских князей в Булгарии более всего способствовала общая неурядица в Большой Орде. Эта громадная держава, не сплоченная строгою внутреннею организациею, распадалась на части; правители областей объявляли себя независимыми, истребляли один другого. Древняя знаменитость Булгарии, ее богатство привлекали на себя внимание искателей ханского достоинства, и она еще с половины XIV столетия стала совсем отделяться от

Большой Орды. Но в эту пору вместо древнего «Славного великого города Болгарского» стала выдвигаться на первый план Казань. Окончательное разрушение прежней булгарской столице нанес Тамерлан[86], во время похода на Тохтамыша, за которого, как видно, стояла Булгария. Тамерлан, овладев городом, велел разогнать уцелевший народ в разные стороны, наказав, чтоб и не смели здесь водворяться. Тогда, по свидетельству татарских историков, бежавшие жители положили основание некоторым новым селениям в нынешней Казанской губернии: «старик Тетюш с поколением своим очутился у оврага Булги, и стало селение Тетюш[87]; старик Лаиш с своим поколением очутился на берегу Белой реки (Кама) — стало селение Лаиш[88]; старик Мамадыш остановился на реке Нукрат (Вятка) — стала деревня Мамадыш[89]; некоторые переселились в Новую Казань, что на устье Казанки, и проч.».

Основание Казани с точностью неизвестно. По некоторым преданиям, она возникла еще в XIII веке, вскоре после Батыя, и первоначально носила название *Саинова Юрта*. Не подлежит, однако, сомнению, что древнейшая Казань стояла на другом месте. В 47 верстах от нынешнего губернского города, несколько влево от Симбирского почтового тракта, стоит русская деревня Князь-Камаева, или Искамова. В дачах этого селения на правом, довольно высоком и крутом, берегу Казанки есть городище, называемое «Старою Казанью» — по-татарски Иски-Казан. Остатки этого городища состоят из земляного укрепления, неправильно-овальной фигуры, около 1,5 версты в окружности. Вал, ограждавший эту крепость с северо-восточной стороны, весьма высок и кроме того защищен глубоким и широким рвом. Посредине вала сделан разрыв, вероятно, служивший прежде воротами. Южная и западная стороны городища, как примыкающие одна к Казанке, а другая к глубокому оврагу, обрыты только рвом в ширину не более сажени. Посреди этого рва также находились ворота, прямо против ворот северных. Внутренность самого городка давным-давно распахивается, но рвы и валы пока остаются неприкосновенными. В прошедшем столетии академик Георги[90] нашел еще здесь несколько надгробных камней; ныне ничего этого нет, да и чрезвычайно редко случаются какие-либо находки.

По всей вероятности, этот самый город был разорен в 1399 г. войском Василия Димитриевича и оставался в запустении. Прошло около сорока лет с этого времени, как совершилось одно событие, имевшее чрезвычайно важные последствия.

Хан Большой Орды Улу-Махмет, или Улуг-Мухамед, низвергнутый с престола Кичи-Махметом, искал убежища в России и осенью 1438 г. занял Белев (в Тульской губернии). Великий князь московский Василий Темный сначала принял его не как изгнанника, но как повелителя, с честью и дарами; после же, когда Улу-Махмет начал собирать себе войско для борьбы с Кичи-Махметом, Василий потребовал, чтобы он удалился от Белева и даже отправил против него сильную рать. Высланное войско, как видно из летописей, не соблюдало никакой дисциплины, грабило своих же русских, «неподобная и скверная деяху», а потому, несмотря на свою многочисленность, было разбито Улу-Махметом наголову. Улу-Махмет не ослепился своим успехом; притом, имея только около 3 000 войска, он не мог предпринять ничего против России. Отказавшись от домогательств на престол Золотой Орды, он весною 1439 г. ушел из Белева в Булгарию. Пришествию его обрадовались жители этих мест, просили его быть их защитником, и он занял разоренную в 1399 году Казань, но найдя эту местность неудобною, построил новую деревянную крепость уже на том месте, где стоит нынешний Казанский кремль. В счастливую пору возник этот городок: рассеянные Тамерланом булгары, неоднократно к тому же ограбленные ушкуйниками и русскою ратью, стали стекаться под защиту Казани. Слух о новом Казанском царстве привлекал в него отовсюду жителей — из Сарая, Астрахани, Азова, Крыма, Сибири и Бухары... «и прииде царская слава и честь и величество Большия Орды, престарые матери ордам всем, на преокаянную дщерь младую Казань и паки ж возрасте царство и оживе, яко древо умерши от зимы, и наставши весне, и воссиявшу солнцу и обогревшу, и от злаго древа, от Златыя Орды, злая сия ветвь произыде Казань и от нея горький плод».

Так говорит сочинитель «Истории о Казанском царстве» — какой-то русский, бывший 20 лет пленником в Казани и освободившийся после взятия ее Иоанном Грозным. Должно впрочем заметить, что, не говоря о множестве басен, в этой истории часто перепутаны года и искажены события. В других летописях, более достоверных, основание царства Казанского относится к 1445 году и приписывается не Улу-Махмету, а его сыну Мамутяку (Махмутеку): «взял город Казань, вотчича Казанского князя Либея (Али-бея) убил, а сам сел в Казани царствовати, и оттоле поча царство быти Казанское».

Как бы то ни было, только новое царство Казанское действительно в продолжение своего столетнего существования принесло России горькие плоды.

Возникновение новой опасной силы на месте Булгарии, только что доведенной до совершенного распадения постоянными усилиями русских, естественно, должно было отозваться весьма чувствительно в их сознании. Великие князья московские, явившиеся собирателями и сплотителями разъединенных частей Русской земли, сумевшие, несмотря на гнет ордынского могущества, свои стремления довести до правильной и строго преследуемой политической системы, — теперь должны были вновь начинать продолжительную и упорную борьбу, чтобы обезопасить собственное существование. Можно почти за верное принять, что утверждению Казанского царства весьма много, если не вполне, содействовала кровавая усобица между великим князем Василием Темным и его двоюродными братьями — Василием Косым и Дмитрием Шемякою. Положительно известно, что Шемяка состоял в тесных отношениях с Улу-Махметом и Мамутяком в ту самую пору, когда Василий Темный вел с ними войну. Если Орды Большая, Ногайская, державшиеся в отдаленных степях южного поморья, причиняли немало зла Московскому государству, то Орда Казанская, ставшая почти под боком Москвы, грозила несравненно большими опасностями, ибо, едва успев возникнуть, уже несколько раз вторгалась во Владамирско-Суздальскую область, проникала до самой Москвы и даже вовсе завладела было Нижним Новгородом. Поэтому нужно было принять меры такие, которые если и не быстро, то постоянно действовали бы к ослаблению Казанского царства, пока не настанет время к нанесению решительного удара.

Проследить во всей полноте и подробности историю отношений Русского государства к Казани весьма важно, но для того нужно не наше краткое обозрение. При всем том нельзя не указать на главнейшие события, а в особенности на систему политики, принятой государями русскими по отношению к Казани. Эта система на Руси в отношении к различным кочевникам утвердилась давным-давно. Она заключалась главным образом в том, чтобы, дружа со всеми, направлять одних против других, именно в том самом правиле, которое западной Европе заповедал знаменитый политик, только что родившийся в ту пору, когда московские князья уже в последнем развитии применяли этот способ к Казани.

Применению этой системы способствовал сам основатель царства Казанского. Мамутяк, также следуя системе азиатского правления, чтобы прочнее утвердиться, убил отца и меньшего своего брата Юсуфа. Другие его братья, Касим и Якуб, бежали со

своими приверженцами и искали союза с князем Московским, конечно, потому, что враги его были союзники Мамутяка. Эти «царевичи», как называют их наши летописцы, оказали немаловажную помощь Василию Темному как в войне его с Шемякою, так и в ограждении против набегов татар Большой Орды. За эти услуги Касим получил от Василия Темного Мещерский городок на берегу Оки, в Рязанской области (ныне город Касимов). Владение этим городком предоставлено было Касиму. Хотя и полное, но зависимое, вассальное в отношении к князю Московскому. Расчет был прямой и верный: покровительствуя Касиму, можно было постоянно влиять на дела казанские; при неопределенности порядка престолонаследия вообще в ордах можно было в Касиме или в его потомстве иметь всегда готового претендента на верховную власть в Казани. К тому же городок, отданный Касиму, стоял на распутьи между Москвою и Казанью, отчасти преграждал и пути из Большой Орды, Ногаев и Крыма. Ни летописи, никакие государственные акты того времени не объясняют этих поводов, но они усматриваются теперь из соображения всех отношений московских государей к различным ордам.

Случай вмешаться в дела Казанские не замедлил представиться. По смерти Мамутяка начались неудовольствия против его сына Ибрагима, некоторые из мурз стали звать на ханство Касима. Великий князь Московский Иоанн III немедленно отправил с Касимом сильный вспомогательный отряд, который, впрочем, не успел достигнуть предположенной цели, а на возвратном пути едва не погиб весь от бескормицы и бездорожья. Ободренный таким исходом дела, Ибрагим начал делать набеги на русские области. В свою очередь, не оставались спокойными зрителями и русские: точно так же несколько раз ходили они в земли Казанские, по тогдашнему обыкновению, опустошили городки и селения, стеснили самую Казань и довели Ибрагима до необходимости просить мира «на всей воли великого князя». Эта фраза получила свое буквальное значение, когда умер Ибрагим и в Казани снова начались беспорядки. Ханом сделался сын Ибрагима Ильгам (Алегам); но соперником ему явился младший его брат Мухаммед-Амин (Махмет-Амин). Враждующие обратились к посредничеству Иоанна III, который, сколько можно заключать из дошедших до нас известий, «сажал на царство» неоднократно то одного, то другого из претендентов и в 1487 г. кончил тем, что Ильгама со всем его семейством велел заточить в Вологду. В эту самую пору Иоанн III включил в свой титул название «Государя Болгарского». Это показывало, что уже господство Русской власти

над здешним краем признавалось довольно упроченным, если и не совсем утвержденным. Действительно, с этих пор великие князья русские распоряжались Казанским ханством как собственностью, несмотря на то, что впоследствии встречено было весьма сильное противодействие со стороны крымских ханов, старавшихся присоединить Казань к своим владениям. Как прежде по воле великого князя то Ильгам, то Мухаммед-Амин возводились на ханство, так после того несколько раз Мухаммед-Амин должен был оставлять престол для своего брата Абд-ул-Латифа, пока наконец оба не умерли в 1519 году. Казанцы уже привыкли к самовластному распоряжению великого князя Московского и теперь били челом: «земля Казанская — Божия и твоя, государя великого князя, а мы — холопи Божии да твои государевы; и ты б, государь, пожаловал и об нас умыслил и о всей земле Казанской государя б еси пожаловал нам». И государь великий князь пожаловал: назначил царем Шах-Алия (Шигалей), происходившего из царевичей Золотой Орды и управлявшего тогда Касимовом. Этот Шах-Али, по описанию современников, был «зело взору страшного и мерзкого, имел уши долгие, на плечах висящие, лицо женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени долгие, скотское седалище», — и прибавляют в заключение: «такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и посмеяние им». Судьба нового хана, дожившего до совершенного уничтожения ханства Казанского, была во многом сходна с судьбою его предшественников. В продолжение 33 лет, протекших до окончательного присоединения Казани к России, Шах-Али также несколько раз то выгоняем был казанцами, то низводим по воле русского правительства; в промежутки же завладевали на некоторое время Казанью крымские царевичи Сагиб-Гирей, Сафа-Гирей (трижды) и Утямыш-Гирей, также брат Шах-Алия Джан-Али (Еналей) и наконец астраханский царевич Ядигар-Мухамед (Едигер).

При этом последнем хане Казань после полутаромесячной осады взята приступом 2-го октября 1552 года и принята в состав городов русских, яко отчина, по выражению летописей. Хан Ядигар, взятый военнопленным, отведен в Москву и вскоре принял там христианство вместе с предшественником своим малолетним Утямыш-Гиреем. Этот последний поход под Казань, совершившийся под верховным качеством Иоанна Грозного, настойчивая осада и упорное сопротивление и штурм, сопровождающийся страшнейшим кровопролитием, описаны с большими подробностями во всех наших летописях и одним из участников в

знаменитом деле — князем Андреем Курбским. Все это показывает, какую степень важности придавали современники этому событию. Но еще более открывается чрезвычайное значение присоединения Казани в том, что наша народная поэзия, не богатая числом произведений, касающихся исторических событий, создала о походе на Казань царя Грозного несколько песен, еще и теперь не исчезнувших из памяти народа. После взятия города Иоанн объявил свое милостивое слово всему воинству, «паче пресветлого камения цветущия раны на себе имущему», также велел собрать тела всех русских, погибших на штурме, и похоронить их в общей могиле на том месте, где стоял его собственный шатер. Вместе с этим положено здесь основание монастырю, иноки которого обязаны были петь панихиды над погребенными. В нынешнем уже столетии, в 1820 годах, над этою могилою сооружена довольно обширная церковь, имеющая вид памятника[91]. Сюда ежегодно, в день 2-го октября, совершается торжественный крестный ход из находящейся в кремле церкви святых мучеников Киприана и Устинии, ныне каменной, а прежде деревянной «обыденной», т.е. срубленной в один день.

Так совершилось присоединение Казанского края к Русскому государству. Указывая на образ политических действий русских князей в отношении к ханам и их подданным, мы не должны забывать, что это была только одна сторона дела. Вмешательство в семейные распри Казанских ханов, конечно, влекло за собою важные последствия, но полный успех в достижении цели, завещанный русской власти в течение многих столетий, зависел от других обстоятельств. Известно, что как скоро власть Руси утвердилась в верхней части Волги, то начались стремления овладеть всем течением этой реки, а северо-восточные ее притоки невольно манили и в глубину примыкавших к ним стран. Волга являлась неизбежным путем Запада в неведомый Восток, христианства и цивилизации — в мир варварский. Потому-то на Волге же утвердился и последний оплот варварства против цивилизации. Инстинктивно сознавалось монголо-татарскими ордами их призвание стать на Волге преградою против вторжения новых начал; инстинктивно же было и постоянное, непреклонное стремление славяно-русского народа на восток, призванного водворять там эти новые начала. Большая Орда, утвердившаяся в раздолье степей Нижнего Заволжья, скоро стала слабеть; но вместе с тем отделившиеся от нее части яснее понимали, что они должны наивозможно упорнее держаться в тех местностях, где непосредственно они становились лицом к лицу с народом, хотя

покорным им, однако наиболее способным к борьбе и победе. Вот почему почти единовременно возникли новые орды Казанская и Крымская, причинившие много зла русскому народу. Это были передовые и чрезвычайно крепкие посты, которыми коренной Восток защищал себя от Запада. Ныне ни океан, ни заоблачные хребты гор, ни солончаково-песчаные голодные степи, ни искусственные неизмеримо длинные стены не преграждают путей цивилизующим началам. Если древняя Европа приняла свет с востока, то теперь, в свою очередь, всеми силами стремится пролить его среди погрузившейся во мрак Азии.

Стремление стать твердою ногою в Булгарии не удалось русским. Разгром монгольский вообще задержал расширение области русской и в этом отношении, быть может, принес еще пользу, ибо воспрепятствовал, так сказать, расплыться и растеряться русской народности среди каких-либо половцев, мордвы и т.п. Отбросив Русь к северу, монголы заставили ее оглянуться на свое положение, заставили более сосредоточиться. А как только она, насильственно сконцентрированная, достаточно укрепилась, то немедленно вновь, по закону упругости, начала искать исхода. Тогда опять начались стремления на запад, юг и восток.

Ханство Казанское, основавшееся в Булгарии, как мы видим, еще задолго до появления монголов достигшее значительной степени развития гражданственности, оказалось наиболее опасным. Это не была Орда Крымская или Ногайская, главным образом, ограждавшаяся степями и почти во все время своего существования сохранившая полукочевой быт и в ведении войны державшаяся системы хищнических набегов. Ханство Казанское прямо село в городах и городках, умело их строит и защищается в них; а эти городки и самый главный город ханства стояли почти рядом с укреплениями русскими (Нижний, Курмыш); со стороны Руси ограждалось оно не пустотою безлюдных степей, а твердынями могучих лесов, где обитали народы грубые, всегда враждебно относившиеся к Руси. Сами по себе эти народы не могли никогда противостоять русской силе, но под защитою ханства они делались чрезвычайно упорными.

При таких условиях, естественно, все внимание Московских князей должно было обратиться на Казань, ослабить и потом сокрушить ее было их задачею. Но действовать решительно и наступательно еще не представлялось возможности, потому что и внутри самой Руси еще существовали не вполне сплоченные с Москвою части, не совершенно подчиненные ей. По мере того, как единовластие московских государей утверждалось и

расширялось внутри, смелее и наступательнее начали они действовать против Казани. Василий Темный только дает приют бежавшим из Казани царевичам Касиму и Якубу, обращает их в своих служилых подручников; Иоанн III уже открытою силою пытается сделать Касима ханом, а подчинивши себе вольный Новгород и новгородскую колонию Вятку, предпринимает сильные походы в пределы Казанского ханства, возводит по своей воле ханов, оставляет при них своих воевод, называет себя «государем Болгарии». Действия сына Иоаннова, Василия, еще решительнее: несмотря на распрю с Крымскою Ордою, желавшею овладеть Казанью, он назначает ханов, а когда крымцам удалось проникнуть в Казань, он запретил русским ездить для торговли и уже в пределах ханских владений на устье Суры поставил крепость (Васильсурск)[92], долженствовавшую служить пунктом опоры в борьбе с казанцами и местом торговых с ними сношений. В малолетстве Иоанна IV, когда управление государством принадлежало боярской думе, наше влияние на Казань несколько ослабело, однако в общей системе действий больших изменений не последовало; а как скоро сам Иоанн достиг совершеннолетия и венчался на царство, то одним из первых его предприятий было открытие военных действий против Казани. И надобно заметить, что это предприятие вызывает к себе полное сочувствие целого государства: все уверены, что рассыплются поганых страны, и смятутся, и погибнут, и ангел господень будет погонять их. Очевидно, дело признается национальным и богоугодным. Первоначально походы не имели полного успеха, но главным и весьма важным последствием их было значительное подчинение чувашей и черемисов, в земле которых, особенно на горной стороне Волги, тогда же стали возникать русские военные поселения, конечно, чрезвычайно редкие и не сильные числом народа, однако достаточные служить сторожами над Казанью и держать в подчинении лесных обитателей этих мест. Наконец, основание Иван-города на Свияге (ныне Свияжск) в 1551 г., почти под стенами самой Казани, так сказать, закрепило эту часть ханства за Русскою державою. Иоанн IV так и смотрел на эту крепость; назначая ханом Шах-Алия, он дал ему в управление только луговую сторону Волги и не только не отступил от такого решения, несмотря на все мольбы хана, но, видя его настойчивость, повелел свести его с престола и принять управление наместнику, князю Семену Микулинскому. Казанцы начали присягать на верность русскому царю, но потом забунтовали, не впустив к себе воевод. За ними начали волноваться черемиса и чуваши. Эта измена наказана была покорением Казани.

Итак, великая задача была исполнена — земля Болгарская, «прародительская князей русских отчина», по выражению летописей, присоединена к Московскому царству. Громадное значение этого завоевания обнаружилось немедленно: несмотря на волнения в новоприсоединенном крае, русская власть и вообще русский элемент утверждались в нем, и отселе тотчас начались воинские предприятия против других орд. Покорились Астрахань и Башкирия, открылся путь в Сибирь, и двинулись туда предприимчивые ватаги казаков «поискать новых землиц» для приведения их под высокую руку великого государя.

Но, одержав победу физическую, нужно было еще одержать победу моральную: нужно было выдвинуть нравственные силы русского народа, иначе физическая победа могла повести за собою нравственное поражение. В чем же состояли государственные меры к обрусению здешнего края?

Выше было замечено, что на другой же день по взятии Казани построена в ней небольшая церковь Киприана и Устинии. Тогда же были заложены еще две другие церкви (Спасская и Благовещенская) и монастырь Успенский (ныне Зилантов). Это было не только выражением благоговейной благодарности Господу за одоление страшного врага и супостата, но и знаком того, что отныне эта земля до скончания века должна быть истинно русскою.

Чтобы обратить зловерную Казань в город христианско-русский, Иоанн IV запретил в ней строить мечети и жить некрещеным татарам и другим инородцам. Вскоре за тем, именно в 1555 году, для большего утверждения и распространения христианства в крае в Казани учреждена епархия и архиепископом назначен игумен Троицкого Селажарова монастыря Гурий, давно известный царю святостию своей жизни и глубоким пониманием государственного значения церкви. Вследствие этого святитель Гурий поставлен был царем весьма высоко даже в отношении к общему управлению краем. В «наказной памяти», данной ему при отъезде в Казань, прямо сказано: «о думных делах с наместниками и воеводами советовати и мысль своя на всякие дела им давати, опричь одних убивственных дел»; а в наказе воеводе князю Шуйскому повелено: «совет бы еси держал со архиепископом в наших делах и дела наши с ним берег за один, по нашему наказу». Гурию предоставлено было даже высшее наблюдение за администрациею: «а уведает, что у наместника и у воевод в граде небрежно, или людем в чем насилие неподельно, и архиепископу наместнику и воеводам о том говорится дважды и

грижды, чтоб того берегли, что у них небрежно, или людем какое насилие, и они б не делали; а не послушают — и архиепископу о том писати к государю царю и великому князю вправду, как ся что деет». В отношении к инородцам Гурий поставлен защитником и ходатаем: «а которого татарина в какове вине велят его воеводы казнити, а придут о нем иные татарове бити челом о печалованье, и архиепископу о тех посылати отпрашивати»; даже более того — Гурию дано было великое право укрывать и воеводам назад никак не отдавати прибегшего под его защиту опального, т.е. то, что на западе называлось jus asyli[93]. Что касается распространения христианства между инородцами, то царь вменял в обязанность: «кротостью с ними говорити и приводити их к крестьянскому закону, разговаривая с ними тихо со умилением, а жестокостию с ними не говорити», и далее: «и всякими обычаи, как возможно, татар к себе приучати и приводити их любовью на крещение, и страхом их по крещению никак не приводити». Чтобы обеспечить архиепископа в экономическом отношении, царь назначил ему большое содержание и отписал на него многие земли, между прочим, селения Тарлаши, Кадыш, Караиш, Карадулат.

Гурий явился строгим исполнителем планов царя. Он был именно руководителем русской колонизации и сеятелем христианства и первой грамотности в крае. С первого шага по земле казанской Гурий начал подвиги своего призвания. Прибыв на то место, где предположено было основать город Чебоксары, святитель назнаменовал место этому городу, в палатке отслужил первую литургию, сказал поучение будущим обитателям и властям города и благословил их иконою Богоматери, хранящеюся и доныне в соборной Чебоксарской церкви[94]. Точно так и в Свияжске, и в Казани он прежде всего, по совершении богослужения, обошел с крестами городские стены. Признавая необходимым для успешнейшего обращения неверующих устроить прежние и основать новые монастыри с тем, чтобы при них заведены были училища для малолетних детей иноверцев, Гурий представлял о том царю и просил у него пособия и обеспечения в содержании монастырей. Искони в русской земле иноческие обители являлись передовыми постами русской колонизации, так и здесь, еще в исходе XIV века, т.е. более чем за полтора столетия до покорения Казани, русская оседлость началась под влиянием монастыря Нижегородского Благовещенского, которому в 1393 г. даны были земли от речки Курмышки вниз по Суре, по реке Волге и где в непродолжительное время возникли монастырские

поселки, например, Мигино и другие. Иоанн Грозный смотрел на монастыри как на могущественное средство к обрусению иноверного инородческого края, но не отличался особенной наклонностью к раздаче монастырям вотчин и даже постановил: в большие монастыри впредь вотчин не давать, а в малые монастыри вотчины давать лишь с разрешения государя. Поэтому на ходатайство Гурия он отвечал: «Писал еси ко мне, во граде Казани устрояеши монастырь, еже аз начах (т.е. Зилантовский), и другие хощеши строити; се дело добро содеваеши, помози тебе Бог на тое... Блага есть сия речь ваша, еще старцем дети обучати и поганыя в веру обращати, то есть долг всех вас. Туне есть чернцев ангелом подобными именовати, несть бе им сравнения, ни подобия никоего же; а подобишися апостолом, их же Господь наш Иисус Христос посла учити и крестити люди неверующие, и се есть долг ваш; учити же младенцы не только читати, писати, но читаемое право разумевати, и да могут и иные поучити... Посла громоту к наместнику... и велел есмя дати ему отчины, поговоря с тобою, из арских и ногайских и нагорных волостей, пустых, да гожих; сколько пригоже оныя возьмите, а коли увидите, что мало, ино пишите ко мне, а я дело доброе не пожалею и не откажу... Только попомни ты, что почасту рекл, когда был ты игуменом, еже не добро монастыри богатити через потребу и великия отчины давати, они бо сим более пустуют, пьянствуют и ленятся, а праздность на всяко зло влечет». При всем том царь утвердил представления архиепископа и щедро назначил содержание монастырям Казанскому Спасопреображенскому и Свияжскому Богородицкому. Раздавая земли и угодья, он был уверен, что монастыри призовут на них русских поселенцев, и в этом не обманулся. Охотников селиться явилось довольно, потому что жизнь на монастырских землях была льготна. Впоследствии, при царе Михаиле Федоровиче по жалобам казанских воевод даже запрещено крестьянам и рыбным ловцам у казанского митрополита и у монастырей оброчить земли и угодья.

Действительно, земли казанских епископов простирались на огромное пространство вниз по Волге от Казани и за Каму, полосою верст в 10 ширины; архиерейские дома с небольшими монастырями находились, например, в Болгарах и на Эдемском острове, бывшем в Чертыке, а когда этот остров стало размывать, то перенесен на место нынешнего города Спасска[95]. Монастыри же имели земли в окрестностях городов, где они стояли, и только уже впоследствии распространили свои вотчины, пре-

имущественно по горным берегам Волги, Камы и Вятки. Таким образом, побережья рек, сделавшись принадлежащими монастырям, в непродолжительное время значительно заселились исключительно русскими людьми и отчасти крещеными инородцами и образовали как бы живую межу вокруг иноверцев, которые по необходимости должны были отступить от рек и держаться внутри страны.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в Казанской стране в первую пору возникали монастыри только в городах или почти рядом с ними, тогда как в других частях России весьма многие обители основывались в каких-либо дебрях, потому что получили начало вследствие чисто религиозного стремления к уединению или по ревности к проповеданию веры. Здесь, под влиянием подобных побуждений, основались уже в XVII веке (1613—1615 гг.) только две пустыни — Седмиозерная[96] и Раифская[97]. Основатели этих обителей, иноки Спасопреображенского монастыря Ефимий и Филарет, стали искать себе места для молитв уединенных. Они углубились внутрь лесов, идущих на север от Казани, и оба обрели себе желанные места в таких дебрях, где черемисы, самое неприязненное для русских племя, собирались для языческих жертвоприношений. Скоро к отшельникам прибыли другие иноки, и таким образом составились общежительства; а затем вблизи иноческих обителей водворились и крестьяне. Поэтому возникновение монастырей Седмиозерного и Раифского было торжеством русской колонизации: смиренные отшельники успели достигнуть того, что пред ними отступили черемисы, долго и упорно сопротивлявшиеся оружию. Спустя 35 лет после основания Седмиозерной и Раифокой пустыней получила начало еще новая пустынь — Мироносицкая[98], причем вместе с православным русским человеком действует и черемисин Антуганко. Эти три обители и в настоящее время являются самыми дальними пунктами русской колонизации в глубине лесов черемисских.

Таков был ход водворения русского элемента в Казанской стране под влиянием церкви. Успехи его обеспечивались и обусловились общими мерами по управлению краем, которые тоже направлялись преимущественно к тому, чтобы эту страну, дотоле чуждую Руси, сделать вполне русскою.

Иоанн IV, овладев Казанью, старался с населением всего края сохранить прямые и благосклонные отношения, почему немедленно разослал повсюду милостивые грамоты, которыми обещал, в случае повиновения, держать народ, как было при ханах.

Эти воззвания на первых порах имели успех: из многих улусов явились в Казань старшины и дали присягу на верность. Но не прошло и двух месяцев с отъезда царя в Москву, как началось волнение между черемисами и чувашами, а потом с ними соединились татары и вотяки, из-за Камской стороны стали двигаться башкиры и ногаи. Действия русских войск, вообще немногочисленных, были неудачны, тем более, что приходилось бороться в глухих местностях зимою и раннею весною. Мятежники еще более ободрялись своими успехами и поставили себе довольно крепкий городок где-то на Меше[99], откуда производили набеги и на горную сторону Волги, где сравнительно было спокойнее. Луговые черемисы даже выбрали себе какого-то царя на ногайских мурз, но вскоре впрочем умертвили его за то, что он и сущие с ним не сотворили помощи столько, сколько волов и коров поели. Бунт разгорался более и более, так что при дворе многие уже советовали со вопиянием царю, да покинет место Казанское и град, и воинство христианское сведет оттуда. Да и в пору ли было боярам подавать благие советы, когда царь был почти при смерти, а они перед больным спорили и ссорились, не хотели присягать новорожденному сыну Иоанна, затевали возвести на престол князя Старицкого Владимира Андреевича. Этой неурядице придворной наиболее должно приписать всю неудачу тогдашних дел в Казанском крае.

Как только выздоровел Иоанн, то отправил в Казань сильное вспомогательное войско. Оно, следуя общепринятой тогда системе войны, производило повсюду страшное опустошение, но положительных результатов не достигло, конечно, оттого, что воеводы, в том числе и Курбские, по свидетельству самого царя, «в повинных место неповинных приводили, измену на них туне возлагая, а виновным никоего же зла сотворили». Царь не мог отказаться от завоевания, стоившего больших пожертвований, и потому настойчиво продолжал дело закрепления здешнего края за Россиею, хотя волнения черемисов не прекращались во все его царствование. В эту пору, в видах стратегических, в разных местах основаны были новые городки: Арск, Лаишев, Чебоксары, Тетюши, Козьмодемьянск, Кокшайск, Алаты. Вместе с этими городками естественно должна была увеличиться численность русского населения, тем более, что тогда же много было роздано земель в поместья и вотчины, и на них стали переселяться выходцы из внутренних областей.

По смерти Грозного правительство также продолжало великое дело водворения русской народности в здешнем крае. В пос-

ледние годы царствования Грозного владения русские распространились внутрь Башкирии и за Уральский хребет. Теперь еще более нужно было связывать эти разбросанные на громадных пространствах колонии русской власти, и потому еще более появилось городков, которые должны были служить и центрами администрации, и точками опоры. В пределах Казанской губернии возникли тогда Цивильск и Царевококшайск, а в соседстве с Казанским краем Царевосанчурск, Уржум, Яранск, а далее Уфа, Самара, а от последней вверх по обеим берегам Волги расположились так называемые сторожи, и чрез посредство их самый южный из казанских городов Тетюши введен был в связь с прочими укреплениями, которые с 1572 года имели назначением охранять всю пограничную линию государства со стороны ордынской.

С этого времени можно считать окончательно введенным Казанский край в общий строй государства Русского. Если смуты, постигшие русскую землю в первое десятилетие XVII века, отозвались и здесь, то уже это самое обстоятельство служило доказательством, что русский элемент, составляя интеллигенцию края, увлекался к участию в общих интересах государства. Волновались в эту пору опять инородцы, и опять более и долее всех черемисы, но их брожение имело характер особый, не имевший ничего общего с брожением умов русского народа.

Казань по своему административному значению в эту пору замешательств оказывала важное нравственное влияние на всю северо-восточную часть России. Удивляться колебаниям и изменчивости казанцев нечего, потому что тогда также колебалась и Москва. Казанцы то держали сторону самозванцев, то разгоняли воровские шайки, то присягали Владиславу, то снова передавались самозванцу; вместе с казанцами переходили с одной стороны на другую и вятчане, и пермичи, и жители других городов. Но после того, когда «архимандрит Дионисий, да келарь старец Аврамий и соборные старцы били челом всей Руси подвиг сотворити, и аще и до смерти пострадати за православную христианскую веру неотложно», казанцы решили, собрав ратных людей, идти под Москву, «очищати Московское государство от врагов, разорителей веры крестьянской, от польских и литовских людей, и склонили к тому же вятчан и черемичей. Еще несколько позднее они достигли того, что и всякие люди казанские, и князья, и мурзы, и татары, и чуваши, и черемисы, и вотяки, сошлись с Нижним Новгородом на том, чтобы быти всем в совете и соединеньи, и за Московское, и за Казанское государ-

ство стояти, и друг друга не побивати, и не грабити, и дурна ни над кем не учинити, а выбрати бы на Московское государство государя всею землею Российской Державы, а будет казаки учнуть выбирати на Московское государство по своему изволению, одни, не сославяся со всею землею, и того государя на государство не хотети».

Это постановление лучше всего убеждает, что русский элемент в здешнем крае был силен и влиятелен несмотря на то, что численностью он и уступал инородцам. Мы не имеем точных сведений о количестве населения, хотя писцовые книги Казанской земли были составлены через 15 лет по завоевании Казани (1566—1568) и затем составлялись неоднократно в XVII столетии, но ни одна из них доселе не издана. Впрочем, до нас дошли некоторые указания, по которым можно приблизительно заключать о населенности бывшего Казанского царства. В 1576—1578 годах, при сношениях России с Римскими императорами Максимилианом II и Рудольфом II, наши послы на вопросы цесаревы о Казани отвечали: «Всех людей Казанские земли в сборе живет до ста тысяч». Послы в этом случае преувеличивали, утверждая, будто Казанская земля может выставить 100 000 человек служилых людей, но, конечно, можно допустить, что все население края было не менее такого количества. За XVII столетие имеется более точное показание, хотя и оно, собственно, касается исчисления «воевод и дьяков и всяких приказных людей, и что с ними ратных и всяких людей в городах налицо и по службам, и сколько в уездах ясачных людей». Эта роспись составлена была в 1629 году. Из нее усматривается, что тогда было разных служилых людей в городах: Казани — 2 406, Свияжске — 914, Чебоксарах — 509, Козьмодемьянске — 361, Цивильске — 373, Ядрине — 217, Царевококшайске — 250, в пригородах: Тетюшах — 126, Лаишеве — 167, Арске — 74, Алате — 56, Кокшайске — 145, итого 5 598 человек, из которых 4/5 русские, а остальные — разные местные инородцы и частию немцы, литовцы и т.п. В той же росписи показано ясачных инородцев в уезде Казанском (обнимавшем тогда нынешние уезды Казанский, Мамадышский, Лаишевский, Чистопольский, Спасский и большую часть Тетюшского) — 7 388 дворов, в Свияжском — 3 488, Чебоксарском — 1 784, Козьмодемьянском — 1 786, Цивильском — 1 989, Ядринском — 954 и Царевококшайском — 1 152, всего же 18 536 дворов. Полагая только по три человека мужского пола на каждый двор, выйдет 55 608 чел. Следовательно, в сложности с городовыми служилыми людьми будет 61 206 чел. муж. пола. Жен-

ского пола можно считать не менее того. Но надобно принять во внимание, что в эту роспись не вошли духовенство, посадские люди, все крестьяне дворцовые, монастырские, помещичьи, а также значительная часть татар, пользовавшихся правами вотчинников и т.п. Без большой ошибки, кажется, можно будет принять число этих людей до 50 000 душ обоего пола. Таким образом, в царствование Михаила Федоровича общее население нынешней Казанской губернии, по всей вероятности, было около 180 000 человек, из которых около трети были русские, которые по своей развитости, деятельности и гражданскому положению стояли несравненно выше коренного местного населения и потому необходимо влияли на него.

При всем этом, правительство с крайнею осторожностью смотрело на инородцев и всеми способами заботилось о наибольшем усилении русского населения. В течение всего XVII века запрещено было продавать инородцам оружие и всякие воинские принадлежности, не позволялось заниматься им кузнечеством, и даже земледельческие орудия и другие металлические вещи, необходимые в домашнем быту, разрешалось им покупать не иначе, как в Казани и притом в ограниченном количестве. Для охранения края от восстаний инородцев и набегов ордынцев в царствование Михаила Федоровича устроена крепость в Ядрине, разрешено Свияжскому Богородицкому монастырю сельцо Мамадыш укрепить острожком и затем начато сооружение так называвшейся «Старой Закамской Черты».

Эта Закамская черта, состоявшая из вала и рва, укрепленных городками и острожками, назначалась, главным образом, как для ограждения Казанской области от набегов башкиров, калмыков и ногайцев, так и для обережения селений от воровских шаек, разгуливавших по Волге и Каме. На устье Вятки, при деревне Грахами[100], местные жители доселе указывают одно урочище, где будто бы имел приют знаменитый Ермак, когда он уже двинулся к Строгановым. Правительство с того времени принимало очень строгие меры к истреблению шаек, как это можно видеть из наказов воеводам и стрелецким головам, но все-таки они держались на Волге едва не до нашего времени: можно сказать, что окончательно они уничтожились, когда охраною судов вместо гардкоутного экипажа явилась сила пара.

В XVII столетии в особенности обращено было внимание на колонизование Закамской стороны и на обезопашение ее от враждебных посягательств со стороны степных кочевников. Хотя покорение Башкирии начато вскоре по завоевании Казани и

хотя на берегах Яика (нынешнего Урала) еще в конце XVI века утвердилась казачья община, как и все ей подобные, обрекшая себя на борьбу с бусурманами, — тем не менее, громадное пространство степей, лежавших между Яиком и Волгою, начиная от Каспийского моря и до Самары, предстоялось совершенно свободным для кочевания целых орд и для укрывательства разных шаек. К тому же и покорность Башкирии была почти номинальной. С одной стороны, притеснения и неправды воевод и других русских начальных людей, а с другой, подстрекательства киргизов, ногаев, калмыков производили в Башкирии постоянные возмущения, совершенно прекратившиеся не ранее половины XVIII столетия. Башкиры, киргизы, ногайцы почти всегда состояли во взаимной вражде, но примирялись одни с другими и соединенными силами действовали против русских. При удаче их шайки прорывались иногда на правый берег Камы и, как водится, грабили и разоряли все встречавшееся. Жители тех мест и ближайших к ним, ввиду таких опасностей, сами принимали меры к своей защите. Так, еще в 1617 г. архимандриту Свияжского Богородицкого монастыря Корнилию разрешено в монастырском сельце Мамадышах, на Вятке, близко Камы-реки, для приходу ногайских людей поставити острожок монастырскими всякими людьми. Сохранился любопытный акт более позднего времени: чуваши деревни Иштебенькиной[101], потерпев разорение от башкир, заключили договор с мордвою д.Богапы, по которому уступали им часть своей земли для совместного с ними жительства ради малолюдства и опасения всяких воровских людей.

За Камою вообще население сидело гуще в нынешнем Спасском уезде, и в этой местности еще со времен Бориса Годунова появляются городки и острожки, например, Полянский, Актачинский и другие. С последних годов царствования Михаила Федоровича приступили к сооружению городков и острожков далее на юго-восток, именно по направлению речек Черемшанов и Шешмы. При Алексее Михайловиче ряд этих укреплений, связывавшихся засеками в местах лесистых, рвами и окопами на открытых местностях, протянулся от Ика (г. Мензелинск) до Волги (пригород Белый Яр Самарской губернии). Устройство этой линии, или, как называлось тогда, «черты» очень много облегчалось тем, что она значительною частию проходила или опиралась на древнейшие булгарские городища, без сомнения, сооруженные также для защиты от более диких соседей. На этой линии Билярск, древний «Великий город» русских летописей,

сделался тогда самым сильным и центральным пунктом. До того же времени здесь жили несколько татар, потомки охранителей памятника, воздвигнутого на могиле Булымерского князя Балынгазы[102]. Этих татар велено было сослать и на той земле вперед не быть, а на место их переведены стрельцы из Актачинского городка. Впоследствии на эту черту водворены в качестве служилых людей смоленские шляхтичи «красного знамени», отправлявшие прежде, на основании универсалов королей польских, на крепостную службу в Смоленске. Эти шляхтичи преимущественно заселили Старый и Новый Шешмински, слободы Архангельскую, Волчью, Черемуховую. При Петре I в соседстве с этими поселениями водворены еще переведенцы из внутренних областей государства, на которых лежала обязанность работать известное число дней в году на Уральских заводах; они положили начало нынешнему городу Чистополю и слободам Булдырю, Сарсасам, Большому Толкишу, Елантовой, Горшковой. Население этой местности, таким образом, значительно увеличилось, но меры безопасности их при беспрерывных волнениях башкиров оказывались недостаточными. Поэтому Петр I имел намерение поселить по черте десять драгунских полков. Это предположение отчасти осуществилось в правление императриц Анны и Елизаветы, когда поселены здесь старые гвардейцы в слободах Петропавловской, Екатерининской и других. Правительственная колонизация здешнего края прекратилась совершенно со вступления на престол Екатерины II. Потомки всех этих белопашенных казаков, стрельцов, шляхтичей, драгун, гвардейцев и ландмилиционеров составляли впоследствии особое сословие под именем «пахотных солдат», которое не подлежало рекрутству, но в случае надобности обязано было, по востребованию, отправлять в военную службу всех годных молодых людей, что и было поводом к названию их «малолетками». Срок их службы полагался 15 лет, а тем, которые оставались в службе 25 лет, назначали полный пенсион. С 1816 года они были вовсе освобождены от этих обязанностей на 12 лет. Такое льготное положение очень нравилось здешним поселенцам, и они, гордясь названием «гвардионов», сохраняли некоторую наружность воинских людей, например, брили бороды, носили фуражки и вообще отличались от крестьян некоторою особою выправкою. При учреждении управления Государственными имуществами все «малолетки» обращены в разряд государственных крестьян, а некоторые, по желанию, переведены в состав Оренбургского казачьего войска. Дело обращения их в

крестьянство не обошлось без замешательства, хотя они и не были столь печальны, как события, сопровождавшие открытие военных поселений в Новгородской и Слободско-Украинской губерниях.

Колонизование юго-восточной части Казанской губернии имело значительное влияние на положение населения в нагорной стороне, особенно в уездах Свияжском и Тетюшском. При начале работ по устройству Закамской черты первыми работниками были ясачные мордва и чуваши с горной стороны; назначались они попеременно на известные сроки, но некоторые оставались за Камою и на постоянное жительство. Построение города Симбирска и устройство черты Карсунской точно так же производилось при содействии здешних крестьян, а служилые люди Казанских городов и пригородов были первыми поселенцами в Симбирске и некоторых тамошних слободах, например Тетюшской, Арской и др. Земли, остававшиеся свободными за выселением крестьян, скоро занимались выходцами из северных частей губернии и даже из более отдаленных мест. Одни из этих переселенцев были водворяемы по распоряжению правительства или с его разрешения; но иные селились самовольно; и правительство, «не хотя приводить их в разорение», оставляло их на новых местах, иногда даже выкупало для них помещичьи или монастырские земли. В пример подобного основания селений можно указать на Сюкеево, Большое Фролово и другие. Помещики на свои земли переселяли своих крестьян из разных своих вотчин, и таким образом в состав населения Казанской губернии вошли переведенцы из губерний Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Московской, Калужской, Рязанской и других.

Что касается административного устройства Казанского края со времени подчинения его Московскому государству, то весь он, под именем «Царства Казанского», с присоединением к нему и всего низового Поволжья (или «Царства Астраханского»), составлял особое ведомство под названием «Приказ Казанского Дворца».

В пределах нынешней Казанской губернии первоначально учреждено было два уезда: Казанский и Свияжский. Первый обнимал все пространство на левой стороне Волги, а на правой большую часть теперешнего Тетюшского уезда; во втором заключалась вся остальная часть горной стороны, ограничиваемая течением Суры. С возникновением Чебоксар, Козьмодемьянска, Цивильска, Царевококшайска и Ядрина выделялись и для

них уезды. Петр Великий при первом разделении России на губернии, в 1708 г., именем Казанской губернии оставил не только все то, чем заведовал приказ Казанского Дворца, но присоединил к тому значительную часть земель, лежащих к северу, западу и востоку от нынешней Казанской губернии. Таким образом, северными городами в ней были: Оса, Уржум, Яранск и Юрьевец; отсюда на западе — Вязники, Муром, Касимов, Елатьма, Темников, Мокшан, Пенза; далее поволжские города саратовские и астраханские, по реке Терек; на восток граница шла от Гурьева-городка по Яику, на Уфу и с Уфы на Осу. Всех городов и других административных пунктов насчитывалось в ней 72. Через десять лет после того, при втором разграничении губерний и разделении их на провинции, в 1719 г., Казанская губерния весьма значительно сократилась, разделяясь на четыре провинции — Казанскую, Свияжскую, Пензенскую и Уфимскую, она, сверх нынешнего ее состава, заключала Уфимскую губернию, часть Вятской и Пензенской; несколько позднее причислены были еще провинции Вятская и Соликамская, состоявшие в Сибирской губернии. В эту пору собственно на пространстве Казанской земли насчитывалось около 80 000 дворов, что составит никак не менее 400 000 душ населения. В таких пределах губерния оставалась без изменений до 1781 г., когда учреждено было Казанское наместничество, получившее нынешние свои границы. Наместничество разделено было на 13 уездов: Казанский, Арский, Козьмодемьянский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Царевококшайский, Цивильский, Чебоксарский, Чистопольский и Ядринский, причем города Мамадыш, Спасск и Чистополь образованы из казенных селений. Император Павел в 1795 г. упразднил уезды Арский, Спасский и Тетюшский, обратив города их в заштатные, но в 1802 г. последние два уезда опять были восстановлены. С этих пор и до настоящего времени в административном разделении губернии перемен не происходило, кроме того что в 1830 году в Козмодемьянском уезде учрежден посад Троицкий, а в 1856 г. в Чебоксарском уезде посад Мариинский. Прибавим ко всему этому, что уезд Казанский разделяется ныне на три стана, а каждый из остальных только на два.

По предлагаемому списку населенных мест Казанской губернии оказывается, что в 1860 году в ней считалось 3 979 селений с 230 919 дворами, а жителей 740 187 мужчин, 782 394 женщины, всего же 1 522 581 человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данный материал извлечен из предисловия, опубликованного в «Списке населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния» (СПб., 1866) под названием «Общие сведения о губернии». Для публикации извлечены только исторические сведения, поэтому материал публикуется под соответствующим названием.

2. ***Яфет*** — имя одного из трех сыновей библейского Ноя. Согласно библейской традиции, потомки Яфета населили Европу и северо-восток Азии, поэтому европейские языки объединялись с языками Восточной Азии, за исключением китайского, в одну большую семью, названную яфетической.

3. ***Лот*** — библейский персонаж, сын Харрана, племянник Авраама; после разрушения Содома и Гоморры Лот с дочерьми стал жить в пещере.

4. ***Спасск*** — ныне г. Булгар, центр Спасского района Татарстана, расположен в 100 км к югу от Казани, на берегу Куйбышевского водохранилища. Образован в 1781 г. под названием Спасск, с 1935 по 1991 гг. — город Куйбышев. К югу от города расположено городище Булгар — здесь была древняя столица Волжско-Камской Булгарии. Старое чувашское название — *Сăпаскав*.

5. ***Успенское,*** или ***Болгары,*** — русское село, возникшее на развалинах древнего города Булгара.

6. ***«Высокая каменная башня»*** — это так называемый *Большой минарет* высотой 24 м, обрушился в 1841 г.

7. Руины соборной мечети, построенной в 60-х гг. XIII в., сохранились до настоящего времени. Это было главное культовое здание Булгар XIII—XIV вв. и играло роль центра в архитектурном ансамбле города.

8. ***«Черная, или судная, палата»*** — памятник булгарской архитектуры XIV в., сохранившийся до наших дней. Названа черной по сильно потемневшим от пожара каменным стенам. А судной, потому что, согласно легенде, здесь размещалось ханское судилище.

9. ***«Белая палата»*** — развалины городской белокаменной бани, воздвигнутой в XIV в. Развалины Белой палаты раскопаны и в 1964—1967 гг. были подвергнуты частичной реконструкции.

10. ***«Малый столб»*** — так называемый *Малый минарет* высотой около 12 м, воздвигнутый в XIV в.; рядом с ним находятся руины так называемой Ханской усыпальницы.

11. ***Гарун эль-Рашид*** — Харун ар-Рашид (763 или 766—809 гг.) —

халиф из династии Аббасидов. При нем в Арабском халифате значительного развития достигли сельское хозяйство, ремесла, торговля; он продолжал борьбу с Византией.

12. Здесь и далее ***«владавац»*** — старое ошибочное прочтение булгарского титула «элтебер», зафиксированного в «Книге Ахмеда ибн Фадлана» в арабской графике; ср. также другие варианты прочтения этого слова: «билтивар», «йылтывар» (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 160), «йылт[д]ывар», «эльтэбэр» (Ковалевский А.П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 16).

13. ***Алмас сын Силки,*** или ***Алмуш сын Шилки*** — первый эльтебер (царь) волжских булгар. Различные транслитирации его имени, встречающиеся в литературе, вызваны особенностями арабской графики, мало приспособленной для передачи звуков иносистемных языков.

14. ***Соусен эль-Раси — Сусан ар-Расси,*** глава посольства багдадского халифа Джаффара ал-Муктадира; посольство это прибыло в Волжско-Камскую Булгарию по просьбе царя булгар Алмуша в 922 г.

15. ***Ахмед ибн Фадлан — Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад,*** входил в состав посольства багдадского халифа ал-Муктадира к царю булгар в 921—922 гг.; он оставил описание путешествия посольства, являющееся важнейшим источником по истории Булгарии и сопредельных территорий.

16. ***Буртасы*** — племенной союз V—VII вв. в Среднем Поволжье; с VII в. буртасы жили под властью Хазарского каганата, затем Волжско-Камской Булгарии. В XII—XIII вв. ассимилированы булгарами и другими народами Поволжья.

17. ***Хазары*** — тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия, т. е. в VII в. Они кочевали в Западно-Прикаспийской степи, в VII—X вв. образовали Хазарский каганат, разгромленный в 964—965 гг. совместными усилиями булгар и русских. В пору расцвета в Хазарский каганат входили территории Северного Кавказа, Приазовья, большая часть Крыма, степные и лесостепные территории до Днепра.

18. Само слово ***ковер,*** по мнению ученых, попало в русский язык непосредственно из языка волжских булгар. Об этом свидетельствует проявление в нем булгаро-чувашского ротацизма (ср. общетюрк. *кедиз, кейиз* «войлок», «ковер»). Судя по всему, волжские булгары, как и большинство огузских народов, умели изготовлять не только войлочные, но и ворсовые ковры. За исключе-

нием чувашского и огузских, слово *кече* «войлок» остальным тюркским языкам неизвестно.

19. Под ***аравитянами*** следует понимать народы арабского и мусульманского мира.

20. ***Весь*** — финноязычные племена, участвовавшие в этногенезе вепсов, карел, формировании западных коми и русских. С IX—X вв. *весь*, жившие в Восточном Приладожье и районе Белого озера, входили в состав Древнерусского государства.

21. ***Шексна*** — река в Вологодской области, вытекает из Белого озера.

22. ***Меря*** — финноязычное племя, родственное мари и мордве, обитавшее в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в Волго-Окском междуречье. Впервые упоминаются в VI в. Иорданом под именем Меренс. По мере колонизации Поволжья славянами с конца I тыс. н. э. *меря* постепенно растворились в среде русских.

23. ***Биармия*** — страна на северо-востоке европейской части России, славившаяся медами, серебром и мамонтовой костью. Известна по скандинавским и русским преданиям IX—XIII вв.; обычно отождествляется с «Пермью Великой» русских исторических источников.

24. ***Югра*** — так в русских исторических источниках назывались земли на Северном Урале, занимаемые хантыйскими и мансийскими племенами, а также сами эти племена. Югорская земля в XII—XV вв. была колонией Новгорода Великого, во второй половине XV в. вошла в состав Российского государства. Название *югра,* через коми *йонгра*, в конечном итоге восходит к этническому названию одного из огуро-булгарских племен *оногуры,* кочевавших в Обско-Иртышском междуречье.

25. Вятку чуваши называют ***Нухрат Атăл***, татары — ***Наукрат Иделе.*** Обычно первое слово связывают со словом *нухрат* «серебро» персидского происхождения. Однако татарская форма показывает, что в ее основе лежит русское «Новгород». Действительно, еще в XIV в. на Вятке обосновались выходцы из Новгорода Великого и заложили город Хлынов (позднее Вятка, ныне Киров). Следовательно, *Нухрат Атăл* буквально означает «Новгородская Волга», и название это с серебряными булгарами не связано. Речка Нократка в бывшем Спасском уезде Казанской губернии, бесспорно, получила название от слова *нухрат* «серебро».

26. ***Тимтюзи,*** или ***темтюзы,*** — одно из племенных образований волжских булгар; упоминаются в Лаврентьевской летописи.

27. ***«Булгары Хвалисские,*** или ***Нижние»,*** — имеются в виду прикаспийские булгары, так как в древности Каспийское море

называлось Хвалынским или Хвалисским. Определение «Нижние» также свидетельствует, что речь идет о низовьях Волги.

28. ***«Черные булгары»*** — булгарские племена Причерноморья и Приазовья.

29. ***Шереф-уддин бен Хисам-уддин Булгари***, или ***Шарафутдин ибн Хисамутдин Булгари***, — татарский писатель, автор труда «Изложение булгарских повествований», написанного в 1551 г. в окрестностях Булгара, в д. Ташбилга.

30. ***Сивар, Сувар, Суваз, Сиваз,*** точное название — ***Сувар*** (чуваш. *Сӑвар*) — один из главных городов Булгарского государства, центр племени сувар; часто упоминается арабскими писателями X—XIV вв. Руины Сувара находятся на левом берегу реки Утки возле нынешнего села Кузнечиха Спасского района.

31. Местонахождение городов ***Исбол, Басов, Марха, Арнас*** не установлено.

32. ***Бряхимов*** — позднее название Биляра (чуваш. *Пӳлер*) древней столицы Волжской Булгарии; в русских летописях называется также *Великим Городом;* название *Бряхимов* дано по имени одного из булгарских правителей — Ибрагима.

33. ***Великий Город*** — так в русских летописях называется столица дозолотоордынской Булгарии — город *Биляр*.

34. ***Кумань*** — название этого города встречается только в сообщении «Степенной книги» и Мазуринского летописца о том, что ордынский хан Менгу-Тимур выдал за русского князя Федора Ростиславовича Смоленского и Ярославского (Федора Черемного) свою дочь с приданым в 36 городов Восточной Европы, из которых названы девять: Чернигов, Болгары, Корсунь, Тура, Кумань, Казань, Арск, Гормир, Балымат. Данное известие в силу упоминания некоторых позднейших городов (Казань, Арск) и с учетом в целом позднего возраста летописей не может считаться исторически достоверным. К тому же города Тура, Кумань, Гормир ни в одном другом источнике не упоминаются.

35. ***Тура*** — название города безусловно тюркское и означает «дом», «строение», «жилище», «город, крепость» (от *тур* «стоять», «находиться», «жить», «проживать», чув. *тӑр* «стоять», «проживать»). Это же слово находим в составе топонима *Алатырь* (от тюркского *Оло тура*, букв. «Большая крепость», «Большой город»).

36. ***Ареск,*** современное ***Арск*** — поселок городского типа, районный центр в Татарстане; расположен на реке Казанке в 65 км к северо-востоку от Казани. Основан, по преданиям, ханом Батыем в XIII в. В 1552 г. Иван Грозный послал в Арск воеводу

со стрельцами, в 1606 г. Арск стал крепостью. В 1871 г. образован уездный город Арск; с 1926 г. считался сельским поселением, с 1938 г. — поселок городского типа.

37. ***Биляр*** — столица дозолотоордынской Волжско-Камской Булгарии; другие названия: *Биляр, Бряхимов, Великий Город, Булемерь, Баламаты, Булгар* (чуваш. *Пӳлер, Пилер, Пӗлер*). Билярское городище расположено на левом берегу Малого Черемшана рядом с нынешним селом Билярск. Название *Биляр* является собственно булгарским, а *Булгар* — арабизированным, тюркским.

38. ***Гормир,*** или ***Горшир,*** — это название булгарского города встречается в сообщении «Степенной книги» и Мазуринского летописца в числе 36 городов, якобы отданных Менгу-Тимуром русскому князю Федору Черемному в качестве приданого своей дочери (см. выше, примеч. 34).

39. ***Баламыты*** (а также ***Балымат, Булымат***) — одно из названий города Биляра (Буляра), восходящее, по всей вероятности, к татарскому названию знаменитого билярского шейха Маалюм Ходжи — Балям ата (чуваш. *Валӗм хуҫа, Мелӗм хуҫа* и т.п.; см.: Н.И.Ашмарин. Булгары и чуваши. Казань, 1902. С 20—21). Название *Балыматы* встречается только в русских летописях золотоордынского периода.

40. ***Булемерь,*** а также ***Балымер, Булумер, Булымер, Болюмир*** — одно из названий города *Биляра*, известное в основном по поздним русским источникам. Очевидно, в этом варианте смешались собственно название города — *Бюляр* (татар. *Бүләр*, чуваш. *Пӳлер*) и имя «правителя» этого города — Балын-Гузя (татар. *Баләм хужа*, чуваш. *Валӗм хуҫа, Малӗм хуҫа* и т. п.). Н.П.Рычков, например, пишет, что ему известна была копия со старинной рукописи, где говорилось, что до взятия Казани был построен город Булымер, где правил царь (князь) Балын-Гузя.

41. ***Собекуль*** — название одного из булгарских городов или племен, упоминаемых в русских летописях под 1184 г. В Лаврентьевской, Никоновской, Тверской, Симоновской, Холмогорской летописях речь идет о булгарах из города Собекуля (а также Челматы, Торцской), а в Игнатьевской, Львовской и др. — о булгарском племени «собекуляне».

42. ***Челмат(а)*** — название одного из булгарских городов и племен (см. примеч. 41).

43. ***Тухчин*** — один из булгарских городов, расположенных в Закамье, упоминается в русских летописях под 1184 г.: великий князь владимирский Всеволод в союзе с другими князьями предпринял поход в Волжскую Булгарию; и «приде в землю болгарс-

кую и высед на берег поиде к Великому Городу и ста у Тухчин городка, и перестав ту два дни поиде на третий день к Великому Городу... и, перешед Черемисан, в два дни наряди полки».

44. ***Торцкий*** — а также ***Торцск, Торческ, Торческий, Торочский*** — один из городов Булгарии, локализуется на правом берегу Малого Черемшана, недалеко от Биляра.

45. ***Ошель*** — один из городов Булгарии, располагавшийся, по одним данным, на правом берегу Волги в полуверсте от современного поселка Кирельского Камско-Устьинского района, по другим — у села Богдашкино Тетюшского района, на правом берегу реки Кильны. Город Ошель был сожжен в 1220 г. Святославом, братом великого князя Юрия Всеволодовича.

46. ***Жукотин,*** а также ***Джукетау*** — один из крупнейших городов Волжско-Камской Булгарии, существовавший и в золотоордынскую эпоху. Джукетауское городище располагается на левом берегу Камы у нынешнего Чистополя. Название города восходит к булгаро-чувашскому *Чӳке тау* (совр. чуваш. *Чӗке ту*) «Крутая гора». Существующие в литературе толкования как «Жертвенная гора» (ср. чуваш. *Чӳк тӑвӗ*) или «Липовая гора» (ср. чуваш. *Çӑка ту*, татар. *йүкә тау*) менее убедительны.

47. ***Кременчук,*** а также ***Керменчук, Кернек, Кермек, Кувик, Кезенг, Кунг*** — один из известных булгарских городов; локализуется в восточной части Заказанья, близ села Русские Кирмени в 11 км от Камы. Название города восходит к булгаро-чувашскому *карман, кермен* «крепость», «город» и представляет собой уменьшительно-ласкательную форму на *-чӑк(-чӗк)*; ср. чуваш. *керменчӗк, карманчӑк,* татар. *кирмәнчек* «крепостца», «городок».

48. ***Ик*** — река в Башкортостане и Татарстане, левый приток Камы, берет начало в Бугульминско-Белебеевской возвышенности.

49. ***Мензеля*** — левый приток реки Ик, протекает в Сармановском и Мензелинском районах.

50. ***Уфа*** — река в Челябинской, Свердловской областях и Башкортостане, впадает в реку Белую под Уфой.

51. ***Дёма*** — река в Башкортостане и Оренбургской области, левый приток Белой.

52. ***Буртасы*** — этнос, проживавший в средние века на Среднем и Нижнем Поволжье. Одни исследователи сближают их с мордвой, другие — с булгарами и чувашами, третьи — с ираноязычными аланами и т. д. Истинная этническая принадлежность буртас до конца не выяснена, но несомненно то, что некоторая часть буртас XIII—XIV вв. влилась в состав формирующегося чувашского этноса.

53. ***Каратай*** — небольшая этнографическая группа мордвы, проживающая в Камско-Устьинском районе Татарстана (села *Мордовский Каратай*, *Заовражный Каратай* и др.).

54. В дореволюционное время ***черемисами*** назывались горные и луговые марийцы (ср. чуваш. *çармăс*, татар. *чирмеш*), а до XVIII в. этот этноним распространялся и на чувашей.

55. ***Реннель*** — очевидно, автор имеет в виду **Иоганна Реннера**, хрониста XVI в., составившего девятитомную «Историю Ливонии».

56. ***«Книга Большого Чертежа»,*** вернее, ***«Книга Большому Чертежу»*** — текстовое описание крупнейшей карты России XVII в., свод географических и отчасти этнографических сведений о России, составлена в 1627 г.

57. ***Надеждин Николай Иванович*** (1804—1856) — русский ученый, профессор Московского университета. Активно работал в отделении этнографии Русского географического общества. Автор многих трудов по истории народов России, один из основоположников исторической географии в России.

58. ***Старое Жило*** — это русский перевод татарского *Иске Йорт* (или чувашского *Кивӗ çурт*) «старый дом», «старое жилище» — так обычно называются старые городища.

59. ***Гирей-кала*** — в переводе с татарского «Город Гирея»; *Гирей* — династия крымских ханов, некоторое время правивших также Казанским ханством.

60. ***Ногай-кала*** — в переводе с татарского «Ногайский город»; ногаями, или ногайцами, назывались в основном кыпчаки Ногайской Орды, в том числе и предки татар. Казахи, калмыки и некоторые другие южные народы до сих пор называют казанских татар ногаями.

61. ***Кала-Тау*** — в переводе с татарского «Городская гора» (ср. многочисленные чувашские топонимы *Хула ту* «Городская гора»).

62. ***Кыз-каласа*** — в современной татарской орфографии ***Кыз каласы*** «Девичий город», «Девичье городище». Преданья о девушках-богатырях и девичьих городах *(Хĕр хули)* широко распространены также и среди Закамской группы низовых чувашей.

63. ***Шанец*** (из немецкого Schanze) — земляной окоп и вал; общее название земляных полевых укреплений («линий», «засечных черт») в России в XVII — XIX вв.); низовые чуваши эти укрепления-линии называли *ур* «ров», «вал» или *ур тăрăхĕ* «линия рвов и валов».

64. ***Кыз-кала*** — в современной татарской орфографии ***Кыз каласы*** (чуваш. *Хĕр хули*) — букв. «Девичий город».

65. ***Хир-кала*** — чувашское название городища, в современной орфографии *Хĕр хули* (соответствует татарскому *Кыз каласы*) «девичий город». Городище расположено под чувашским селом Сунчелеево (чуваш. *Сĕнчел*, татар. *Сөнчәле*).

66. ***Хола-выри-кереметь*** — чувашское название городища, в современной орфографии *Хула вырăн киремечĕ* «киреметище на городище». Так называемое Енорускинское городище расположено на правом берегу реки Сульчи (по-чувашски *Сĕнче*, по-татарски *Солчә, Сонтә*) недалеко от села Чувашское Енорускино (чуваш. *Енрускел*) и русских деревень Барское Енорускино и Удельное Енорускино. На городище сохранились валы, несколько булгарских эпиграфических памятников. Городище археологически не исследовано.

67. ***Елабуга*** — город в Татарстане в 215 км к востоку от Казани, расположен на р. Каме. Близ города, на правом берегу Камы, находится так называемое Чертово городище — останки булгарского города. Современная Елабуга возникла во второй половине XVI в., в конце XVII в. это дворцовое село, с 1780 г. — уездный город. Название города часто встречается в песнях низовых чувашей (*Алапука,* татар. *Алабуга*).

68. На правобережной части Татарстана, а также на территории Чувашии имеется несколько населенных пунктов под названием Буртасы (ср.: село *Большие Буртасы*, деревни *Малые Буртасы* в Камско-Устьинском; *Имянле-Буртас* в Апастовском районах Татарстана; село *Буртасы* в Урмарском; деревня *Буртасы* (раньше *Толды Буртасы* и *Шалды Буртасы*) в Вурнарском; *Полевые Буртасы* в Яльчикском районах Чувашской Республики и т. д.). В специальной литературе утвердилось мнение о том, что они якобы некогда были основаны буртасами и отражают северные пределы территорий, занятых некогда буртасским племенем. Однако более внимательное изучение истории этих населенных пунктов показывает, что все они являются вторичными. Материнским для них может считаться село Буртасы Урмарского района, хотя и оно основано только в начале XVII в. русскими на месте чувашской деревни Буртасы (чуваш. *Пăртас*). Жители этой деревни после захвата их земель русским помещиком были вынуждены переселиться в другие места и образовали деревни *Карак-Сирмы, Ыхра-Сирма, Шибулаты, Хоруи, Саруи* Урмарского, *Буртасы* Вурнарского и *Полевые Буртасы* Яльчикского районов Чувашской Республики, а также населенные пункты с названием *Буртасы* в Камско-Устьинском и Апастовском районах Татарстана. Чуваши, основатели этих последних деревень, впоследствии отатарились.

Что же касается материнской деревни, бывшей на месте русского села Буртасы Урмарского района, то она возникла лишь в конце XIV в., ее основатели пришли в бассейн Аниша с южных присвияжских районов, скорее всего с бассейна Булы. Деревня, очевидно, названа по имени первопоселенца Буртаса (чуваш. *Пăртас*), так как среди дохристианских чувашских имен довольно часто встречается имя *Бартас* или *Буртас* (сохранилось и ныне в составе фамилий *Бартасов, Буртасов*). Таким образом выясняется, что ойконимы с компонентом *Буртас* никакого прямого отношения к этническим буртасам не имеют. Что же касается антропонимов *Бартас* и *Буртас*, то их причастность к этнониму *буртас* весьма проблематична (ср. нарицательное *партас* «язь, голавль»).

69. ***Эрза*** или ***Арса*** — автор имеет в виду этнографическую группу мордвы — *эрзю* (чуваш. *ирçе*).

70. ***Котельнич*** — город областного подчинения в Кировской области, районный центр. Первое упоминание о Кошкарове на месте современного города относится к 1143 г., название *Котельнич* появилось в 1181 г. В 1489 г. Котельнич вместе с другими вятскими городами вошел в состав Московского государства.

71. Ныне деревня ***Айшияз*** и село ***Кубян*** Атнинского района Татарстана.

72. См. выше, примеч. 12.

73. ***Скуф***, т. е. ***скифы*** — древние племена в Северном Причерноморье (VII в. до н. э. — III в. н. э.). После разгрома готами Скифского государства растворились среди других племен.

74. ***Казар***, т. е. ***хазары*** — тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия и кочевавший в Западно-Прикаспийской степи. В середине VII в. образовали Хазарский каганат, просуществовавший до конца X в. Часть булгар входила в состав Хазарского каганата, Волжско-Камская Булгария до конца X в. платила дань хазарскому кагану.

75. Что касается термина ***«славяне»***, следует иметь в виду, что название *саклаби*, множ. ч. *сакалиба* могло обозначать у арабов не только славянские племена, а служило для обозначения любых обитателей северо-восточной части Европы, как-то славян, финно-угров, булгар и т.п., так как арабское слово *саклаб* буквально означает «белолицый человек», «румяный человек», «блондин» и полностью соответствует чувашскому *сарă çын*.

76. ***Хвалисы — Хорезм***, древнее государство Средней Азии с центром в низовьях Амударьи, возникло в VII — VI вв. до н. э.;

русское простонародное *Хвалисы* происходит от среднеперсидского *Хварезм*.

77. «... ***в жребий Симов***» — ***Сим***, в библейской мифологии один из трех сыновей Ноя (другие два сына — *Иафет* и *Хам*), от которых после всемирного потопа «населилась вся земля», родоначальник семитских народов. У него было 5 сыновей — *Элам, Ассур, Арфаксад, Луд* и *Арам*, населивших страны Востока. К семитским языкам относятся еврейский, халдейский, сирийский, арабский, эфиопский и др. Здесь выражение «жребий Симов» употреблен в значении «восток».

78. Имеется в виду поход Владимира на волжских булгар, предпринятый в 985 г.

79. Поход Святослава, брата великого князя Юрия Всеволодовича, на Волжско-Камскую Булгарию в 1220 г., во время которого был сожжен город Ошель.

80. Год пришествия угнетения ***«тарих джиат джур»*** — Ю.Клапрот, ошибочно читая встречающееся на булгарских эпитафиях выражение ***джиати джюр*** как ***джиат джейур***, пришел к выводу, что дата смерти покойников, в действительности соответствующая 623 году хиджры, совпадает с 1226 годом нашего летоисчисления, когда якобы случилась массовая гибель людей в крае, связанная с нашествием монголо-татар. Такое толкование было принято на веру П.Ф.Эрдманом и поддержано И.Березиным и последующими авторами. Правильное чтение этих слов, выражающих на самом деле дату *джиати джюр* «семьсот» (ср. татар. *җиде йөз*, чуваш. *çичĕ çĕр*) по мусульманскому летоисчислению, было открыто в 1863 г. татарским ученым Х.Фейзхановым, который впервые выявил чувашские слова в языке булгарских эпитафий. Это открытие было поддержано впоследствии Н.И.Ильминским, Н.Ф.Катановым, Н.И.Ашмариным и легло в основу научной теории о булгаро-чувашской этноязыковой преемственности. Семисотый год мусульманского летоисчисления соответствует нашему 1300 году. Булгарские надгробные памятники датированы половиной XIII — первой половиной XIV вв. (до 1361 г. — времени разгрома Булгарии Булат Тимуром).

81. ***Актуба-Ахтуба*** — левый рукав нижней Волги, отходит от нее выше Волгограда.

82. ***Шери-Сарай*** — город ***Сарай***, (букв. «город-дворец»), первая столица золотоордынских ханов, известная также под названиями *Сарай-Бату* (букв. «дворец Батыя»), *Сарай ал-Махруса* (букв. «Дворец Богохранимый») или *Старый Сарай*. Остатки этого города находятся на левом берегу Ахтубы у села Селитренного Астраханской области. Вторая столица Золотой Орды называлась *Сарай-*

Джедид. (букв. «новый дворец»), остатки ее находятся у села Царев Волгоградской области.

83. Мнение о приходе удмуртов в Приуралье из Енисейской губернии неверно. Удмурты появились в Поволжско-Уральском регионе задолго до монгольского завоевания.

84. ***Асан,*** вернее ***Хасан***, в русских летописях также Осан — булгарский хан, живший в XIV в., основатель Старой Казани.

85. ***Магамет-Салтан***, по другим источникам ***МааматСалтан, Махмат Салтан*** — булгарский князь, живший в XIV в.

86. ***Тамерлан*** (***Тимур, Аксак-Тимур***) — полководец и завоеватель, золотоордынский эмир, основатель династии тимуридов (1336—1405 гг.).

87. ***Тетюши*** (чуваш. *Теччĕ*) — районный центр в Татарской Республике, в 180 км к югу от Казани. Основан в 1574—1578 гг. (по другим сведениям в 1555—1557 гг.) как Тетюшская застава на засечной черте. С 1781 г. стал уездным городом.

88. ***Лаишево*** — поселок городского типа, районный центр в Татарстане, в 62 км к юго-востоку от Казани, расположен на берегу Куйбышевского водохранилища. С 1781 г. стал уездным городом.

89. ***Мамадыш*** — районный центр в Татарстане, в 167 км к востоку от Казани, на правом берегу реки Вятка. При царе Михаиле Федоровиче в Мамадыше появились русские поселенцы, называвшие поселение Троицким селом. В 1781 г. Мамадыш получил статус уездного города.

90. ***Академик Георги И.Г.*** — немецкий этнограф и натуралист, работавший в России (1729—1802).

91. Речь идет о памятнике воинам, павшим при взятии Казани в 1552 г. Начато строительство в 1813 г. Это мемориальное сооружение было закончено только в 1823 г. Построенный на невысоком холмике у речки Казанки памятник после наполнения Куйбышевского водохранилища оказался на островке.

92. ***Васильсурск*** — поселок городского типа в Воротынском районе Нижегородской области, в 152 км к востоку от областного центра. Основан в 1523 г. близ устья Суры как крепость Васильгород, назван так в честь Василия III. С 1779 г. — уездный город Василь Нижегородского наместничества. С 1925 г. — сельское поселение, с 1927 г. — поселок городского типа.

93. Латинское Jus asyli значит ***«юридическое убежище»***.

94. Имеется в виду Введенский собор в Чебоксарах. В грамоте Ивана IV от 26 мая 1555 г., данной первому казанскому архиепископу Гурию, говорилось, что надо определить место, «где

быти святой соборной церкве Введению Пречистой» и «назначеновати место, где граду быти». Святителем Гурием здесь была поставлена полотняная церковь, вскоре замененная деревянной. В 1559 г. церковь сгорела, и на ее месте в 1560 годах выстроен ныне действующий Введенский кафедральный собор.

95. ***Спасск*** — уездный город Казанской губернии, ныне город Болгар, центр Спасского района Татарстана. В целях христианизации края и борьбы с мусульманским паломничеством в 1712 г. на территории Булгарского городища был основан русский православный монастырь. Первоначально под церковь был приспособлен один из мавзолеев, а позднее, в 1732—1734 гг., построена Успенская церковь. Монастырь вскоре был упразднен и переведен в г. Чебоксары, здание Успенской церкви сохранилось и поныне.

96. ***Седьмиозерная пустынь*** — мужской монастырь, был расположен под Казанью, в районе современного села Семиозерки Высокогорского района.

97. ***Раифская пустынь*** — мужской Богородицкий монастырь, был расположен недалеко от Казани, в районе современного поселка Раифский Зеленодольского района.

98. ***Мироносицкая пустынь*** — мужской монастырь с духовным училищем, был расположен в Царевококшайском уезде Казанской губернии.

99. ***Меша*** — река в бассейне Камы, протекает через Сабинский и Пестречинский районы Татарстана. Имеется и вторая речка под этим названием — правый приток реки Ракаш, впадающей в Куйбышевское водохранилище. Здесь имеется в виду Меша — правый приток Камы.

100. ***Грахам*** — вернее ***Грахань*** или ***Семенов Починок,*** расположенный при впадении Вятки в Каму, ныне село Грахань Мамадышского района Татарстана.

101. ***Иштебенькино*** — ныне Старое Эштебенькино Шенталинского района Самарской области.

102. ***Булымерский князь Балынгазы*** — почитаемый чувашами язычниками булгарский святой *Валем хуҫа,* могила которого, по преданию, находится у святого родника на берегу Черемшана под селом Билярском.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ЧУВАШЕЙ

Чуваши — второй по численности народ в населении Казанской губернии. Общее количество их простирается до 334 000 душ, в том числе: в уезде Ядринском 97 000, Цивильском более 85 000, Чебоксарском до 60 000, Козьмодемьянском более 36 000, Чистопольском 28 000, Тетюшском почти 16 000, Спасском 9 000, Свияжском 1 000 и в Лаишевском до 250. Отсюда усматривается, что чувашское население держится на правом берегу Волги: в уездах Ядринском, Цивильском, Чебоксарском и Козьмодемьянском чувашские селения идут сплошною массою, проникая далее на запад в соседние уезды Симбирской губернии. Впрочем, в уезде Козьмодемьянском чуваши перемешиваются с черемисами, а в Тетюшском с татарами. За Камою чуваши живут также большею частию смешано с татарами, однако заметно, что их селения преимущественно располагаются вблизи границы Самарской губернии, где в уездах Бугульминском и Бугурусланском число чувашей также довольно значительно. В Свияжском уезде чуваши занимают одно селение Малые Мими, да еще живут вместе с татарами и русскими в селениях Шигаеве, Больших Мимиях и Малом Русакове; точно так же в уезде Лаишевском незначительное их количество находится в д. Сабанайке вместе с русскими. Нет никакого сомнения, что чуваши в здешнем краю принадлежат к древнейшим обитателям, хотя имя их встречается в истории лишь с XVI столетия. Между самими чувашами сохраняется неясное предание, что их предки пришли сюда откуда-то от моря, из-за дальних гор и что их родоначальником был *Чувас* или *Чуваш*. Некоторые прежние филологи относили чувашский язык к финской ветви, допуская, что он значительно потерпел изменения под влиянием татарского; ныне большинство лингвистов наоборот признают в языке чувашей основу чисто тюркскую, а все финские в нем считают наплывшим впоследсвии. Так как о чувашах не упоминает ни один из арабских писателей, посещавших здешний край, ни наш Нестор[1], то и предполагают, что они были известны тогда

под другим названием и хотят отыскивать их или в булгарах, или в буртасах[2]. Но если филологические изыскания определяют чувашам место в ряду турецких народов, то едва ли не следует и появление их относить к более позднему времени. С другой же стороны народ довольно многочисленный (вообще чувашей в пяти губерниях: Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской и Уфимской насчитывается более 500 000 душ), и живущий почти сплошною массою на значительном пространстве, не мог бы появиться не замеченный современниками. Молчание арабов о чувашах в сущности ничего не доказывает. Известно, что арабы или называли народ по главному или столичному городу, или наоборот. А в таком случае нельзя ли в неприуроченном доселе городе Суваз (*Сивар, Сиваз*) видеть корень слова «чуваш»? По крайней мере, такой догадке не будет противоречить свойство чувашского языка, изменяющего буквы *с* в *ч* и *р* в *з*[3]. Молчание Нестора о чувашах, тогда как он упоминает о черемисах, нельзя принимать за полное доказательство, что их не было тогда на здешней земле. Скорее должно допустить, что у него и чуваши скрывались под именем же черемисов. Такое предположение очень вероятно, если принять в соображение, что и в XVI столетии русские считали чувашей заодно с черемисами, например, князь Курбский[4], лично знакомый с этими народами, выражался: «Черемиса горная, а по их чуваши зовомые, язык особливый». В летописях в первый раз упоминаются чуваши под 1524 годом, когда великий князь Василий Иоаннович, построив на устье Суры град Василь, отправил на Казань войско и оно на Свияге имело бой, и на том бою многих князей и мурз, и татар, и чувашу избиша. С этого времени имя их постоянно встречается во всех актах исторических, относящихся до здешнего края. Впрочем почти везде о них говорится как о жителях правой стороны Волги[5]. И действительно, кажется, по всему следует признать, что здесь находилось главное их обиталище и что на левый берег Волги они перешли позднее: по крайней мере в закамскую сторону они явились уже гораздо позже завоевания Казани и особенно усилили свои переселения сюда в XVII и даже в XVIII столетиях. Чуваши, как начинает говорить о них история, являются зависимыми и подчиненными другим народам, более сильным и самостоятельным. Так в период совершенного покорения русскими Казани, чуваши прежде других инородцев здешнего края стали изъявлять покорность. Местность по речкам Нывилям, принадлежащая к главнейшим становищам чувашского населения,

является почти в полной зависимости от русских еще в конце XV столетия. Есть предания, что здешние чуваши впоследствии сами просили о построении у них города, куда бы они могли являться для сдачи ясака. Один из чувашских старшин или князьков Пулад уступил под постройку *Цивильска* свой поселок *Сюрби-ял*, жителей которого перевел на другое место, где ныне стоит деревня Новосюрбеево. По этой причине город Цивильск у чувашей носит название «Сюрби-хода» — *Сюрби-город*[6].

Эти обстоятельства, без сомнения, имели немаловажное влияние на характер чувашей, от природы тихий и робкий. Они же, быть может, послужили главною причиною, что чуваши селились преимущественно в глуши лесов, в стороне от больших дорог, и непременно в каком-либо овраге, так что самое слово «овраг» — *сирмы*[7] сделалось синонимом слова «деревня», и нередко слышится в названиях чувашских селений: *Оба-сирмы, Ирхсирмы, Ялдым-сирмы* и пр. Надобно к тому присовокупить, что обычай чувашей селиться патриархально, усадьбами, «каждо с родом своим» имеет последствием то, что в чувашских деревнях дворы располагаются не улицами, но более или менее сближенными группами, между которыми пролегают вообще не широкие, прихотливо извивающиеся проезды. Эта беспорядочность даже обратилась у русских людей здешнего края в пословицу. Правительство, хотя и принимало меры к более правильному расположению чувашских селений, однако и ныне селений, выстроенных по правильному плану и с «белыми» избами, еще весьма немного. Здесь кстати заметить, что в издаваемом ныне списке весьма многие селения уездов Ядринского, Цивильского, Чебоксарского и Козьмодемьянского, где по преимуществу обитают чуваши, нередко носят по два, по три и даже по четыре названия. Это происходит именно от упомянутой выше привычки чувашей селиться родовыми усадьбами. Там, где эти родовые усадьбы удалились одна от другой на более значительное расстояние, они носят одно, исключительно им принадлежащее, название, большею частию по имени родоначальника, с прибавкою слова *касы*[8], а иногда *ял*[9] и *сола*[10], соответствующих слову «выселок». Там же, где усадьбы между собою так, что составляют общее, неразделенное селение, то в название такому селению усвоены все названия составляющих его родовых поселков. Относительно постройки самих домов можно сказать, что они вообще отличаются обширностью и прочностью; дверь в них всегда обращена на восток, страну священную по древнерелигиозным понятиям чувашей. К дому примыкают такой же прочной постройки амбары и

другие хозяйственные заведения, между прочим, пивоварни и особые здания для летнего житья. Все это придает чувашскому селению вид благосостоятельности. И действительно, зажиточность распространена между чувашами ровнее, быть может, главным образом от того, что в чувашах нет наклонности к щегольству, а напротив заметна скупость и крайняя неприхотливость в жизни. Главный промысел чувашей — земледелие, и они считаются в здешнем краю даже лучшими, усерднейшими земледельцами, умеющими с выгодами пользоваться каждым клочком земли для пашни, хотя и не очень удобряют свои поля. Успешности их земледельческих занятий в немалой степени способствует и то, что чуваши по преимуществу живут немноголюдными поселками, и потому пахотные поля имеют в недальнем расстоянии, да к тому же сами селения, как сказано выше, стоя в оврагах, ничего не отнимают у пахотных полей. Другие промыслы между чувашами не развиты; к ремеслам и торговле они не обнаруживают особого влечения, — и в этом отношении они состоят под влиянием русских, которые с промышленно-торговыми целями живут весьма во многих чувашских селениях. Впрочем, некоторые из обрусевших чувашей известны как состоятельные торговцы в г. Чебоксарах. Чуваши почти все обращены в христианство, но еще весьма не тверды в познании этого учения, что в большей степени происходило не от их собственной вины, как это замечено выше, при изображении христианства между татар. Курьезнее всего то, что с принятием христианства чуваши от русских получили насмешливо-почетное прозвища «Василиев Иванычей», усвоенное и самими чувашами, хотя вообще они склонны к употреблению русских имен собственных в уменьшительном виде: Митька, Тишка и проч. Сохраняется предание, что поводом к упомянутому прозвищу послужило следущее обстоятельство: один из главных крестителей чувашей иеромонах Вениамин Пуцек-Григорович (впоследствии митрополит Казанский) крестил их целыми толпами, причем любил им давать свое мирское имя «Василий»; восприемником же был состоявший при Вениамине Иван Алексеев, получивший потом место в одном из чувашских сел.

Впрочем, если христианство привилось к чувашам только одною внешнею обрядностию и если они не очень немного усвоили от русских, — тем не менее, нельзя сказать, что они не способны вовсе к развитию более высшему. Учителя училищ, заведенных в чувашских селениях, вообще весьма выгодно отзываются о понятливости и прилежании чувашских учеников.

В этом случае замечательный пример самообразования представляет государственный крестьянин деревни Юнга-Ядриной, природный чувашенин Спиридон Михайлович Михайлов, служивший впоследствии переводчиком при Козьмодемьянском земском суде. Род Михайлова между чувашами если не знатный, то старинный: прапрадед Михайлова Тевеля участвовал в походах Петра I под Азовом, и его рассказы долго сохранялись между чувашами. Михайлов с малолетства жил довольно времени у одного из козьмодемьянских купцов, выучился русской грамоте и, женившись на русской ростовской мещанке, также грамотной, вовсе пристрастился к чтению. Долгое время, если не единственно, то главным образом, мог он удовлетворять себя чтением разных книг духовного содержания. Наконец ему попались разрозненные томы «Истории Государства Российского»[11]. Увлеченный и богатством содержания этих книг, и прелестию их слога, Михайлов с этого времени душевно предался чтению всего исторического; а это чтение самым естественным порядком навело его на мысль собирать по возможности сведения о минувших судьбах и настоящем состоянии своего родного края. В 1851 году он решился попытать свои силы на литературном поприще и доставил в «Казанские Губернские ведомости» одну историческую статейку о Козьмодемьянске «как знак уважения и благодарности к козьмодемьянским гражданам за то, что они его, инородца по происхождению, возвысили на степень человека русского и научили гордиться этим славным именем». Привет, встреченный Михайловым со стороны редактора губернских ведомостей (автора настоящего обозрения), а также и от некоторых профессоров университета, ободрил его, и он стал с большим усердием заниматься историческими, этнографическими, статистическими исследованиями о западных уездах Казанской губернии. Некоторые из статей его доставлены были им в Императорское Русское Географическое Общество и приобрели ему звание члена-сотрудника этого общества и серебряную медаль. Вместе с этим он был избран и в члены-корреспонденты Казанского статистического комитета. Ученые путешественники, например Регули[12], Кастрен[13], Альквист[14], посещая Казанскую губернию для филологических исследований, знакомились с Михайловым и пользовались его указаниями. Как природный чувашенин, он знал превосходно язык и быт своего племени, и как человек значительно развитый чтением, мышлением и практическою жизнью в среде русской, — он с родственною любовью, но и беспристрастно судил о своих соплеменниках. В этом отношении все его статьи очень замеча-

тельны, но самое обширное и обстоятельное исследование его о чувашах, отправленное им в редакцию одного из столичных журналов, к сожалению, осталось не напечатанным и, сколько известно, вовсе утратилось. Михайлов умер в 1861 г. еще в полной силе лет[15].

Некоторая часть чувашей, особенно живущих вместе с татарами, приняла мухамеданство. Вообще давность близких сношений их с татарами сопровождалась для обоих народов замечательными последствиями. В Козьмодемьянском и в Ядринском уездах, например, нет татар вовсе, а между тем положительно известно, что некоторые чувашские деревни основаны были татарами, переженившимися на чувашках и окончательно превратившимися в чувашей. Это превращение показывает, что татары и чуваши в ту пору стояли между собой на более близкой степени гражданственности, тогда как ныне распространение между татарами собственной грамотности ставит их выше чувашей. Поэтому в прежнее время не было и принятия чувашами мухамеданства, а все заимствования их от татар главным образом состояли во внешности. Так, прежде они брили свои головы, любили есть лошадиное мясо и гнушались свининою, — и эти обстоятельства, быть может, служили причинами, что чуваши как особый народ узнаны русскими довольно поздно. Чувашей, сохраняющих свои языческие верования, в настоящее время насчитывается до 3 000 человек, из которых, более 3/4 живут в Чистопольском уезде и отчасти в Спасском; затем значительное количество язычников (так называемые «мижеры») находятся в Цивильском уезде и еще несколько семейств в Свияжском и Тетюшском.

Основанием языческого вероучения чувашей служит чистый дуализм, признание двух враждебных одна другой божественных сил. *Тора*[16] — начало благое, бог добра и света; *Шойтан*[17] — начало злое, бог всех зол и мрака. В областях как доброго, так и злого богов состоят духи служебные, собственно — олицетворения разных свойств верховных богов и обоготворенные силы природы; затем многие из богов имеют свои семейства. Таким образом, число всех богов становится довольно значительным. Добрые боги разделяются на два разряда: на небесных, живущих на небе, и на земных, имеющих местопребывание на земле. Высочайший из богов первого разряда есть «Сюльди-Тора»[18], распорядитель и властитель всего надзвездного, духовного мира. Главнейшим из земных богов добрых признается «Сирди-Патша»[19] — земной царь, по понятиям чувашей вообще представитель высочайшего бога и имеющий чисто божественную натуру. Злых богов еще более у

чувашей, чем добрых, потому собственно, что каждая чувашская деревня, кроме общих злых духов, признавала еще свои местные злые божества, суеверный страх к которым не истреблен христианством. Самое высшее злое существо есть «Киреметь», бывший однако сыном-первенцом верховного небесного доброго бога. Он также первоначально приносил повсюду обилие благ земных, довольство и счастье; но неблагодарные люди убили его и, желая скрыть свое преступление, труп сожгли, а прах рассеяли по ветру. Там, где пал на землю этот прах, выросли деревья, а с ними возродился и Киреметь, но уже, так сказать, привязанный к земле и раздробившийся, а вследствие того озлобившийся, мстящий людям за то, что они лишили его возможности жить в небесах. Чуваши верят, что люди давным-давно были бы истреблены с лица земли, если бы не умилостивляли Киреметь жертвоприношениями. Вследствие этого и поклонение чувашей преимущественно делается Кириметю, да и сами места таких молений также назывались «киреметями».

Эти подробности о мифологии чувашей мы считаем не лишними потому, что вероучение и других языческих инородцев здешнего края, особенно в отношении к понятию о злой силе, сходствует с чувашским. Замечательнее всего то, что поклонение Кириметю усвоено даже и некоторыми татарами в уезде Казанском, Мамадышском и Царевококшайском, хотя муллы это и преследуют.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Нестор*** (годы рождения и смерти не установлены) — монах Киево-Печерского монастыря (с 70-х годов XI в.), историк и публицист. По мнению многих исследователей, Нестор был составителем крупнейшего произведения древнерусской исторической мысли «Повести временных лет», возникшей около 1113 г.

2. ***Буртасы*** — средневековое племя, известное восточным авторам с VIII в. Предположительно обитало в Поволжье на пространстве от современной Сызрани до Волгограда. Буртасы занимались земледелием и скотоводством, в IX—начале X вв. попали под власть хазар. Часть буртасов была ассимилирована булгарами и влилась в состав формирующегося чувашского этноса. После монголо-татарского нашествия буртасы продвинулись к северу и постепенно утратили свои этнические особенности. Некоторые исследователи склонны сближать их с ираноязычными аланами. В настоящее время гипотеза о буртасском происхождении чувашей считается несостоятельной.

3. ***Суваз*** **(*Сивар, Сиваз*)** — вопрос о возможном родстве слов *суваз* (*сувар*) и *чуваш* находит сторонников и в конце XX в. Однако тщательный анализ однозначно отрицает их родство. Во-первых, реальной является только ротацированная форма *сувар*, восходящая к более ранней форме *сабир*, о чем свидетельствуют все исторические источники (за исключением Ибн Фадлана), ср.: Птолемей (II в.) — *савар*; Приск Паннийский (V в.) — *сабир*; Захария Ритор (V в.) — *сабир*; Прокопий Кесарийский (VI в.) — *сабир*; Мовсес Хоренаци (VI в.) — *савир*; Менандр Протектор (VI в.) — *сабир*; Иордан (VI в.) — *савир,сабир;* Феофилакт Симокатта (VI—VII вв.) — *сабир*; Константин Багрянородный (X в.) — *сабар асфал* — «белые сабиры»; Ибн Хордадбех (IX в.) — *сувар;* аль-Масуди (IX—X вв.) — *савардия*; эль-Балхи (X в.) — *сувар*; Ахмед ибн Фадлан (X в.) — *суваз*; аль-Истакри (X в.) — *сувар*; ал-Мукадесси (X в.) — *сувар*; Иосиф, хазарский каган (X в.) — *сувар*; Худуд аль-Алам (X в.) — *сувар*; Ибн Хаукаль (X в.) — *сувар*; Махмуд Кашгари (XI в.) — *сувар*; аль-Гарнати (XII в.) — *сувар*; ал-Идриси (XII в.) — *сувар*; Якут (XIII в.) — *сувар*; булгарская эпитафия (XIV в.) — *сувар;* карта Фра Мауро (1459 г.) — *веда суар.*

Анализ приведенных фактов показывает, что в древнебулгарскую эпоху интересующий нас этноним бытовал в архаичной форме *сабыр* или *савир*; в среднебулгарскую эпоху она трансформировалась в *сувар.* Эта форма реально сохранилась в татарском

(*суар*, чит.: *сăвар*) и чувашском названии деревень *Кивĕ Сăвар* и *Çĕнĕ Сăвар* (рядом с Суварским городищем). Что же касается единственной формы *суваз* у Ибн Фадлана, то она объясняется простой опиской переписчиков. В результате перестановки точки снизу буквы над ней форма *сувар* преобразовалась в ошибочную *суваз*. Даже если принять форму *суваз* за реально существовавшую, она по фонетическим законам никак не может перейти в современное *чăваш,* так как среднебулгарский звук *с* в начале слова никак не переходит в чувашский *ч*, точно так же среднебулгарский звук *з* (а тем более *р*) не может дать в чувашском *ш*.

4. *Курбский А.М.* — русский политический и военный деятель, писатель-публицист. В 1540—1550 гг. был близок к царю Ивану Грозному, занимал высшие административные и военные посты. Активно участвовал в Казанских походах 1545—1552 гг. Его перу принадлежит одно из первых упоминаний о чувашах в русских источниках.

5. В русских писцовых книгах, актовых и иных документах XVII—XVIII вв. постоянно упоминаются также и *чюваша*, проживающие в Предкамье и Заказанье.

6. *Сюрби-хола* — в современной орфографии *Çĕрпӳ хули* — чувашское название Цивильска, буквально «Город сотника». Выселившаяся из-под Цивильска деревня Новое Сюрбеево (чуваш. *Çĕрпӳел*, букв. «деревня сотника») входит в Цивильский район Чувашской Республики.

7. *Сирмы* — в современной орфографии *çырма* «овраг», *çырми* — форма 3 лица, букв. «его овраг»; следовательно: *Оба сирмы*, точнее *Упа çырми* — «Медвежий овраг», или «Овраг человека по имени Упа», *Ирх сирмы* — точнее *Йĕрĕх çырми* — «Овраг злого духа, называющегося Йĕрĕх», *Ялдым сирмы* — точнее *Ялтăм çырми* — «Овраг человека по имени Ялтăм».

8. *Касы* — (чуваш. *касси*) — элемент, часто встречающийся в чувашских названиях населенных пунктов (от глагола *кас* — «отрезать», «отделить»), соответствует русскому «выселок», «отруб», «дочерняя деревня».

9. *Ял* — компонент, часто встречающийся в названиях чувашских населенных пунктов, буквально «род», «племя» (какого-либо родоначальника), соответствует русскому «деревня».

10. *Сола* — (чуваш. *сала*, от русск. *село*) — обычно этим словом обозначались русские поселения.

11. Имеется в виду «История государства Российского» Н.М.Карамзина — известного русского историка и писателя.

12. *Регули А.* (1819— 1858) — венгерский языковед, историк и

путешественник, в 1841 г. был командирован в Россию с целью исследования древней прародины венгров. Во время путешествия побывал в чувашских селениях Чебоксарского, Цивильского, Козьмодемьянского уездов, собирая материалы по языку, фольклору и этнографии.

13. ***Кастрен М.Х.*** (1813—1852) — финский ученый-путешественник, работал в Гельсингфорсском университете, исследовал финно-угорские, тюркские и др. языки, во время своих путешествий по России собирал материалы и по чувашскому языку.

14. ***Альквист А.Э.*** (1826 — 1889) — профессор Гельсингфорсского университета, автор статей о чувашском языке, рукописных чувашско-русского и чувашско-шведского словарей.

15. О жизни и деятельности ***С.М.Михайлова*** подробнее см.: Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары. 1972.

16. ***Тора*** — в современной чувашской орфографии *Турă* (из пратюркского *Тангри* «небо как персонифицированный бог»)

17. ***Шойтан*** — в современной чувашской орфографии *шуйттан* «сатана», «дьявол», «черт»; через татарское и персидское посредство восходит к арабскому наименованию *шайтан*.

18. ***«Сюльди-Тора»*** — в современной орфографии ***Çӳлти Турă*** — букв. «Всевышний Бог».

19. ***«Сирди-Патша»*** — в современной орфографии ***Çĕрти Патша*** — букв. «Земной царь». Чуваши-язычники считали Земного царя посланником Бога; ритуальную формулу: *«Çӳлте Турă — çутçанталăк унăн, çĕрте Патша — хура халăх унăн...»* («Наверху Бог — вселенная в его власти; на земле царь — простой народ в его власти»). Следовательно, царь воспринимается как бы земной ипостасью Всевышнего Бога.

СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН

(1486—1566)

Одеяние Герберштейна, в котором он представлялся Василию Иоанновичу при втором посольстве в Россию.

Барон Сигизмунд Герберштейн (с немецкой гравюры того времени).

С. Герберштейн — австрийский государственный деятель. Во главе дипломатической миссии императора Священной Римской Империи в 1516—1518 и 1526—1527 гг. совершил путешествия в Россию.

Он родился в 1486 г. в родовом замке Виппахе, где его отец Леонард заведовал королевским имением. Место это издревле было населено славянами, поэтому Сигизмунд с детских лет наряду с родным немецким изучил их язык. Впоследствии, при путешествии по России, знание славянского языка принесло ему большую пользу.

Образование Сигизмунд получил в Венском университете. Двадцати лет от роду Герберштейн поступил на военную службу, принимал участие в боевых действиях. За мужество и верность император Максимилиан возвел С.Герберштейна в рыцари, сделал его членом королевского совета.

Первое поручение в роли дипломата Герберштейн получил в 1516 г., когда был отправлен к датскому королю.

В конце того же года Герберштейна отправляют в Польшу и Россию.

Цель его миссии заключалась в том, чтобы договориться о совместных действиях против Турции, а также примирить Россию с Польшей. Но в тот сложный исторический период решить эти вопросы оказалось невозможным.

В конце 1525 г. император Карл V поручил Сигизмунду Герберштейну вновь отправиться с посольством в Московию. Цель посольства, осуществленного в 1526—1527 г., была та же, что и раньше. Но и эта миссия особого успеха не имела. Тем не менее, обе эти поездки, преследовавшие в основном политические цели, были весьма полезны, они обогатили европейскую науку подробным описанием Московии. В итоге двух путешествий в Россию Герберштейном был создан труд «Записки о Московитских делах». Он был завершен только в 1549 г., то есть через 23 года после второго путешествия в Россию.

Впервые этот обширный труд, написанный на основе личных наблюдений автора, его бесед с осведомленными людьми и изучения письменных памятников (летописей и пр.), появился в 1549 г. на латинском языке под названием «Rerum Moscoviticarum Commentarii».

«Записки» Герберштейна потом были переведены на ряд европейских языков и многократно переиздавались. Только в России книга выдержала не менее шести изданий.

Качества, делавшие Сигизмунда Герберштейна искусным дипломатом, — образованность, широта взглядов, умение выделить главное, — позволили ему создать книгу достаточно точную и основательную. В круг его наблюдений и исследований входили нравы и обычаи, экономическое состояние и географические сведения, прошлое и настоящее населявших Россию народов. «Записки о Московитских делах» Герберштейна не утратили своего источниковедческого значения и в наши дни.

С.Герберштейн посетил многие регионы России — этого тогда еще чрезвычайно мало известного в Европе государства. Это сочинение по праву считается лучшим историко-культурным источником о Московском государстве XVI в. Многие страницы «Записок» автор посвятил различным народам, населявшим «Москозитское» государство, в том числе и чувашам. Он первым из иноземных писателей упоминает чувашей, название которых и в русских летописях встре-

чается впервые только под 1524 г. Герберштейн сообщает многие тонко подмеченные особенности чувашской культуры. Ряд сообщенных им сведений в других источниках не встречается и поэтому представляет чрезвычайную историко-культурологическую ценность.

В сочинении Герберштейна мы находим любопытные сведения и о других народах края — марийцах, мордве, татарах, русских и др.

Интересны сведения С.Герберштейна о хозяйственно-бытовом укладе народов Поволжья. Народы нашего края в то время жили рассеян-

RERVM MOSCOVITI-
carum Commentarij Sigismundi
Liberi Baronis in Herberstain,
Neyperg, & Guettenhag:

RVSSIAE, & quæ nunc eius metropolis est, Moscouiæ, breuissima descriptio.

Chorographia denique totius imperij Moscici, & uicinorum quorundam mentio.

De religione quoque uaria inserta sunt, & quæ nostra cum religione non conueniunt.

Quis denique modus excipiendi & tractandi Oratores, disseritur.

Itineraria quoque duo in Moscouiam, sunt adiuncta.

Ad hæc, non solum nouæ aliquot Tabulæ, sed multa etiam alia nunc demum ab ipso autore adiecta sunt: quæ, si cui cum prima editione conferre libeat, facile deprehendet.

Cum Cæs. & Regiæ Maiest. gratia & priuilegio ad decennium.

BASILEAE, PER IOAN-
nem Operinum.

но по деревням, обрабатывали землю в лесных чащобах, питались дичиной и медом, в изобилии добывали драгоценные меха и т.д.

Сочинение С.Герберштейна пользовалось широкой популярностью, оно было хорошо известно европейским ученым, явилось источником для картографической и космографической литературы того времени.

В России «Записки» впервые были переведены в 1748 г. переводчиком академии наук К.Кондратовичем.

Лучший перевод «Записок» принадлежит А.И.Малеину и издан в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Ниже мы приводим небольшие фрагменты из этого издания, непосредственно относящиеся к чувашам.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ЗАПИСОК О МОСКОВИТСКИХ ДЕЛАХ»

Нижний Новгород — это большой деревянный город, с каменной крепостью, которую нынешний монарх Василий[1] выстроил на возвышенности, при слиянии рек Волги и Оки. Говорят, что он отстоит на сорок немецких миль к востоку от Мурома; если это так, то Новгород будет отстоять от Москвы на сто миль[2]. По своему плодородию и изобилию во всем страна эта не уступает Владимиру. И здесь, можно считать, проходит граница христианской религии. Ибо хотя государь Московии имеет далее этого Новгорода крепость, которая называется Сурою[3], живущие там народы, именуемые *черемисами*[4], следуют вере не христианской, а магометанской[5]. Есть там и другие народы, по имени мордва, перемешанные с черемисами, которые занимают значительную часть страны по сю сторону Волги до Суры. Ибо черемисы живут за Волгою на севере; для различения между ними живущие около Новгорода называются *черемисами верхними* или *горными*, не от гор, которых там нет вовсе, а скорее от холмов, которые они населяют[6].

Река Сура разделяет владения царя Московского и царя Казанского; она течет с юга и, повернув на восток, впадает в Волгу в двадцати восьми милях ниже Новгорода. При слиянии Волги и Суры государь Василий воздвиг крепость и назвал ее по своему имени Василь-городом[7]; впоследствии эта крепость явилась источником многих бедствий. Недалеко оттуда есть река Мокша, она тоже течет с юга и впадает в Оку выше Мурома, недалеко от города Касимова, который московский владыка уступил татарам для житья[8]. Их женщины окрашивают, ради красоты, ногти в черный цвет и постоянно ходят с открытой головой и распущенными волосами[9]. К востоку и югу от реки Мокши встречаются огромные леса, в которых живет народ мордва, который имеет особый язык и подчинен государю Московии. По одним известиям, они идолопоклонники, по другим — магометане. Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются звериным мясом и медом,

изобилуют драгоценными мехами; это очень сильные люди, ибо они часто храбро отражали даже разбои татар; почти все они пехотинцы, отличаются опытностью в стрельбе из луков.

* * *

Народ под названием черемисы[10] живет в лесах под Нижним Новгородом. Они имеют собственный язык и следуют учению Магомета. Ныне они повинуются царю Казанскому, хотя наибольшая часть их некогда платила дань князю Московскому; отсюда они и досель еще причисляются к подданным Москвы. Многих из них государь привез оттуда в Москву по подозрению в преступлении измены, мы видели их там. Но когда они были посланы на границы в направлении к Литве, то в конце концов рассеялись в разные стороны. Этот народ обитает на далеком и широком пространстве от Вятки и Вологды до реки Камы, но без всяких жилищ. Все, как мужчины, так и женщины, очень проворны в беге, затем все они весьма опытные стрелки, никогда не выпускают из рук лука.

В двух милях от Нижнего Новгорода было очень много домов, наподобие города или поселка, где выварилась соль. Несколько лет тому назад они были выжжены татарами и восстановлены по приказу государя.

Народ мордвы живет у Волги, ниже Нижнего Новгорода, на южном берегу; они во всем похожи на черемисов, за исключением того, что дома встречаются у них гораздо чаще.

* * *

Царство Казанское, город и крепость того же имени расположены на Волге, на дальнем берегу реки, почти в семидесяти немецких милях ниже Нижнего Новгорода; с востока и юга по Волге это царство ограничено пустынными степями; с северавостока с ними граничат татары, зовущиеся шейбанскими и кайсацкими. Царь этой земли может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваши — весьма искусные стрелки. Чуваши отличаются также и знанием судоходства.

Вятская область за рекою Камою отстоит почти на сто пятьдесят миль от Москвы к летнему Востоку; до нее можно добраться, правда, более коротким, но зато и более трудным путем через Кострому и Галич. Ибо помимо того, что путь затрудняется болотами и лесами, которые находятся между Галичем и Вяткой, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисы. От

этого туда отправляются более длинным, но зато более легким и безопасным путем через Вологду и Устюг. А отстоит Вятка от Устюга на сто двадцать миль, от Казани на шестьдесят. Стране дала имя одноименная река, на берегу которой находятся Хлынов, Орлов и Слободский[11]. При этом Орлов находится в четырех милях ниже Хлынова, затем, спустившись на шесть миль к западу, Слободской; Котельнич[12] же находится в восьми милях от Хлынова на реке Речице, которая, вытекая с востока, между Хлыновом и Орловом впадает в Вятку. Страна болотиста и бесплодна и служит как бы неким неприкосновенным убежищем для беглых рабов, изобилует медом, зверями, рыбами и белками. Некогда она составляла владение татар, так что еще и поныне по ту и по сю сторону Вятки, в особенности при ее устьях, где она впадает в реку Каму, властвуют татары. Дороги измеряются там чункасами, а чункас содержит пять верст[13].

Шкурки горностаев привозятся также из нескольких местностей, и притом выворотные; однако большинство покупателей вводится этими шкурками в обман. Они имеют какие-то знаки вокруг головы и хвоста, по которым можно узнать, в надлежащую ли пору они пойманы. Ибо лишь только это животное будет поймано, с него снимается шкурка и мех выворачивается, чтобы волос не вытерся и не стал от этого хуже. Если какое животное не будет поймано в свое время, и потому мех его будет лишен надлежащего и природного цвета, то (как сказано) они вырывают из головы и хвоста некоторые волосинки, как признаки, чтобы нельзя было узнать, что оно поймано не в надлежащее время, и таким образом обманывают покупателей. Каждая шкурка продается приблизительно за три или четыре деньги.

Лисьи меха, и в особенности черные, из которых по большей части делают шапки, ценятся очень дорого. А именно, они продаются за 10, а иногда и за 15 золотых. Беличьи шкурки также привозятся из различных краев, наиболее широкие из Сибирской области, а те, которые благороднее каких угодно других, из Чувашии, недалеко от Казани[14], затем из Перми, Вятки, Устюга и Вологды. Они привозятся всегда связанные пучками по 10 штук; в каждом пучке две из них — самые лучшие, которые называются личными, три несколько похуже, которые именуются красными, четыре — подкрасные; одна, и притом последняя, называемая молочною, — самая дешевая из всех. Каждую из них можно купить за одну или две деньги. Лучшие и отборные из них купцы с большой для себя выгодой возят в Германию и другие страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Василий III Иванович*** (1479—1533) правил Московским государством с 1505 по 1533 гг.

Нижний Новгород был основан еще в 1221 г. владимирским князем Юрием Всеволодовичем как крепость. В 1392 г.был присоединен к Москве и вскоре стал опорным пунктом Руси в борьбе с Казанским ханством. Первоначально город был обнесен дубовыми стенами, в 1372 г. было начато строительство белого каменного кремля. Видимо, уже с тех времен идет его чувашское название *Чул хула* — букв. «Каменный город». При Василии III в 1506 — 1511 гг. был сооружен новый кирпичный кремль.

2. Расстояние от Москвы до Нижнего Новгорода 439 км.

3. Имеется в виду город *Васильсурск* (ныне поселок городского типа в Воротынском районе Нижегородской области). Основан в 1523 г. близ устья Суры как крепость Васильгород, назван в честь Василия III. С 1779 г. уездный город Василь Нижегородского наместничества, с 1927 г. — поселок городского типа.

4. В исторических источниках XVI—XVIII вв. под этнонимом ***черемиса*** или ***черемисские татары*** скрываются марийцы и чуваши, под этнонимом ***горные черемиса,*** а также ***черемиса*** и ***черемисские татары*** на правобережье Волги выступают в основном чуваши и небольшая группа горных марийцев. В Курмышском, Свияжском, Цивильском, Чебоксарском, Ядринском уездах, а также в восточной части Козмодемьянского и правобережной части Кокшайского уездов под названием ***черемиса*** выступали однозначно чуваши. В данном случае, по всей вероятности, речь идет о горных марийцах и чувашах.

5. В первой четверти XVI в. чуваши и горные марийцы, судя по всему, были язычниками. В период жизни в Казанском ханстве в религиозных верованиях народов Среднего Поволжья усилилась доля мусульманского компонента, чему немало способствовала миссионерская деятельность казанского духовенства. В Присурье к тому же находились татарские оборонительные остроги, в которых проживали мусульмане. Исламизация чувашей особенно активно происходила в Заказанье, в Волжско-Свияжском междуречье и примыкающих районах. Впоследствии принявшие магометанство чуваши влились в состав татарского народа. Процесс этот шел вплоть до начала XIX в., а местами продолжался и позднее.

6. До начала русской колонизации на территории Нижегородской области проживали мордовские и марийские племена, при-

чем на правобережных районах мордва соседствовала с горными марийцами. Судя по свидетельству С.Герберштейна, такая ситуация сохранялась и в начале XVI в.

7. Ныне ***Васильсурск.*** См. примеч. 3.

8. ***Касимов*** — город в Рязанской области на левом берегу Оки. Основан в 1152 г., до 1471 г. назывался *Городец Мещерский.* В 1446 г. великий князь Московский Василий II Темный подарил его татарскому хану Касиму, бежавшему из Золотой Орды и поступившему на службу к Московскому князю. В 1471 г. город переименован в Касимов. С середины XV в. Касимов становится центром Касимовского царства. Здесь в результате ассимиляции местного мещерского населения золотоордынцами формируется основное ядро татар-мишарей. После завоевания Казанского ханства в 1552 г. часть служилых татар-мишарей переселяется на южные границы Русского государства для охраны от набегов южных кочевников. Таким образом, на территории Чувашии появляются татары-мишары.

9. Эти этнокультурные особенности для татар-мусульман не характерны. Очевидно, в первой четверти XVI в. там еще сохранялись этнокультурные особенности мещёры, на которые и обратил внимание автор.

10. Под названием ***черемисы,*** очевидно, надо подразумевать как марийцев, так и чувашей.

11. ***Хлынов*** — ныне город ***Киров***, центр Кировской области. В русских летописях впервые упоминается в 1374 г. Основан новгородскими ушкуйниками.

Орлов — город в Кировской области, районный центр. Впервые упоминается С.Герберштейном, в 1600 г. упоминался под названием *Орловец.*

Слободской — город в Кировской области, районный центр. Первое упоминание как об укрепленном пункте русских поселенцев относится к 1505 г.

12. ***Котельнич*** — город в Кировской области, районный центр. Впервые упоминается под названием *Кокшаров* под 1143 г., в 1181 г. переименован в *Котельнич.*

13. ***Чункас*** — см. ниже соответствующее примечание к труду Г. Ф. Миллера.

14. Это — первое упоминание Чувашии в западноевропейской литературе. Примечательно, что в то время пушной промысел составлял важную статью экономической жизни чувашей.

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КУРБСКИЙ

(1528—1583)

А.М. Курбский — русский политический и военный деятель, писатель-публицист. Он происходил из рода смоленско-ярославских князей. Военную карьеру начал с 1549 г. в походах против Крымского и Казанского ханств. Князь А.М. Курбский был активным участником Казанских походов 1545—1552 гг. Был одним из близких к царю Ивану IV (Грозному) людей.

Нас прежде всего интересует литературная деятельность А.М.Курбского. В 1573 г. он написал «Историю о великом князе Московском», где содержатся уникальные сведения о чувашах и Чувшском крае. В литературном наследии активного участника «казанского взятия» встречается одна из самых ранних письменных фиксаций этнического самозвания чувашей: «...Черемиса Горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый...» Свидетельства непосредственного участника и очевидца событий почти пятисотлетней давности являются одним из очень немногих памятников для объективного изучения истории и культуры чувашского народа в этот малоизученный период. Извлечения из источника цитируются по изданию: Курбский А.М. История о великом князе Московском (извлечено из «Сочинений князя Курбского») / Издание Императорской археологической комиссии. СПб., 1913.

«ЧУВАША ЗОВОМЫЕ, ЯЗЫК ОСОБЛИВЫЙ»

Егдаж возвратихомся ко цареви нашему, со пресветлым одолением, он же тогда повелел опочивати оному утружденному войску аки восемь дней. И по осьми днях, сам поиде с воинством Казани, на место великое, глаголемое Муром, еже лежит от поля уже крайне[1], Казанским пределом, и оттуду, через поле дикое, аки месяц шел к оному предреченному новому граду[2], поставленному на Свияге, идеже воинство его ждало с великими делы и со многими запасы, яже приплыша Волгою, рекою великою. А нас тогда послал, со тремянадесять тысящей люду, через Рязанскую землю и потом чрез Мещерскую, идеже есть Мордовский язык. Потом препроводясь, аки за три дни, Мордовские лесы, изыдохом на великое дикое поле и идохом от него по правой руце, аки в пяти днях конем езду: понеже мы заслониша его тем войском, еже с нами шло, от Заволжских Татар (бояшебося он, да не приидут на него безвестно те княжата Нагайские); и аки бы по пяти неделях, со гладом и с нуждою многою, дойдохом Суры реки великие, на устья Борыша речки[3], идеже он в том же дни с войски великими прииде. И того дни хлеба сухаго наядохомся со многою сладостию и благодарением, ово зело дорогаго купующе[4] ово позычающе[5] от сродных, и приятель и другов; бо нам его было не стало аки бы на 9 дней, и Господь Бог препитал нас и войско, ово рыбами, ово иными зверьми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб.

Егдаж переплавишася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя[6], а по их Чуваша зовомые, язык[7] особливый, начаша встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию: понеже в их земле поставлен оный предреченный град на Свияге[8]. И от тое реки[9] шли есмя с войском 8 дней, полями дикими и дубровами, негде же и лесами; а сел со живущими зело мало, понеже у них села при великих крепостях ставлены и незримы, аще и по близку ходящим; и ту уже нам привожено и, по странам ездя, добывано купити хлеба и скотов; а еще и

зело дорого плачено, но нам было, яко изнемоглым от гладу, благодарно; а малвазии[10] и любимых трунков[11] з'марцыпаны[12], тамо не воспоминай! Черемисский[13] же хлеб сладостнейший, паче драгоценных колачей, обретеся; и наипачеж сего ради, иже подвизахомся за отечество правовернаго христианства, сопротив врагов креста Христова, паче же вкупе со царем своим: сие было благодарнейши и радостнейши, и не чулось ни единыя нужды, друг пред другом к добрым подвигам ретящеся; наипачеж сам Господь Бог помогал нам.

Егдаж приидохом близу новопоставленнаго града[14], воистину зело прекраснаго, тогда выехаша во стретение царя гетмани онии, яко градские, так которые и с делы приидоше, с немалыми вои, по чину благочинне устроении полки имущи; с ними же конного войска тысящ аки пятьнадесять, изыдоша во стретение, також и пеших множество много; к тому и гуфов[15] оных варварских, новопокорившихся царю, немало, аки четыре тысячи; их же обитания и села близу града онаго быша, яже, хотяще и не хотяще, покоришася. И бысть там радость не мала о здравию пришествия царева со множествы воев, також и о победе преже реченной, яже на Крымскаго пса одержахом (бо зело трепетахом о прихождении и помощи его Казани), и о поставлении града оного превеликого. И тамо к тому приехали есмы, воистину, яко в свой дом, от того долгова и зело нужнаго пути, понеже привезено нам множество, от домов наших Волгою, мало не каждому, в великих в галиях[16] запасу; також и купцов бесчисленное множество, с различными живностьми и со многими товары, приплыша, идеже бяше всего достаток, чего бы душа восхотела, — точию нечистоты тамо купить не обрящешь. И опочинув тамо войско аки три дни, начаша великую реку Волгу перевозитися; и перевезошася все войско аки за два дни.

...В земле той [Казанской] поля великие, и зело преизобильные и гобзующе[17] на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистинну удивлению достойни, и села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистинну вере ко исповеданию неподобно, аки бы на подобие множества звезд небесных; тако же и скотов различных стад безчисленные множества, и корыстей[18] драгоценных, наипаче от различных зверей, в той земле бывающих; бо тамо родятся куны[19] дорогие, и белки и прочие зверие ко одеждам и ко ядению потребны; а мало за тем далей соболей множество, такожде и медов: не вем, где бы под сонцем больши было.

* * *

К тому и то достоит вкратце воспомянути, перваго ради презрения совета добраго, яже еще в Казани будуще, советовали ему синклитове[20] не исходити оттуды, дондеже до конца искоренить от земли оныя бусурманских властелей, яко прежде написахом: чтож, смиряюще его гордость, попущает Бог? Паки ополчаются против его оставшие князие Казанские, вкупе со предреченными прочими языки поганскими[21], и воюют зельне[22], не токмо на град Казанский приходяще с великих лесов, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижняго наезжают и пленят. Того было безпрестанне, аки шесть лет после взятия места Казанского, иже во оной земле грады новопоставленные, некоторые же и в Русской земле, во осаде были от них. И свели тогда битву с гетманом его, мужем нарочитым, ему же имя было Борис Морозов, глаголемый Салтыков[23]: и падоша полки христианские от паганов[24]; и сам же гетман поиман, и держаша его жива, ака два лета, и потом убиша его, не хотеша его же а ни на окуп, а ни на отмену своих дати. И в туя шесть лет битвы многия быша с ними и воевания; и толикое множество в то время погибе войска христианскаго, бьющеся и воюющеся с ними безпрестанно, иже вере неподобно.

И по шестом лете собра войско не мало царь наш, вяще нежели тридесять тысящей, и поставил над ними воевод трех: Иоанна Шереметева, мужа зело мудраго и острозрительнаго и со младости своея в богатырских вещах искуснаго, и предреченнаго князя Симеона Никулинскаго, и меня; и с нами немало стратилатов[25], светлых и храбрых, и великородных мужей. Мы же пришедше в Казань и, опочинувшу мало воинству, поидохом в пределы оные далеко, идеже князие Казанские с воинствы бусурманскими и другими поганскими ополчались, и было их в ополчение вяще[26], нежеле пятнадесять тысящей, и поставляху битвы с нами и со предними полки нашими; сражашася мало на двадесять крат, памятамися: бо им удобно бываше, яко знаемым во своей их земле, пачеже с лесов прихождаху, сопротивляющижеся нам креще; и везде, за благодатию Божиею, поражаеми были от христиан. И к тому погодно время Бог дал нам на них: понеже зело в тую зиму снеги были великие без серенов[27], и того ради мало что их осталось: понеже хождаху за ними месяц целый, а предние полки наши гоняхи за ними аж за Уржум и Мешу реку за лесы великие, и оттуду аж до Башкирска языка, иже по Каме реке в вверх ко Сибири протязается; и что их было осталося, те покоришася нам. И воистину было, что писати по

ряду о оных сражениях с бусурманы: да краткости ради оставляется: бо тогда больше десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихом со атаманы их; тогда же славных кровопивцев христианских, Янчюру Измаильтянина и Алеку Черемисина, и других князей их немало погубихом. И возвратихомся, за Божиею благодатию, во отечество с пресветлою победою и со множайшими корыстьми; и оттуды начала усмиряться и покоряться Казанская земля цареви нашему.

* * *

Царь же вниде в совет о устроении града нововзятаго: и советовавше ему мудрые и разумные, иже бы ту пребыль зиму, аж до весны, со всем воинством, бо запасов было всяких множество с Русския земли галиями[28] напривожено, яко же и в той земле бесчисленное богатство всяких достатков, и до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю навеки; бо кроме Татарска языка, в том царстве 5 различных языков: Мордовский, Чувашский, Черемисский, Воитецкий або Арский, пятый Башкирский (те живут Башкирцы вверх великая реки Камы, в лесах, яже в Волгу впадает, ниже Казани дванадесять миль). Он же совета мудрых воевод своих не послушал; послушал же совета шурей своих: они бо шептаху ему во уши, да поспешится к царице своей, сестре их; но и других ласкателей направили с попами.

Он же, стояв неделю и оставя часть воинства в месте и огненныя стрельбы с потребу, и седши в суды ехал к Новугороду Нижнему, еже есть крайнее место великое Русское, которое лежит от Казани шестьдесят миль; а кони наши все послала не тою доброю дорогою, ею же сам шел к Казани, но подле Волги, зело претрудными стезями, по великим горам лежащими, на них же Чувашский язык обитает, и того ради погубил у всего воинства своего кони тогда: бо у кого было сто або двести коней, едва два або три вышли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Крайне*** — т. е. ***окраине;*** имеются в виду южные окраины Московского княжества на правобережье Оки.

2. Речь идет о городе Свияжске, возведенном русскими в 1551 году в устье реки Свияги.

3. ***Борыш*** — река Барыш, правый приток Суры в пределах современной Ульяновской области.

4. ***Купующе*** — от *купить, покупать,* т.е. «покупая».

5. ***Позычающе*** — от *позычить* — «одолжить, занимать», т. е. «занимая, ссужая».

6. ***Черемиса Горняя*** — здесь имеются в виду чуваши.

7. ***Язык*** — в значении «народ». «Черемиса Горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый» надо понимать: «Горные черемисы, а по ихнему называемые чуваши, народ особый, другой».

8. Примечательно, что А.М. Курбский особо подчеркивает, что г. Свияжск поставлен на чувашской земле; следовательно, еще в середине XVI века Присвияжье считалось чувашской территорией.

9. Т.е. от реки Суры.

10. ***Малвазия*** — ***мальвазия, малмазея, мармазея*** — сорт вина, Малвазийское вино.

11. ***Трунки*** — «напитки».

12. ***Марцыпан*** — ***марципан*** — род пирожного.

13. ***Черемисский*** — здесь явно в значении «чувашский», так как у марийцев в то время земледелие было развито слабо, а в южных районах Чувашии, через которые проходили полки Ивана Грозного, марийцы никогда не проживали.

14. ***Новопоставленный град*** — город Свияжск.

15. ***Гуфов*** — отрядов, полков.

16. ***Галиях*** — галерах, судах.

17. ***Гобзующе*** — от *гобизна* — «изобилие, богатство».

18. ***Корысть*** — здесь в значении «добыча, приобретение».

19. ***Куны*** — куницы.

20. ***Синклитове*** — синклиты — советники, высшие сановники.

21. ***Языки поганские*** — «народы языческие».

22. ***Зельне*** — сильно, ожесточенно.

23. ***Салтыков*** — свияжский воевода Б.И. Салтыков.

24. ***Паганы*** — «язычники».

25. ***Стратилат*** — «военачальник».

26. ***Вяще*** — «больше».

27. ***Серен*** — «наст», «мерзлый снег».

28. ***Галия*** — «галера», «судно».

АДАМ ОЛЕАРИЙ (ЭЛЬШЛЕГЕР)

(1599—1671)

Адам Олеарий — немецкий ученый и путешественник, побывавший в России в XVII в. В 1636 г., во время путешествия в Иран, он проплывал по Волге через территорию Чувашии, а 8 августа посетил Чебоксары.

Адам Эльшлегер (Олеарий) родился в Саксонии около 1599 г., высшее образование получил в Лейпцигском университете. В 1627 г. стал преподавать на кафедре. Благодаря неустанному труду Олеарий быстро продвигался по служебной лестнице. В 1633 г. поступил на службу к герцогу Шлезвиг-Гольштейнскому, был назначен секретарем посольства в Московию и Персию.

По просьбе герцога было получено согласие московского царя на проезд в Персию, и посольство выехало в дальний путь. Первая поездка состоялась в 1633—1634 гг., Олеарий принял в ней участие в качестве секретаря посольства. В экспедиции же 1635—1639 гг. он был уже в ранге советника.

После многочисленных приключений, испытав даже кораблекрушение, второе посольство в 1636 г. достигло Москвы, затем отправилось по Оке и Волге до Астрахани и далее в Иран. Эти путешествия подробно описаны в книге.

По пути следования Адам Олеарий определял географическое положение разных мест, собирал всевозможные материалы по картографии, приобретал восточные книги и рукописи.

Вот что пишет сам Олеарий: «Так как река эта, по моему мнению, одна из величайших, длиннейших рек в свете, то я старательно ее исследовал с помощью одного голландского корабельщика Корнелия Клаузена и некоторых русских лоцманов, снял ее по компасу на карту, не только в ее течении, изгибах, углах и берегах, но обозначил также и глубину ее, по которой можно было безопасно и свободно плыть, ее отмели, острова на ней и прилегающие к ней страны, измерил расстояние в ней милями и даже верстами». Итогом этой кропотливой работы стала первая подробная карта Волги, опубликованная в 1656 г. во втором, дополненном издании книги Олеария «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах».

Посольство вернулось в Москву в 1639 г. Московский царь предложил Олеарию поступить на русскую службу в качестве астронома, но он отклонил это предложение.

После возвращения на родину Адам Олеарий обзавелся имением под Готторпом и там провел оставшиеся годы жизни. Он был верным подданым герцога Фридерика и его преемника Христиана Альбрехта.

В 1650 г. Адаму Олеарию поручили управление библиотекой и кунсткамерой. В библиотеке герцога видное место заняли привезенные Олеарием из далекого путешествия арабские, персидские и турецкие книги и рукописи. Зная восточные языки, он занялся переводами, и многое из переведенного издал. Долгое время работал над составлением арабско-персидско-турецко-немецкого словаря, оставшегося, к сожалению, в рукописи.

Под руководством Олеария с 1654 по 1664 гг. строился знаменитый Готторпский глобус одиннадцати футов (около 3,5 м) в диаметре с изображением на внутренней стороне звездного неба, а на наружной — поверхности земного шара. Внутри глобуса был устроен стол, за которым могли сидеть десять человек, наблюдая за движением небесных тел по системе Николая Коперника. Этот глобус в 1713 г. внуком герцога Фридерика Христианом-Августом был подарен Петру I и перевезен в Санкт-Петербург.

Жизнь Адама Олеария в целом протекала спокойно, хотя смуты XVII в. коснулись и его. Во время датско-шлезвигской войны 1658 г. его дом был разграблен, и многое из созданного этим разносторонним ученым было безвозвратно утеряно.

Адам Олеарий умер 22 февраля 1671 г. в возрасте 72 лет.

Среди трудов Олеария важное место занимает обессмертившее его имя описание путешествия посольства в Московию и Персию. Работу над этим большим трудом он завершил в 1643 г., впервые он был опубликован на немецком языке в 1647 г., а в 1656 г. вышло второе, дополненное издание, снабженное многочисленными иллюстрациями.

Сочинение Адама Олеария пользовалось неизменным успехом среди образованных европейских читателей, оно как бы открывало врата неизвестной и таинственной Азии. Поэтому вскоре появились другие немецкие издания и переводы на английский, французский, голландский и другие языки. На русском языке книга увидела свет в 1870 г. в переводе Павла Барсова. Лучшим является перевод этого сочинения, выполненный А.М.Ловягиным и изданный в Санкт-Петербурге в 1906 г.

Сочинение Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» является незаменимым источником по истории России. В нем приведены важные сведения о ее народах, их нравах и обычаях, населенных пунктах, географии и истории страны и т. д.

КАК МЫ ПРОШЛИ МИМО КОЗЬМОДЕМЬЯНСКА, ЧЕБОКСАР, КОКШАЙ И СВИЯЖСКА

Седьмого августа мы прибыли к городу Козьмодемьянску, лежащему в 40 верстах от предыдущего города, также на правом берегу Волги. И этот город имеет своего наместника, или воеводу. В этой местности растет очень много — даже целые леса — лип, с которых жители дерут лыко и развозят его по всей стране, приготовляя из него сани, посуду или ящики. Дерево они распиливают на части, выдалбливают их и пользуются ими как ушатами, бочками и т.п.; они также выделывают из них целые лодки, челноки и гробы, которые продаются здесь и там на рынках.

В трех верстах за этим городом у острова Криуши мы стали на якорь, совершили богослужение и причастились. Сюда крестьяне опять принесли на продажу свежую провизию. Когда мы прошли с милю вперед, началась сильная буря, поэтому мы опять спустили якорь и здесь расположились на ночевку.

Восьмого августа, когда дул попутный ветер, мы подняли паруса и до полудня легко прошли до острова Туричьего. После обеда мы на всех парусах налетели на песчаную мель у острова Маслова, так что мачты заскрипели; мы сидели на мели 4 часа, пока не сдвинулись при помощи трех якорей.

Здесь на правом берегу мы видели очень много черемисов, конных и пеших, работавших на своих сенокосах[1]. К вечеру прибыли к городу Чебоксары, лежащему в 40 верстах от накануне встреченного на правом берегу городка; подобно обоим предыдущим, и этот город построен из дерева; по расположению и застройке он наиболее приятный на вид. Когда жители, еще до нашего прибытия, увидели издали наше большое судно, они были сильно поражены. Поэтому воевода выслал навстречу нам лодку со стрельцами за три версты от города к острову Мокрице, чтобы удостовериться, что мы за люди. Солдаты издали объехали судно и поспешили обратно. Когда наш паспорт был доставлен в город, человек триста, молодых и старых, собрались на берегу посмотреть на нас. В этом городе, как и в других соседних, которые расположены на берегу Волги, а не внутри страны,

при воеводе имеется много русских солдат на тот случай, если покоренные татары[2] захотели бы возмутиться, чтобы легко можно было собрать войско и усмирить их.

Девятого того же месяца мы прибыли к острову Казину, лежащему у левого берега в 12 верстах от предыдущего города, потом к деревне Сундырь, на правом берегу[3], и еще через 20 верст к городу Кокшай на левом берегу Волги, в 25 верстах от предыдущего города[4]. Около этого места Волга на протяжении нескольких миль везде мелка, так что мы едва прошли через мели. Поэтому в течение этого и следующих дней у нас было очень много трудов и хлопот с заносом якоря и наматыванием якорного каната. В течение 10-го августа мы продвинулись всего на полмили. На судне то и дело раздавалось: «Тяни, греби назад!»

Десятого числа река, течение которой было тут более сильное, занесла нас к правому берегу, у которого мы застряли на несколько часов. Здесь я с фон-Мандельсло вышел на берег и отправился в лес, чтобы развлечься и поискать лесных плодов. Так как, однако, тем временем ветер стал благоприятнее, то подняты были паруса и корабль ушел. Подойдя к берегу и не увидев судна, мы бежали некоторое время по берегу, надеясь догнать его. Однако мы корабля не увидели, но зато заметили лодку, которая направлялась в нашу сторону. Сначала мы думали, что это казаки, оказалось, однако, что лодка прислана с нашего судна нам навстречу. На ней мы вернулись к судну, которое стояло в изгибе реки, задержанное ветром. Так как ветер становился все сильнее и сильнее, мы устроили здесь остановку на ночь.

Двенадцатого мы попробовали протащить корабль с помощью маленького якоря. Якорь, однако, зацепился за дерево, лежавшее на дне, порвал канат и остался на дне. Говорят, подобные вещи часто происходят на Волге из-за деревьев, которые во время половодья срываются с берегов в реку и лежат в иле на дне. Русские говорят, что на дне Волги лежит столько якорей, что они стоят целое княжество. Бывали случаи, что такой якорь случайно вновь вытаскивали другим.

Тринадцатого августа, после того как мы до полудня прошли мимо двух кабаков и деревни Вязовки на правом берегу[5], мы прибыли к городу Свияжск, расположенному по левую руку на живописном холме[6], здесь имеются кремль, несколько каменных церквей и монастыри, но окружен город деревянными стенами и башнями. Когда мы, из-за находившейся перед ним мели,

стали на якорь, напротив этого города народ толпами собрался на берегу. Так как между нами и берегом находился длинный песчаный мыс, заслонявший нас, многие из них выехали на челноках и лодках или перешли через узкую часть реки, чтобы посмотреть на нас и наше судно. Остававшиеся отсюда до Казани 20 верст мы плыли мимо многих меловых и белых песчаных гор на правобережье. К вечеру прибыли к Казани, где стали на якорь. Здесь мы встретили персидские и черкесские караваны, выехавшие из Москвы за несколько дней до нас. При них находился персидский купец, который был в Москве в качестве посла, как упомянуто выше. Также был здесь черкесский татарский князь по имени Мусал из города Терки, получивший после смерти своего брата ленное владение от великого князя.

О черемисских татарах[7]

Здесь появляются другого рода татары, а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань[8]. Живут по обе стороны Волги[9], большею частью в простых избах, питаются скотоводством, медом и дичью, являются превосходными стрелками из луков и даже детей приучают заблаговременно к этому. Это вероломный, разбойный народ, преданный чародейству. Те из них, что живут направо от Волги, именуются «нагорными», так как они живут на высоких местах: на горах или между горами. Это наименование происходит от русских слов «на» и «гора». Живущие слева именуются «луговыми» — от зеленых лугов и сенокосов: ведь здесь, в виду низкой и сырой почвы, много прекрасных лугов и полей, где собирается в большом количестве сено, которым нагорные кормят свои стада. Гвагнин говорит, что этот народ частью языческой, частью магометанской веры[10]. Живущие вокруг Казани все, насколько я мог узнать, язычники, так как их не обрезают и не крестят[11]. Когда ребенку у них исполняется полгода, они определяют особый день, когда ребенок должен получить имя. Кто в этот день раньше всего зайдет к ним или пройдет хотя бы мимо, того имя и получит дитя[12]. Большинство из них верит, что имеется бессмертный Бог, который творит людям на земле добро и которого поэтому нужно призывать. Однако, что он собою представляет и как он желает быть почитаем, этого они не знают. Они не верят в воскресение мертвых или в новую жизнь после здешней. Они полагают, что со смертью человека, как и со смертью скотины, все кончается. В Казани в доме моего хозяина жил черемис, человек лет 45. Услышав, что

я говорил с хозяином о религии и, между прочим, упомянул о воскресении мертвых, он начал смеяться, всплеснул руками и сказал: «Кто раз помер, тот мертв и для черта. Или разве покойники восстанут, а с ними и мои лошади и коровы, околевшие несколько лет тому назад?» Когда я его спросил: А знает ли он, кто создал небо и землю, он насмешливо ответил: «Черт знает». Хотя они не верят в существование ада, все-таки, по их мнению, существуют черти, которых они называют духами-мучителями; они полагают, что эти черти при жизни могут мучить людей и доставлять им другие неприятности, поэтому они и стараются умилостивить их жертвами[13].

Говорят, что в казанской области, к югу от Казани миль на 40, в болотистой местности имеется река, именуемая у них Немдою. Сюда они направляются со своими поломничествами и жертвами. Они говорят: «Кто сюда придет и ничего не принесет в жертву, тот зачахнет или засохнет». Они полагают, что черт имеет резиденцию свою там или, точнее, у реки Шокшем, лежащей в 10 верстах от Немды[14]. Говорят, что эта река не глубже 2-х локтей, течет между двух гор и никогда не замерзает. Ее черемисы очень боятся; они полагают, что если кто-либо из их нации придет к этой реке, то тотчас помрет, русские же без опасности для себя могут приходить к ней и уходить от нее. Иногда они приносят жертвы и Богу, режут для этой цели лошадей, козлов и овец, натягивают шкуры на колья, варят тут же мясо. Берут блюдо, полное мяса, в одну руку, а чашку с медом или с другим напитком в другую руку и бросают все это против шкуры в огонь, говоря: «Иди, передай мое желание Богу». Также: «О, Боже, я охотно жертвую тебе это, прими это от меня и дай мне скота» и т.д., смотря по тому, что они желали бы. Так как они не верят в иную, нездешнюю жизнь, то все их просьбы и молитвы устремлены на мирское. Они молятся также солнцу и месяцу, так как замечают, что их действие благоприятно для земли и скота. Особенно же во время созревания урожая высоко чтится ими солнце. Нам даже сообщали, что они в светлое время дня почитают все то, что видели во сне, будь то корова, лошадь, огонь или вода[15]. Когда я и хозяин мой иногда из-за этого убеждали черемисина, что неправильно чтить скот и другие твари как Бога и молиться им, — он давал такого рода ответ: «Что же такое представляют собою боги русских, вешаемые на стенку? Ведь в них нет ничего, кроме дерева и краски, гораздо лучше и разумнее почитать солнце и то, что имеет жизнь». У них нет ни письмен, ни попов, ни церквей[16]. Их язык также своеобразен и

имеет мало сходства с обыкновенными татарским или турецким[17]. Те, кто в этих местах живут среди русских, пользуются обыкновенно русским языком.

Когда у них помирает состоятельный человек, то закалывают его лучшую лошадь, и ее у реки (все свои жертвоприношения и тому подобные торжества совершают они у реки) съедают оставшиеся друзья и слуги его; покойника же зарывают в землю, а одежду его вешают на дерево[18].

Они одновременно вступают в брак с 4-мя, 5-ю и более женами и не обращают внимания на то, если бы 2 или даже 3 жены оказались родными сестрами[19].

Женщины и девушки ходят в одежде из грубого белого холста и закутываются вплоть до лица[20]. Невесты носят спереди на головах своих украшение на манер рога; оно с локоть длиною и направлено кверху; на конце его в пестрой кисточке висит небольшой колокольчик[21].

Мужчины ходят в длинных холщовых кафтанах, под которыми носят штаны; головы свои они стригут наголо. Женатые парни дают вверху в темени расти длинной косе, которую они иногда завязывает в узел; иногда же дают ей свисать наподобие женской косы[22]. Мы многих из них встречали не только здесь, но и в Казани.

Когда они в первый раз увидели на Волге нас в столь необычной одежде и на корабле, то испугались, и некоторые из них стали убегать с берега, а часть осталась стоять, но, несмотря на наши призывы, не хотела подняться на судно. К вечеру один из них собрался с духом и на левом берегу Волги у реки Ветлуги против Юнгского монастыря[23] поднялся на наше судно; он принес для продажи большого свежего осетра, за которого попросил 20 алтын, или 60 копеек, отдав его, однако, за 5 алтын.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адам Олеарий встретил ***черемис*** на правом берегу Волги. Это могли быть как горные марийцы, так и чуваши. Последнее предположение более вероятно, так как непосредственно за этим сообщением Олеарий приступает к описанию своего прибытия в Чебоксары. В XVI— начале XVIII вв. под названием *черемиса, горные черемиса* и *черемисские татары* подразумеваются как марийцы, так и чуваши.

2. Здесь под татарами следует подразумевать и другие народы Поволжья, в частности, марийцев и чувашей, а также мордву.

3. Деревня ***Сундырь***, располагавшаяся на правом берегу Волги, послужила основой современного города Мариинский Посад (чуваш. *Сĕнтĕрвăрри* — букв. «устье Сундыря»). Образован в 1856 г. из села Сундыря и прилегающих к нему деревень Ворошилово, Денисово, Коновалово сначала в статусе посада; был назван в честь Марии Александровны, супруги наследника престола.

4. ***Город Кокшай*** — ныне поселок *Кокшайск* Республики Марий Эл (ранее — село *Кокшайское* или *Покровское*) основан в 1574 г. близ устьев Большой и Малой Кокшаги как крепость, был административным центром Кокшайского уезда, в состав которого входила и небольшая часть Чувашии.

5. ***Деревня Вязовки*** — нынешний рабочий поселок *Нижние Вязовые* Зеленодольского района Республики Татарстан на правом берегу Волги близ железнодорожной станции Свияжск.

6. ***Свияжск*** — ныне село, входит в Верхнеуслонский район Республики Татарстан. Заложен 24 мая 1551 г. как опорный пункт русских войск при завоевании Казани. Первоначально, по воле царя Ивана Грозного, назывался *Иван-городом*, а затем *Новым городом Свияжском*, а с 1560 г. просто *Свияжском*. Спустя 15 лет Свияжск был уже настоящим городом с крепостью, посадом и слободами. До конца XVII века Свияжск жил полнокровной жизнью, но затем, утратив свое былое значение форпоста для колонизации края, уступил роль административного и торгового центра Казани.

7. Под **черемисскими татарами** следует подразумевать чувашей.

8. В настоящее время в Заказанье чувашских поселений практически нет, но русские писцовые книги, актовые и другие источники XVI—XVII вв. в этих районах постоянно упоминают «чювашей», а топонимика и сейчас пестрит чувашизмами. По далеко не полным данным, в Заказанье отмечено более 200 населенных пунктов, в которых проживали «чюваша».

9. Принято было полагать, что в данном пассаже речь идет о горных и луговых марийцах. Однако в свете приведенных выше новых фактов выясняется, что вплоть до конца XVIII в. в левобережье Волги проживало чувашское население. В XVI—XVII вв. островки чувашского населения сохранялись, начиная с бассейна Илети на севере и до Камы на юге.

10. Исповедовавшие мусульманскую веру чуваши со временем отатарились и влились в состав казанских татар. Процесс татаризации чувашей в Заказанье завершился к концу XVIII в., а на правобережье продолжался вплоть до конца XIX в.

11. Это сообщение Олеария имеет чрезвычайно важное значение для этнической идентификации населения Заказанья. Как известно, татары с давних времен были приверженцами мусульманства. Нет никаких свидетельств о проживании вокруг Казани марийского населения в XVI—XVII вв. Следовательно, Олеарий мог там встретить только чувашей-язычников.

12. Такой прием наречения имени ребенку сохранялся у чувашей вплоть до начала XX в.

13. Аналогичные рассуждения чувашей о Боге и черте встречаются многократно и в более поздних, но независимых от Олеария этнографических работах о чувашах.

14. Название реки ***Немда*** не зафиксировано в «Словаре гидронимов Татарстана» Ф.Г.Гариповой.

Шокшем — это, видимо, река *Шукшан*, левый приток реки Немда, в Новоторьяльском районе Марийской Республики. Следовательно, Олеарий описывал языческое святилище, расположенное в этой местности.

15. Описанные Олеарием религиозные представления и обряды черемис совпадают с чувашскими языческими представлениями и обрядом жертвоприношения *чӳк*. Об их древности свидетельствует совпадение практически всех деталей обряда, жертвоприношения у чувашей, сибирских тюркоязычных (алтайцев, хакасов, шорцев, телеутов, тувинцев) и монголоязычных народов.

16. Эти слова имеют важное значение для понимания старой чувашской веры. Ее основой является почитание персонифицированной и обожествленной природы. Старая чувашская вера поэтому не знала ни церквей (храмом была сама вселенная), ни идолов (нельзя было материализовать духовное). Поэтому ошибаются и те, кто призывает строить языческие храмы, и те, кто приписывает древним чувашам идолопоклонство.

17. Свидетельство Олеария весьма примечательно. С одной стороны, он упоминает татарский, турецкий языки, которыми, кста-

ти, он владел, а с другой заявляет, что он «имеет мало сходства с ними». Выходит, что язык «черемис» связывается им, хоть и в плане отдаленного родства, с татарским и турецким, т.е. относится к тюркской семье языков. А таковым является именно чувашский язык.

18. Обычай закалывать на поминки лучшего коня усопшего был широко распространен у тюрков. У чувашей он сохранялся вплоть до последнего времени и зафиксирован многими этнографами.

19. Многоженство в прошлом у чувашей было нередким явлением, о нем говорят и поздние этнографы. До четырех и более жен, очевидно, имели большей частью чуваши-мусульмане. Кстати, материалы ревизских сказок свидетельствуют, что среди чувашского населения доля женщин всегда немного превышала долю мужчин, что также способствовало бытованию полигамии. Обычай одновременной женитьбы на двух и более родных сестрах (так называемый сорорат) вызывался экономическими причинами.

20. Олеарий описывает чувашских женщин с головным убором *сурпан*, который обматывался вокруг головы и шеи.

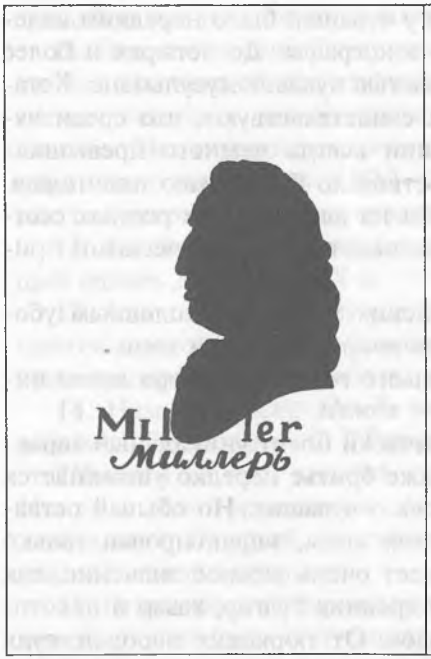
21. Здесь дано описание девичьего головного убора *тухья* низового типа, с шишаком.

22. Это описание мужской прически носит уникальный характер. Стрижка головы наголо и даже бритье нередко упоминается в ранних этнографических записях о чувашах. Но обычай оставлять чубы, притом в виде длинной косы, зафиксирован только Олеарием. Это свидетельство имеет очень важное значение, так как подобный обычай отмечен у древних булгар, хазар и некоторых других тюркоязычных народов. От тюркских народов, судя по названию, восприняли обычай оставлять хохол и запорожские казаки.

23. ***Юнгский монастырь*** — расположен в устье реки Юнги в Горно-марийском районе Марийской Республики около сел Троицкий Посад и Покровское (Большая Юнга). Напротив этих сел с левой стороны впадает в Волгу река Ветлуга.

ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР

(1705 — 1783)



РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

CLIO

Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер — уроженец города Герфорда в Германии, изучал исторические науки в Лейпцигском университете. В 1725 г. он отправился в Россию и был принят преподавателем гимназии при академии наук. С того же времени начал вести исследовательскую работу в области русской истории.

В 1728—1730 гг. был редактором издававшихся академией «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Примечаний» к ним. В 1732 г. он начал издавать сборники под названием «Собрание Русской Истории». В 1730 г. был назначен профессором истории академии наук.

В 1733 г. Миллера, по его желанию, включили в состав Первой

Академической Великой Северной экспедиции, в которой он проработал 10 лет. По возвращении из экспедиции Миллер в течение 22 лет продолжал работать в академии наук. Начиная с 1754 г. в течение 11 лет состоял конференц-секретарем академии, а с 1755 г. — редактором первого русского научно-популярного журнала. Журнал этот выходил с 1755 по 1764 гг., причем неоднократно менял свое название: до 1757 г. он назывался «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», в 1758—1762 гг. — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», а в 1763—1769 гг. «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах». Вся Россия с жадностью и удовольствием читала этот первый русский ежемесячник. В народе он был известен как журнал Миллера. Миллер печатал там как свои сочинения, так и иные труды по истории, географии и этнографии России. Здесь, в частности, был напечатан выдающийся труд П.И.Рычкова «Оренбургская топография».

В 1765 г. Г.Ф.Миллер перешел на службу в Москву, где сначала состоял директором учрежденного тогда Воспитательного дома, а с 1766 до 1783 г., в течение 17 лет, возглавлял Московский архив Коллегии иностранных дел — предшественник современного Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА).

С культурой, бытом, языком чувашей Миллер близко познакомился в ходе Великой Северной экспедиции в 1733 г. Участниками сухопутного отряда экспедиции были профессора академии Герард Фридрих Миллер и Иоганн Георг Гмелин, адъюнкт Георг Штеллер, студент С.П.Крашенинников, магистр Иоганн Фишер, переводчик Якоб Линденау и др.

В течение 10 лет Миллер изъездил всю Сибирь — вплоть до Якутска, Мангазеи и Нерчинска. В ходе экспедиции составлялись маршруты пройденного пути с описанием достопримечательностей; особо интересным из них Миллер посвящал специальные статьи. В них впервые описаны многие древние могильники, писаницы и другие археологические памятники Сибири.

В каждом из сибирских городов Миллер обследовал архивы, выбирая все важное для истории. Эти «миллеровские портфели» в количестве 34 томов представляют неоценимый исторический источник.

Знакомясь с жизнью разных народов в отдаленных частях России, Миллер записывал образцы их языков, составлял словари. В ЦГАДА хранится более 30 таких лексиконов, в том числе и словарь чувашского языка.

Г.Ф.Миллер оставил немало этнологических работ, среди которых особый интерес для чувашской культуры представляет статья «Описание сибирским народам вообще с приобщенным к оному

особливым известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием, что при описании народов примечать должно», оставшаяся, к сожалению, неопубликованной.

Главный труд Г.Ф.Миллера, над которым он работал многие годы, — это его «История Сибири», представляющая собой обширный свод всего известного в то время и собранного участниками Великой Северной экспедиции материала.

Участники экспедиции выехали из Санкт-Петербурга в 1733 г. В октябре того же года они прибыли в Казань, где провели из-за бездорожья два месяца. Время вынужденной задержки ученые использовали для изучения Казани и края. Миллер и Гмелин обратились в губернскую канцелярию за содействием. Они, в частности, «просили сыскать им по одному — по два старых и степенных человека из каждого племени, которых можно было бы спрашивать об их верах, жизни, торгах, промыслах, нравах, обычаях и истории, а для объяснения с ними дать искусных толмачей, которыми можно было бы располагать свободно, даже ездить с ними по окрестным деревням» (Харлампович, 1903, 253).

К сожалению, «сведущих людей разных племен» губернская канцелярия быстро найти не смогла.

Толмачей же четырех местных наречий — татарского, чувашского, марийского и удмуртского— удалось подобрать, но они поступили в распоряжение экспедиции только в конце ноября. Так что времени для работы с переводчиками оставалось мало. Поэтому Миллер изменил первоначальные обширные планы и ограничился записью важнейших слов на местных языках и переводом молитвы «Отче наш» на чувашский и черемисский (марийский) языки. Перевести на другие языки молитву не удалось.

От переводчиков Миллер сумел получить разностороннюю информацию по этнографии народов Казанской губернии. Но эти сведения не могли удовлетворить пытливый ум ученого. Он неоднократно обращался к местным чиновникам с просьбой предоставить ему проводника для поездок в Булгары и в деревни «к здешним иноверным народам». Его просьба была отчасти выполнена, но в связи с установлением санного пути настала пора собираться в дальнейшую дорогу. Поэтому Миллер ограничился изучением имеющихся в Казани булгарских материалов и документов.

Во время пребывания в Казани Миллер близко познакомился с В.Г.Пуцеком-Григоровичем (1706—1782), работавшим тогда учителем семинарии при Зилантовом монастыре. Знакомство с Миллером, вероятно, сыграло свою роль в дальнейшей судьбе Пуцека-Григоровича. Очевидно, не без влияния Миллера он начал работу

над «Сочинениями, принадлежащими к грамматике чувашского языка», которым суждено было войти в историю в качестве первой отечественной грамматики чувашского языка; не без помощи Миллера он опубликовал в 1769 г. свой труд в типографии академии наук в Санкт-Петербурге. Ведь Миллер в течение длительного времени руководил публикацией академических изданий.

По результатам произведенных в Казанской губернии сборов Миллер написал этнографическую работу, посвященную чувашам, мари и удмуртам. Полный титул этого издания: «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как-то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках». В литературе встречаются разные указания на время написания этого замечательного сочинения, но точной датой следует считать 1733 год. Сам Г.Ф.Миллер в предисловии к своему неопубликованному труду «Описание сибирских народов» указывает именно этот год.

Работа первоначально была опубликована на русском языке в 7—9 номерах журнала академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» за 1756 г., затем была напечатана на немецком языке в III выпуске сборника «Sammlung mssischer Geschichte» за 1759 г., который также издавался под его руководством. И, наконец, новое русское издание было осуществлено в 1791 г. Оно содержит добавления к текстам прежних изданий и снабжено 8 рисунками женских костюмов, выполненными еще в 1733 г. Часть текста дополненного издания увидела свет в том же 1791 г. под заголовком: «Выписка из описания живущих в Казанской губернии языческих народов...» в журнале «Новые ежемесячные сочинения».

Несмотря на небольшой объем — 101 стр. малого формата, — данный труд Г.Ф.Миллера весьма богат по содержанию, причем такие темы, как одежда и головные уборы, религия, освещены наиболее подробно. Для своего времени эта книга является достаточно полным оригинальным описанием чувашей, мари и удмуртов, дающим верное изображение их самобытной культуры.

С чувашами участники Первой Академической экспедиции встретились уже при вступлении в пределы Казанской губернии. Когда

экспедиция прибыла в Ильинскую Пустынь (современная Ильинка Моргаушского района), оказалось, что сильный низовой ветер не дает возможности плыть барке вниз по Волге. Тогда Миллер и Гмелин решили взять с собой переводчика, двух слуг и четырех солдат, из которых двое оказались крещеными чувашами, и проследовать до Чебоксар в лодке, чтобы по пути изучить жизнь и быт чувашей.

В Чебоксарах они хотели дождаться барки и продолжить на ней путешествие.

Когда лодка отъехала от Козьмодемьянска верст пять, на правом высоком берегу Волги показался огонь. Солдаты сообщили им, что там совершается жертвоприношение по старому языческому обычаю. Участники экспедиции направились туда через поросшие лесом горы.

Подойдя к костру, ученые встретили двух чувашей. Они были заняты свежеванием заколотого в жертву барана. Над костром висел котел, в котором варились внутренности барана.

К востоку от костра находилась обнесенная оградой четырехугольная площадка. Перед ней чуваши совершали священнодействие. Здесь ученые расспросили у чувашей об их религиозных обрядах и старинной вере. Эти сведения впоследствии были изложены в трудах Миллера и Гмелина. Последний, в частности, сообщает, что богослужение чуваши совершают перед повешенной на дерево кожей животного, чтут единого бога *Тора* (Турă), но почитают святым и солнце, которому также совершают моленья; каждая деревня имеет своего собственного божка (по-немецки Götzen), якобы проживающего в определенном священном месте. Судя по описанию ученых-путешественников, это — *Киреметь* и место его постоянного пребывания — киреметище.

Г.Ф.Миллер сообщает, что деревня, откуда были родом чувашские солдаты, имела бога с именем Бородон (Миллер, 1791, с. 43). Скорее всего, в этом названии в искаженном виде отразилось известное среди верховых чувашей название киремети *Хуратăван* (в верховом произношении *Хоратоан*).

Конечно, за короткое время путешественникам не удалось узнать много об обычаях, языке, нравах и образе жизни чувашей.

Тем не менее, они сумели подметить, что чуваши народ очень бережливый. По этой причине они, в частности, не употребляют водки.

В Чебоксарах Гмелину и Миллеру удалось получить через местного воеводу некоторые данные о численности чувашей — «очень большого племени в крае». По свидетельству воеводы, в Чебоксарском округе чувашей насчитывалось более 18 тыс., в Козьмодемьянском — более 10 тыс., в Цивильском — более 12 тыс., в Свияжском — более 60 тыс. и в Кокшайском — свыше 400 человек.

Участники экспедиции встречались и непосредственно с чувашами. Так, на встречу с ними привели двух чувашей с Чебоксарского базара. От них ученые узнали, что чуваши не работают по пятницам, хотя пятница у них не считается за особенно святой день. Это очень важное свидетельство. В научной литературе бытует мнение, что празднование пятницы у чувашей утвердилось под влиянием соседних татар-мусульман. Однако есть основания считать, что почитание пятницы имеет более глубокие корни, восходящие к первым векам нашей эры, когда оногуро-булгарские предки чувашей переходили от трехдневной тюркской недели к пятидневной восточно-иранской.

Далее Г.Ф.Миллер и его помощники записали, что самый большой праздник у чувашей бывает один раз в году, когда они все вместе отправляются в священное место и совершают там богослужение. Заслуживает самого пристального внимания и тот факт, что праздник этот не приходится на какой-то строго установленный день, а ежегодно определяется. Данное свидетельство дает возможность раскрыть некоторые секреты традиционного чувашского календаря.

Факты, добытые участниками Первой Академической экспедиции, подчастую фрагментарны, тем не менее они представляют огромную ценность для науки, так как донесли до нас уникальные сведения, не отмеченные ни в одном другом источнике.

Изучение вклада Г.Ф.Миллера в российскую и, в частности, чувашскую этнологию имеет большое значение для современной науки. Подводя итоги тому, что уже в настоящее время выявлено о многосторонней деятельности академика Г.Ф.Миллера, с полным основанием можно сказать, что он был одним из выдающихся ученых-энциклопедистов XVIII в. Если принять во внимание состояние этнологической науки в то время, следует признать, что этнографические и исторические труды Г.Ф.Миллера стоят на весьма высоком уровне и намного опережают зарубежную историческую этнографическую науку.

Исследования Г.Ф.Миллера, даже не связанные напрямую с народами Поволжья, представляют огромный интерес для сравнительного изучения их истории и культуры. На первом месте здесь стоит, естественно, основной труд Г.Ф.Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...» Эта работа давно стала величайшей рари-редкостью и мало кому из современных читателей известна. Поэтому она публикуется практически в полном объеме за исключением чисто лингвистической части. Для удобства читателей орфография приближена к современной литературной норме, дан необходимый справочный аппарат.

ОПИСАНИЕ ЖИВУЩИХ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ЯЗЫЧЕСКИХ НАРОДОВ

Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках, сочиненное Герардом Фридрихом МИЛЛЕРОМ, Императорской Академии Наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции.

Санкт-Петербург. Иждивением Императорской Академии Наук. 1791 года.

Введение

В Казанской губернии, кроме переселенных там Русских переведенцев, находится шесть народов, которые из давнейших времен в оной жительство имели, и ныне по большей части в тех же местах живут. Оные народы по известному в России званию суть следующие:

1) **Татары,** которые живут отчасти в самом городе Казани, також и в окольных деревнях, так что их и в Кунгурском уезде довольное число находится, к чему причитаются и Башкирцы, живущие в Уфимской провинции.

2) **Черемисы**[1] и

3) **Чуваши,** которые живут по обоим берегам реки Волги, выше и ниже города Казани.

4) **Вотяки**[2], которые почти все места между Волгою и Камою под собою имеют.

5) **Мордва,** которые настоящее жительство имеют в Нижегородской губернии; однако же некоторое число их есть и в Пензенской провинции, которая принадлежит к Казанской губернии.

6) **Пермяки и Пермичи**[3], яко жители между Солью-Камскою и Чердынем, которые с Зырянами Устюжскими, Соль-Вычегодскими и Яренскими[4] за один народ почитаются.

Хотя всем вышепоказанным народам обстоятельное описание не бесполезно будет, однако оного теперь надлежащим образом учинить не можно. Что касается наипаче до Татар и Башкиров, то они с живущими в Сибири такого же звания народами сходство имеют, о которых при описании Сибирских народов известие сообщить необходимо должно. В Мордву за дальним их расстоянием с дороги заехать мне никак невозможно было; а о Пермяках также много писать нечего, по тому, что они уже давно обращены в Христианский закон и от прежних своих нравов и обычаев, имея всегдашнее обхождение с Русскими людьми, по большей части отстали.

Того ради в сей книге сообщу я токмо описание **Черемис, Чувашей** и **Вотяков** по достовернейшим тем известиям, которые в бытность мою в Казани и на пути через Кунгур в Сибирь собрать мне можно было: однакож для потребного сравнения языков приобщу здесь собрание и прочих народов. Татарские и Мордовские слова собраны в Казани Русскими толмачами, которые знали оные языки; а слова на Пермском и Зырянском языках собрал и к первым приобщил я сам в бытность у сих народов при возвращении моем из Сибири.

I

О жительствах Черемис, Чуваш и Вотяков и о политическом их учреждении

Черемисы, Чуваши и Вотяки, суть особые три языческие народа в Казанской губернии, которые жилищами своими простираются до 200 верст выше и ниже города Казани, по обе стороны реки Волги так, что Черемисы по большей части жительство свое на левом берегу помянутыя реки, и к востоку по разным местам до Кунгурского уезда, а Чуваши наибольшее по правому берегу реки Волги; Вотяки же имеют жилища свои от Волги в сторону, а именно в половине северной части Казанской губернии, то есть около реки Вятки.

Олеарий, и по нем все прочие землеописатели, положили различие между Нагорными и Луговыми Черемисами[5] и всех имеющих жительство по правую сторону Волги назвали Нагорными, а живущих по левую сторону оной же реки Луговыми Черемисами. Из давних лет и в самой России такое же разделение в обыкновении было, которое утверждается на разных обстоятельствах берегов реки Волги; ибо правый или западный берег по большей части высок и горист, того ради и называется Нагорной берег; а левый по низким местам прозван Луговым, или Лужным. Но по таковому разделению Чуваши с Черемисами смешиваются, ибо и на правом берегу реки Волги также живет некоторое число Черемисов, хотя и весьма мало, и токмо в одном Козьмодемьянском дистрикте[6], которое столь малое место с противолежащею стороною, где они живут великим многолюдством, сравнить никак не можно. Чуваши, о которых прежде сказано, что они наипаче занимают правый берег реки Волги, живут также по разным местам деревнями и на левой стороне реки Камы, около городков Старого и Нового Шезминска[7], Билярска, Тиинска, Майнска, Мензелинска, Салинска[8] и прочих. Но кто бы захотел по таким малым обстоятельствам к разделению какого народа взять повод? Да и предъявленное Олеарием предосужение ни мало не справедливо, якобы вся правая сторона реки Волги по причине находящихся в ней гор весьма пуста и неплодородна, а вместо того на левой стороне хороших и плодоносных мест находится довольно; ибо везде по обе стороны есть леса великие, а где нет лесу, там пашни, с тою только разницею или преимуществом, что левая, или ровная сторона, за низкими местами больше наводняется, и в сухие лета бывает весьма плодоносна, а в дождливые не столь много плодов приносит.

Множество находящихся в сих местах лесов есть тому причиною, что все вышеупомянутые народы жилища имеют или в лесах, или между лесами, и к поселению своему выбрали такие места, что каждая деревня построена при нарочитой реке, или речке, или озере, а при том по близости и к пашням. На некоторых местах есть также и степи, как то в сибирской провинции по правую сторону Волги, где живут Чуваши. Сия степь столь велика, что тамошние жители по ней за дровами часто по три дня ездить принуждены бывают, и сказывают, что будто там находятся остатки старинного земляного города, и один конец его вала за Волгу до Мензелинска простирается.

А пониже сии места внутрь земли никакими землеописателями еще не объезжены, то весьма бы полезно было, ежели бы

кто не столь многими занятый делами, сколько оных в бытность путешествия моего имел, постарался помянутые места осмотреть, и остатки древности с прочими достопамятными вещами описать, которых заподлинно по разным местам немало находится. В пример сему представить можно остатки прежнего города Булгара, яко столицы старинного Болгарского царства, где на надгробных камнях знатных и простых людей находятся надписи на Арабском и Армянском языках, с которых и из Казанской Губернской канцелярии сообщены мне списки.

Учинившийся изданием Российской ландкарты и описанием северной и восточной части Европы и Азии знаемым г. Стралемберг[9] пишет, что помянутый город прямо надлежит называть *Булган,* а не *Булгар,* по тому,что первое звание на Татарском языке значит лагерь ханской валом обведенной; того ради и на ландкарте означил он остатки помянутого места под именем Vradera urbus Bulgan, т.е. «остатки города Булгана». Но сие должно считать между прочими от чрезмерного последования произведению слов происходящими погрешностями, ибо восточных стран писатели, из которых Гербелот несколько приводит, всегда пишут *Булгар*; да и на вышепоказанных старинных надгробных надписях в четырех местах звание сие *Булгар* написано[10].

Между Волгою и Камою на Казанской дороге к Весе Соликамской и далее поставлены верстовые столбы, только не такие, какие обыкновенно в России бывают. Там считают везде по *чумкасам*[11], а в чумкасе считается пять верст: но они гораздо больше Российских мерных верст по 500 сажень, или по 1500 аршин; разве одну чумкасу положить с Немецкою милю, которых в градусе по 15 считается, ежели они еще более не будут: а как прежде государствования блаженные и вечнодостойные памяти Государя Императора Петра I, вышепоказанные большие версты и в России также бывали, то довольно явствует, для чего у прежних писателей Российской Империи по 5 верст в одной Немецкой миле положено. Татары Чумкас называют на их языке *Алечук*[12], Черемисы *Кешмаш*[13], а Вотяки так же, как и Русские, *Чумкас.*

Черемисы, Чуваши и Вотяки по городам, или по слободам, вместе с русскими не живут, но в особливых деревнях, и там разнятся от Татар, которые и в Русских селениях своими живут слободами. Черемисы ныне живут также и с Татарами, Чуваши по некоторым местам с Татарами и с Мордвою, и в Козьмодемьянском дискрикте. Черемисы и Чуваши живут без разбору, так, что их по всем обстоятельствам почти за один народ почесть можно: одни Вотяки так дики и грубы, что они ни с каким народом

дружеского обхождения иметь не хотят, или чтобы жить вместе в одной деревне.

Черемисские деревни очень малы, и по большей части состоят из двух только или трех дворов, а весьма редко бывает, чтобы в одной деревне дворов с 10 или с 20 было; такие деревни стоят часто одна от другой не подалеку; напротив чего Чуваши почти везде большими деревнями так, что в оных по 20, по 80 и по 100 дворов бывает, и редко найти можно, чтобы в которой деревне меньше десяти дворов было. Около Маинска, ниже устья реки Камы, есть Чувашская деревня, называемая *Пиктубаева,* в которой более 200 дворов считается. Вотяцкие деревни по большей части состоят из 20, 30 и из 40 дворов, смотря по тому, сколько между дикими лесами под известное число дворов места будет и сколько пропитания для себя и для скота найдут. У Черемис и у Вотяков есть такое обыкновение: ежели им на старых местах жить не покажется, то они сламывают иногда целые деревни и хоромное строение переносят на другое место; а иногда дворы оставляют и на старых местах и отдают оные охотникам в наем. Между Вяткою и Камою, чумкасов на 20 от первой реки, на большой Сарапульской дороге примечены мною остатки Вотяцкой деревни, которая называлась *Кибия*, и от тамошних жителей за три года пред тем перенесена на другое место, на три версты от прежней под тем же названием. Кажется, что сей народ произошел от древних *гамоксобитов*, с которыми в житии нынешние народы во всем сходствуют.

О Вотяках еще и то примечать надлежит, что они некоторые из своих деревень называют именем *Пилги*, а других не называют, и сему никакой причины показать не знают; да и того сказать не могут, что значит слово *Пилги,* а только объявляют, что их предки сии места так называли; чем любопытный путешествующий писатель и по неволе должен быть доволен[14].

У сих народов дворы построены так, как и у Татарских мужиков, и тем разнятся от деревенского строения Русских мужиков; ибо у них нет черных изб, но над печами и очагами сделаны дымовые окошки и комли. В избах везде делаются у них, как и у Татар, широкие лавки, или полки, так, что поперек оных протянувшись человеку лежать можно; токмо оные лавки не по всей избе шириною одинаковы. Оконницы по большей части паюсные, от чего зимою у них весьма тепло бывает, или из тонких берест. Я не мог приметить того, что пишет Стралемберг о дворах Чувашских, якобы у них все избы дверьми на полдень строятся; ибо, хотя я сам ни в одной Чувашской деревне не был,

однакож Чувашский толмач, который долгое время у них жил и в Казани мне дан был, Стралембергова объявления нимало не подтвердил[15].

Помянутые народы из давних лет состоят беспосредственно под Российскою державою; однако каждый народ имеет вольность, по своему рассуждению из своих выбирать в сотники, в выборные, в старосты и в десятники, яко судей в их деревнях. В каждой деревне есть свой выборной, староста и несколько десятников, и некоторое число деревень состоят в ведомстве у одного сотника. Иногда бывает в деревне и свой сотник, как то обыкновенно у Чуваш, у которых деревни велики; тако и у Черемис, которые живут в дистрикте Алатском[16]. Помянутые люди, яко старые и главнейшие, чинят расправу всяким небольшим делам и ссорам; а буде кто явится по уголовным делам, таковые за караулом отсылаются в городы.

Кроме подушных денег не платят они никаких податей, которые собираются с них по примеру Российских Государевых крестьян, а именно по рублю по десяти копеек с каждой души мужского полу наличными деньгами. Оные деньги каждой деревни выборной собирая, отдает в полковую канцелярию того города, к которому какая деревня приписана. В одном только Кунгурском уезде[17] есть несколько Черемисских деревень, которые вместо подушных денег платят подати куницами. Здоровый и бодрый человек дает по две куницы, а немощные и старые только по одной. Ежели же им оных куниц натурою дать не можно, то берутся с них в казну по тамошней цене деньги, а именно по 40 копеек за каждую куницу. Помянутым деревням из давних лет позволено платить куницами, которую вольность и тамошние Татары имеют со времени завоевания оных земель, и по тому просто прозваны «Куничными татарами».

II

О их телесных и душевных дарованиях

Лицом Черемисы, Чуваши и Вотяки таковы, что их между прочими соседственными народами весьма легко распознать можно. Черемисы и Чуваши много походят на Татар, а разнствуют токмо (отличаются только) тем, что они суше, и за тупостию их разума кажутся на взгляд весьма глупы и боязливы; а Вотяков по их внешнему виду можно сравнить с Чухонцами[18]. У Чухонцев волосы на голове и бороды по большей части темноватые, а у

Чуваш, напротив того, почти у всех желтые, или рыжие. Они все ходят с бородами, и бороды у них не широки, но продолговаты клином. Усы они бреют, а многие по обыкновению Татар бреют также и головы, или подстригают волосы весьма коротко; и сие делают они не по обязательству своего закона, но только по обыкновению восточных народов. Черемисы и Чуваши росту среднего, а между Вотяками больше мелких, нежели крупных. Вотячки почти все имеют малые и быстрые глаза, что их невоздержанию от питья приписать можно. Черемисские женщины красотою других превосходят, и от соседственных народов лучше татарок почитаются. В бытность мою в Казани, при множестве новонабранных рекрутов из сего языческого народа, случилось мне видеть нечто удивительное, что они гораздо полнее и лучше лицом и станом пред своими земляками были. По сему я заключил, что может быть из всех молодых людей сего народа в службу выбраны были самые лучшие, здоровые и способнейшие люди, а наипаче, когда я после того времени в Черемисских и Вотяцких деревнях ни одного не видал такого хорошего человека.

По душевным дарованиям народов сих також мало хвалить можно. У них разум весьма туп, и по тому крайне невежи, и к порокам весьма склонны. Они не знают ничего о честности и добродетели, також и о внутреннем естественном законе, кроме того, чему с принуждения научены будут. Ежели один другого, или кого из соседственных народов обмануть захочет, тот ни одного не упускает случая, и при том весьма склонны к воровству, однакож не с довольною осторожностию; ибо почти всегда в том явно попадаются. Некоторые из них ходят на разбои, которым несколько в оправдание служит то, что нищета их к тому, как зима голодных волков, принуждает. В одном только Кунгурском уезде Черемисы нарочито достаточны. Чуваши крадут более лошадей, как мне в Чебоксаре случилось многих видеть, которые за таковое их шаловство скованые по улицам кругом ходили и некоторые из них работали, а другие милостыню просили.

Они почти все, как мужчины, так и женщины, к пьянству склонны. Вотяки наипаче имеют к тому хороший случай по тому, что они при завоевании их земли от Великого царя Иоанна Васильивича IV получили вольность, сидеть во всех своих деревнях вино[19], что у Черемис и у Чуваш весьма редко бывает; но вместо того умеют они варить пива и меды столь крепкие, что они с сего питья так же могут быть пьяны, как с вина.

В Вотяках приметил я еще и тот порок, что они пред прочи-

ми народами весьма упрямы, в чем они паки с финскими мужиками, как и по внешнему виду, очень много сходствуют.

В том помянутые народы хвалы достойны, что они неистовому мужеловству не касаются, да и звания сему пороку у них нет; а прочие восточные народы в помянутой нечистоте весьма охотно валяются.

III

О их платье

Во всех помянутых трех народах мужской пол носит платье почти одинаковое, наподобие того, какое бывает у Русских мужиков; одни только Черемисы в том разнствуют, что праздничные их наряды в верху около шеи бывают с воротником, который назади на четверть аршина вниз висит, и что кафтаны снизу по обеим сторонам до поясницы прорезные. В женском платье есть большая разность; чего ради за потребно рассуждено, дабы их праздную одежду сличить с платьем Кунгурских и Уфимских Татар, с одного платья снять рисунки.

Во-первых, платье можно различить по летам мужеского и женского полу. Старухи и вдовы весьма редко в уборном платье ходят, а девки носят убору больше; более же замужние жены: при том же примечать надлежит разность между повседневным и праздничным платьем.

Замужние женщины носят платье различное по местам жительства их, те, которые живут между Вяткою и Камою, також и в Кунгурском уезде, носят платье такое, как на рисунках № 1 и 2 показано; а которые жилища свои имеют на запад от Вятки к Волге, в оном по большей части сходствуют с Чувашами; живущие же в Козьмодемьянском дистрикте от Чуваш ничем не разнятся. Чувашские женщины, сколько мне известно, носят одинаковое платье, как на рисунках под № 3 и 4 изображено. В таком же платье ходят и Вотячки, как представлено на рисунке под № 5. На прочих же рисунках под № 6, 7 и 8 изображены платья Кунгурских и Уфимских Татарок, которых мне случилось видеть в полном их уборе между реками Окою и Кунгуром и между Кунгуром и Рифейскими горами[20], и с оного приказал я снять рисунки.

У Черемисок примечания достойнейшии есть безмерно высокий головной убор, о котором упоминает и Олеарий. Голову сперва повязывают они двумя повязками, из которых одну завязывают под горлом, а другую с волосами на затылке. Обе бывают

украшены набором из серебряных копеек и мелких корольков[21]. Сверх сего накладывается у них береста наподобие стакана, которое покрывается холостиною, или кожею, и спереди укладывается шелехами[22], серебряными копейками и висячими корольками, а сзади украшается копейками и шелковою, или нитяною бахромою. С сего головного убору вниз висит широкая лопасть по спине, которая также выкладена бывает копейками и корольками. К сему лопастю прививаются волосы, которые связывают-

Рис. 1.
Костюм замужней вотячки (удмуртки). Междуречье Вятки и Камы, Кунгурский уезд. Вид спереди.

Рис. 2.
Костюм замужней вотячки (удмуртки). Междуречье Вятки и Камы, Кунгурский уезд. Вид сзади.

ся одною из вышеупомянутых на затылке повязкою. Такой головной убор называется у них *Шуркъ*[23]. Некоторые привешивают еще раковины; а убогие женки вместо серебряных копеек носят оловянные бляшки, величиною и видом похожие на серебряные копейки. В ушах носят они кольцы с висячими корольками.

Те, которые таких высоких шапок не имеют, носят повязки или начелыши, с пришитыми поперек их так же серебряными копейками, шелехами, корольками мелкими, фарфоровыми

штучками и проч. Помянутою повязкою на затылке завязываются вместе и волосы; при том висят вниз по спине лопасти с таким же набором, что у них все *Ошпу*[24] называется. На половине головы до затылка, кроме вышепоказанного убора, носят они еще повязки холстинные, вышитые разноцветными нитками, а сверх оных повязок почти до затылка покрываются платком и завязывают оной под горлом, и оный вышит таким же образом и называется по их *Шерпан*[25]. В ушах носят они сквозь

Рис. 3.
Чувашский женский костюм
(первая половина XVIII века).
Вид спереди.

Рис. 4.
Чувашский женский костюм
(первая половина XVIII века).
Вид сзади.

продетые медные проволоки, не так как кольцы, а наподобие полукружия ободом с хороший палец. Я видел такой убор у Черемисских женок в Казани; но с оного снять рисунки за потребное не рассудил по тому, что платье с Чувашским сходствует[26].

При праздничном и повседневном уборе носят рубахи не самого толстого холста, которые по подолу так же вышиты; а на вороту против грудей застегиваются большой медною запонкою. На сей запонке у некоторых привешивается широкий ремень, с

висячими на нитках большими корольками, длиною на палец, при том внизу украшен бывает фарфоровыми кусочками. Такие ремни с корольками называются *Ширкама*[27]. Под рубашкою носят они порты. По рубашке подпоясываются поясом, к которому назади прививаются заплетенные головные волосы. Между Вяткою и Волгою живущие Черемисские жены носят на поясах также и крупные разноцветные корольки с привешенными по разным местам круглыми медными бляшками, а при том и с кистя-

Рис. 5.
Удмуртский женский костюм
(первая половина XVIII века).

Рис. 6.
Женский костюм кунгурских
и уфимских татарок (башкирок).

ми нитяными, которые висят до колена. Сей убор называют они *Иленем*[28]. Також носят они на поясу на левую сторону нож в ножнах, а при том в продолговатом небольшом мешочке и деньги свои, или нечто по их обыкновению драгоценное, что им беречь хочется. Когда они куда выходят, тож сверх своего женского платья надевают еще мужской кафтан, а зимою шубу; обувь же носят по обыкновению Русских крестьян, онучи и лапти.

Чувашские женщины носят головной убор, что надлежит до волосов, повязок и спинного украшения, такой же, какой Чере-

мисские носят другого роду платье. Повязки с лопастями, висячими по спине, называются у них *Тастар*[29] и *Кошпа*[30]. В праздничные дни, или когда сряжаются в гости итти, надевают они с правого плеча на левое особливый ремень, или широкую перевязку из снурков сплетенную, которая спереди и сзади так же, как и повязка, выстрочена бывает, и сей ремень называют они *Девет*[31]. Рубашки и прочее платье носят такое же, как Черемиски.

У Вотяцких баб в платье разность наипаче есть в том, что

Рис. 7.
Женский костюм кунгурских и уфимских татарок (башкирок).

Рис. 8.
Девичий костюм кунгурских и уфимских татарок (башкирок).

некоторые к повязкам берестяным, которые какою-нибудь истканью обложены и часто упоминаемыми мелочами убраны, привешивают над глазами еще корольки; впрочем же все носят на голове от одного уха к другому береcто, какою-нибудь истканью покрытое, вышиною в четверть аршина[32]. Сверх сего покрываются платком четвероугольным, которого один конец висит спереди, другой сзади, а прочие два по плечам. Сей платок не только по краям разноцветными нитками выстрочено бывает, но еще и с бахромою, и издали много походит на прежние фонтанжи

Европейских наших женщин[33]. Такой головной убор называется у них *Айшон*. Удивления достойно, когда случится ночью поздно проезжему к Вотякам заехать; ибо, как их жены пробудившись от сна с печи долой полезут, то они во всем уборе весьма странными покажутся; что мне неоднократно случалось видеть. Они весьма скоро умеют убирать свои головы. Волосы заплетают в косу, которую с косником, убранным копейками и королками, к поясу привязывают. На руках многие носят зарукавья корольковые, как Татарки. Рубашки бывают у них такие же, какие у Черемисок и у Чувашек. Сверх оных носят они еще особливое платье, которое с низу до верху прорезано, а рукава по Польскому обыкновению с плеч висячие, в которые рук не вздевают[34]. Вообще говоря, платье Вотяцких баб не таково хорошо, чисто и дорого, как у прочих тамошних народов.

У всех трех вышепоказанных народов девки от баб в платье разнятся тем, что они на головах носят особливый убор, також не смеют надевать Черемисские *Шуркъ* и *Ошпу*, Чувашские *Тастар* и *Кошпа*, а Вотяцкие *Айшак*[35], но вместо того носят на головах чепцы, серебряными копейками, или таковыми же оловянными бляшками укладенные, как то обыкновенно у Черемис и у Вотяков бывает, или покрываются только выстроченными платками, как у Чуваш носят[36]. Женской убор надевают на девок при свадьбах в церемонии. Все вышеупомянутые народы больше синий и красный цвет в платье любят.

IV

О их пропитании, торгах и промыслах

Все вышепоказанные народы питаются дома вскормленным скотом и дикими зверьми, рыбами, полевыми и огородными овощами. Они великие охотники до лошадиного мяса, а напротив того по Татарскому обыкновению свиней у себя не держат; однако большая часть из них у Русских в городах свиное мясо есть не отрекаются: напротив того Вотяки кажется охоту до свиней имеют; ибо их сотники и другие зажиточные люди свиней иногда у себя водят: только из Чуваш есть некоторые, которые свиным мясом вовсе брезгают, и когда им случится у Русских есть, то они наперед спрашивают, нет ли в естве свинины; а для чего не едят, тому никакой причины сказать не могут.

Они все любят кровь всякого скота и зверей, и убивши сцеживают оную весьма бережно: Чуваши ее варят, смешав с

жиром и с крупою, в сычуге, или пузыре убитой скотины[37]. Они делают и колбасы, которые на воздухе вялят, и берут оные по большей части с собою в дорогу[38]. Салма[39] или Яшка[40] называются у Чуваш смешанный с салом, или с коровьим маслом хлеб, в мелкие и продолговатые куски разрезанный, и в воде крепко варенный, которой они едят с кислым молоком[41].

Они пьют воду, молоко, пиво и мед. Которые зажиточны, те пьют и вино, а паче из Вотяков, которые, как прежде объявлено, сами винокурни имеют. Мужчины и бабы нюхают табак и кладут за губу. Между Чувашами некоторые и курят табак, только весьма редко.

Разве то в прежние лета была правда, что Олеарий написал о Черемисах, якобы они не сеют, не жнут, но питаются только дичиною и медом, который в лесах собирают; но ныне производят они и земледельство, так как Чуваши и Вотяки, из которых не так сами, как их жены, пашни пашут, да и во все зимнее время всякую домашнюю работу они же делают. Они имеют у себя огороды, в которых сажают капусту, репу, огурцы, чеснок, лук, редьку и прочие овощи, которого они большую часть, яко излишний, в городы на продажу возят.

Хотя они мед собирают в лесах, однако из имеющихся там своих ульев. Скотоводство у них везде в обыкновении. Живущие при реках питаются и рыбою. На промысел звериный ходят они все весьма часто.

Больших зверей ловят по большей части ямами, а мелких сетьми. Черемисы умеют из луков стрелять весьма метко и проворно, а Чуваши из винтовок, которые заряжают пулями величиною меньше горошины, и стреляют наипаче из оных белок, глухих и полевых[42] на деревах. Между Вотяками стреляют некоторые из луков, а другие из ружья. Они во всю зиму иного ничего не делают, как только за промыслом звериным ходят; ловят же и стреляют дичину в толиком множестве, что сами всей съесть не могут, но почти еженедельно в окрестные города для продажи отвозят.

Ремесленных людей у них столько нет, сколько к убранству их платья требуется, и что они на платье употребляют, то покупают у Русских: ножи, ножницы, мелкие фарфоровые куски, шелехи, крупные и мелкие корольки, рульной табак, красные и синие исткани и прочее, у всех у них весьма похожие товары, и на оные меняют мехи, и паче лисьи черевьи[43], бельи[44], волчьи, и сим подобные. В северной стороне на Вятке есть также и соболи, с добротою не таковы, как Сибирские.

На Вятке делаются изрядные чашки точеные, и ежели оные велики и при том тонко и чисто выточены, також и олифою хорошо наведены, продаются недешево. Помянутая посуда делается из нарослей на березах, которые рождаются на корке помянутых дерев от действия соку с внешней стороны, и от воздуха столь крепки становятся, что оные весьма способно точить можно. Чем больше оные наросли, и чем лучше жилы в оных бывают, тем и чашки делаются больше, лучше и продаются дороже. Иногда точат помянутые чашки так тонко, что оные прозрачны бывают. Прежде наведения олифою чашки бывают беловаты в просерь, с черноватыми в пробеле жилками; от олифы же прочее дерево становится желто, а жилки черноваты в прочернь. При покупке таких чашек надлежит того смотреть, чтобы олифа была хороша и запаху противного от оной не было. Чашки иногда бывают не целые, но складываются из двух штук, и ежели в оные нальется горячая вода, то разваливаются. Впрочем же производить над ними опыт надлежит так: положивши оные в горячую воду, не вынимать до тех пор, пока там разведутся и будут полоски как тарелка, а по тому, как простудятся, по прежнему опять станут. Равным же образом примечать надлежит, чтобы олифа, которую не всяк хорошо умеет делать, от горячей воды не попортилась, а влитая в чашки вода олифного бы запаху или вкусу не приняла.

V

О их языках, о художествах и о науках

Помянутые три народа в языках между собою разнятся. Черемисский язык имеет некоторое сходство с Финским, а по жительству их близ Татар и Русских, есть в нем много Татарских и небольшое число Русских слов. Чувашский больше сходствует с Татарским языком, а Вотяцкой много с Черемисским, а по большей части с Пермским[45]. Каждый язык разделяется еще на два особливые диалекта или наречия. Черемисы, которые живут по правую сторону Волги и Козьмодемьянска, говорят иным наречием, нежели те, которые жилища свои имеют по левую сторону, так, что одни других в речах и разуметь не могут. Можно бы было думать, что в Черемисском языке разность произошла может быть по близости от Чувашского и Мордовского языков; только то неправда, ибо оный язык есть особливое наречие. Чуваши, имеющие жительство около Василева, Козьмодемьянска

и Чебоксар, говорят так же, хотя и не весьма отменно, однако инако, нежели те, которые живут ниже устья реки Камы; да и между Вотяками, которые живут по верху и внизу по реке Вятке[46].

В бытность мою в Казани помощию данных мне из тамошней губернской канцелярии толмачей Черемисского, Чувашского и Вотяцкого языков, как по близости от Казани оными языками говорят, собрал я несколько слов, к которым присовокупил еще знания на Мордовском и Казанских Татар языках, дабы о сходстве сих языков тем подлиннее судить можно было. Оныя слова приобщены на конце здешнего описания, и по тому можно будет как Стралембергов на разных языках словарь так и имеющийся у Витзена[47] в описании «Северной и Восточной Татарии» оных языков словарь исправить и дополнить. Не похваляся могу сказать, что очень нелегко чужестранные слова по свойственному произношению уроженцев того языка употребительным у нас на Латинских буквах произношением изобразить, как я о приведении того в большую исправность имел старание.

О разности второго Чувашского диалекта еще объявляю, что будучи в городе Чебоксаре случай имел я собрать несколько слов на оном диалекте, которая смотря на нарочитой разности к словам общего наречия приобщил. Аппонеже переводы Господней молитвы на различные языки по мнению некоторых ученых в нынешние времена також много к рассуждению о происхождении и о сходстве языков способствуют, того ради я и того втуне не оставил и с помощью вышеупомянутых толмачей Господню молитву *«Отче наш»* на Черемисской и Чувашской языки перевел, которой переводы к тому же приобщены. Только сожалею, что толмачи Татарского, Вотяцкого и Мордовского языков настоящего понятия довольно не имели к вспоможению в сочинении на оных языках такого же перевода.

Впрочем все помянутые народы пребывают в крайней слепоте своего невежества. У них нет ни писем, ни книг; и ежели кто о том их спросит, то в шутках говорят, что книги у них корова поела. Стралемберг, принимая сию пословицу якобы за правду, пишет, что есть у них о том повесть: но как я спрашивал их о том в разные времена не однократно, почитают ли они то за правду, то получил от них в ответ, что у них хотя такая пословица и есть, только оная употребляется в шутках[48].

У всех вышеупомянутых народов нет никаких повестей, кроме что которыя надлежат до их закона, и один от другого по преданию содержат. Они не стараются ни о каких науках, да и

не желают ни мало оным себя поисправить. Трудно сказать, такой народ, который бы не имел какого-нибудь годового счисления; но сии народы не знают ничего, когда год начинается, кроме что лету и зиму считая вместе годом называют. Равным же образом не имеют они никакого понятия о месяцах; однако недели они знают, считая в каждой по семи дней, и каждый день называют собственным именем, что они по большей части от Татар приняли[49].

Сперва надеялся я получить у сих народов о древних их временах, о их происхождении, о прежних жилищах, о бывших воинах и о прочем, некоторое хотя не ясное и баснословными обстоятельствами соединенное известие, но тщетно. На таковые вопросы они ни малого ответа не имеют, а извиняются своею простотою, которая им о таких делах размышлять не позволяет. Все то, что я к приращению Истории и Географии по сказанию их собрать мог, состоит только в малом числе названия народов, городов и рек, на разных языках сих народов. Потребного произведения и причин оным званиям, довольных рассуждений о изобретении новых, или к подтверждению исторической истины древних времен, не всегда выведать мне можно было[50].

Черемисы не называют себя Черемисами, но *Мори*[51], которое имя у Стралемберга *Море* или *Мере* не право написано, и из того производит он такое рассуждение, что тем о описуемых у Иорнанда[52] страшилищах, *мере* или *море* называемых, от которых произошли Гунны, обстоятельнейшее понятие иметь можно. Помянутый же Стралемберг пишет еще о Вотяках, что они себя называют *Арр*, а землю свою *Арима*, и по тому рассуждает, что у Плиния[53] упоминаемый народ *Арамеи*[54] есть тож, что и Вотяки. Но я сего подтвердить не могу, ибо Вотяки, в которых местах я был, не называют себя *Арр*, но именем *Уд-Мурт*. Слово *Уд* по-Черемисски именуется *Ода* и есть имя собственное, а *Мурт* имя нарицательное[55], по тому, что Русских называют они на своем языке *Дюч-Мурт*[56]. Сверх же того земля не называется по их *Ма*, как у Стралемберга на разных языках в его словаре объявляется, но *Музьем*[57], а у Татар уведомился я, что они Вотяков *Ар* называют[58].

Чуваши Русских называют *Вюрез*, которое имя от испорченного Татарского произношения *Орус* или *Урус* произошло[59]. Иногда они к Татарским словам, начинающимся с букв *О* и *У*, прибавляют букву *В*; например: *десять* по-Татарски *он*, по-Чувашски *вонна*; *огонь* по-Татарски *от*, по-Чувашски *Вод*; *лес* по-Татарски *урман*, по-Чувашски *Вурман*, и проч.[60] Черемисы Русских называют *Руш*, а Татар *Сюешь*, которое слово на Чувашском языке

значит обманщика[61]. Чуваши, которые також Чувашами, а по-Мордовски *Вьедене*[62] называются, свойственное Татарское имя удерживают, и выговаривают оное *Тотар*[63], а Вотяки называют Татар *Бигер*[64]; но по чему, то мне не известно. При сем приметил я, что Стралемберг пишет о некотором языческом народе, который будто живет между Ломовым, Тамбовым и Пензою, по его названию именуемый *Мохшиане*: но под сим именем должно разуметь Мордву, ибо они сами себя не называют Мордвою, но *Макша*, а некоторые из них *Эрзе*. В оных местах иного народу кроме Мордвы не обретается; и то весьма странно, будто *Мохшиане* есть особый народ[65].

В Стралемберговых сочинениях есть еще и другая погрешность, когда он в своем предисловии о городе Казани пишет, что помянутой город Татары, как и Турки, называют *Шавие-Болгар*[66], то есть Болгарским главным городом: разве под сим именем надлежит разуметь старинные Болгарские остатки, о которых от меня выше упомянуто; ибо сколько известно, Татары вышеупомянутого звания у себя не имеют: они говорят *Казань*, и сим же именем называют котел[67], откуда некоторые землеописатели происхождение имени производят. У других народов имя Казань также употребительно, только испорченным произношением. Черемисы говорят *Озанг,* Чуваши *Хозан*, а Вотяки *Кузон*. Есть еще и другие имена городов, которые не прямо выговариваются, например: у Черемисов *Свие*[68], то есть *Свияжск*; *Вюрсум*[69], то есть *Ужум*; *Ипе*[70], то есть *Уфа*; у Чуваш произносится *Свия*[71], а прямо *Свияжск; Чобашкар*[72], а прямо *Чебоксар*; *Кокшань*[73], а прямо *Кокшайск; Шозма*[74], а прямо *Шезминск*, и прочая.

Многие города несходственными именами называются наипаче у Чуваш; например: Козьмодемьянск они называют *Чиклен*[75], Цивильск — *Сюрби*[76]; Сергиев — *Сок*[77], по реке Соксе, на которой стоит оный городок; Уфу — *Упги*[78], город Хлынов называется у них особым именем, а именно *Вятка*[79], по которому имени прозвана и вся провинция. Татары и Черемисы называют помянутой город *Наукрад* и *Науград*[80]. Река Вятка по вышепоказанным же причинам так же называется разными именами: Вотяки именуют оную *Вятка-Кам,* Черемисы *Науград-Вич,* а Татары *Наукрад-Идель*[81]. *Кам*[82], *Бич* или *Вич*[83] и *Идель*[84] в моем словаре показаны такими словами, которые на вышеупомянутых языках значат вообще реку.

И так по вышепоказанным обстоятельствам река Кама называется разными именами: Вотяки называют оную с придачею *Буджим-Кам*[85], то есть большою рекою; Черемисы — *Чолман-Вич*[86], а Татары — *Чолман Идель*[87], по чему же так называют,

тому причины я выведать не мог; а именем *Идель* у Татар называется також и Волга, яко знатнейшая в тех местах река, или по употребительному в великой Татарии наречию *Алем*[88], и *Этем*[89], с которым словом Калмыцкое имя *Эчиб*[90] несколько сходствует.

Из Татарского слова *Идель* или *Адель* Чуваши сделали *Адал*[91], и Волгу, по обыкновению живущих по Каме Вотяков, называют *Асли-Адал*[92], то есть большою рекою, а напротив того *Каму — Шорог-Адал*[93], то есть белою; и сие последнее название взято от того, что вода в Каме светлее, нежели в Волге. Повыше устья речки Казанки, при которой город Казань стоит, в 40 верстах с западной стороны[94] впала в Волгу небольшая речка, которую Чуваши по выше показанной же причине *Шорог-Шу*, то есть белою речкою называют; по-Русски именуется оная Беловочкою речкою, по которой также большое село, стоящее при устье речки на самом высоком яру того берега по реке Волге, с построенными многими дворами вниз по оной же реке, называется Беловолжским селом[95].

Реку Волгу Черемисы и Чуваши называют совсем отменным именем, ибо у Черемис именуется оная река *Июль*[96], а у Мордвы — *Рау* [97], которое имя с званием у Птолемея[98]—*Радес*[99], за одно почитать надлежит. Кроме вышепоказанных имен и званий, у помянутых народов ни коим образом ничего выведать не можно.

Понеже в начале сего описания обещал я к собранным словам на языках сих народов присовокупить столько же слов на Пермском и Зырянском языках, которыя возвращаяся из Сибири я собрал; того ради объявлю здесь собранные мною некоторые звания народов, городов и рек на Пермском и Зырянском языках. То именование, которым мы их называем, у них совсем иное. Они называют себя и один другого *Коми* или и с придачею *Коми-Мурм,* а Русских *Роджь* или *Рочь*; Вотяков також *Вотяк*; Вогуличей *Вогол*, а Самоядь *Яранг*. Река Кама называется у них *Кума*, Вычегда — *Эшва*, Вымь — *Емва*, город Соль Вычегодская — Солдор.

VI

О их естественном законе, и о понятии, которое они имеют о Боге и о Божией твари

Понятием естественным о Боге и о Божьей твари вышеозначенные народы ни мало не просвещены и недостаточны. Все члены их закона, без всякого одного народа пред другим изъятия, вкратце состоят в следующем.

Во-первых они верят, что есть Бог, который хотя на небе пребывает, только на все человеческие дела на земле смотрит. Он им не только ниспосылает всякое добро, но еще и отвращает всякое зло; и того ради достойно есть ему поклонятися. Второе: верят, что есть дьявол, который жилище свое имеет в воде, и делает им всякое зло и оскорбление, и чтоб избавиться от его наветов, причину они имеют так же молиться Богу. Третье: что они Бога грехами своими прогневляют и за то долженствуют ожидать себе наказания, ежели они его не умолять. Четвертое и последнее: что Бог тех, которые его с молением просят, в грехах прощает, и которых любит, всяким изобилием в сем житии награждает.

Кроме вышеописанного они ничего не знают, так что и будущей вечной муке, и воздаянию быть ни мало не верят. То, что Олеарий с некоторым Черемисом о сем предмете разговаривал, кажется мне весьма основательно. О сем же предмете говорил и я с Черемисским стариком, и во многих разговорах напоследок получил нарочито разумной следующий ответ: они, яко простые, низкие и грешные люди почитают себя недостойными к наследованию от высочайшего их Юмы[100] мной жизни; нам же сопричастниками быть онаго блаженства не возбраняется потому, что Бог ведает, что мы во всем пред ними преимущество имеем.

Они вечно ничего ни надеются, ни боятся. Приносимые ими к Богу молитвы касаются только до временного состояния их самих, их сродников, и их мнения; а наказания, которые ниспосылает на них Бог, по их мнению состоят в болезнях, в бесплодии супружества, в недороде плодов, в несчастии скотоводства, в худых удачах на промыслу зверином, в рыбной ловле, и во временной смерти; а наипаче боятся они, чтобы Бог не убил их громом. А понеже по всем вышепоказанным обстоятельствам бедное состояние сего народа и крайняя слепота их невежества довольно явствует; того ради тамошнее Российское духовенство не упускало со своей стороны старания, языческой сей народ многократно повторенными представлениями и увещаниями склонять к восприятию православного христианского закона; только все такие старания и поныне были бесплодны: а которые, и то малое число из них, в разных местах православную веру Греческого исповедания и восприняли, то все таковые большею частию с младенчества в воспитании взросли у Русских. Старики о том совсем не хотят слышать. Ежели нынешние учреждения в Силантовом монастыре[101] Казанской Епархии, где по указу Святейшего Синода для обучения малолетних отроков из оного

языческого народа первым основаниям Христианского закона и Российскому языку заведена семинария, во время свое к желаемому концу обратить сей народ не сильны будут, то заподлинно можно сказать, что впредь мало надежды к тому останется.

По сему одному путешествующие взяли повод рассуждать, якобы во обращении начало уже действительно учинено, что все оные три народа большие праздники, которым христианская церковь пред прочими отменно празднует, яко Рождеству Христову, Пасхе и Пятидесятнице, також некоторым образом, а именно упокоением через несколько дней от дел своих, празднественно препровождают. Они в городах спрашивают прилежно, когда оные праздники случаются, и хотя они в счете иногда несколькими днями ошибаются, однако же обыкновению их то не препятствует ни мало. Стралембергу может быть сие подало повод сказать, что Чуваши несколько о Христе знают; только я могу уверить, что то не имеет никакого основания, и что вышеупомянутое обыкновение произошло от светского Русских обыкновения. Равным образом и по тому заключать не должно, что живущие близ Казани Черемисы отдают некоторое почтение стоящей на Спасских воротах Казанской крепости в большом киоте местной иконе нерукотворного Спасителева образа, которому они приезжая в город свечи ставят; ибо известно есть, что они делают сие опять последуя Русским, и по моему мнению, может быть смотря на величину образа, отдают оному почтение: но Татары им в том весьма смеются; и не без основания можно думать, что Татары по большей части чинят препятствие, что из них столь мало в Христианский закон обращаются. Объявление же Гвагниново, которое и Олеарий в своем сочинении приводит, очень основательно, якобы некоторые из Черемис держат Магометанский закон, и по рождении вскоре обрезаются, и сие может быть от того произошло, что как Черемисы, так и прочие языческие народы, равно с Магометанами празднуют пятницу яко великий день в неделе, в которой они и никакой работы не отправляют.

В сей день не служат у них никакой службы, и не знают показать причины, для чего они пятницу паче прочих дней в неделе празднуют; и сие кажется мне паки мирское обыкновение, которое вошло к ним от их соседов Татар.

VII

О вымышленном их языческом законе и о принадлежащих к тому обрядах

Все три народа содержат одинокий языческий закон и в принадлежащих к тому обрядах почти никакой разности не имеют. Кажется, можно заключить и по именам, которыми Черемисы и Чуваши называют поклоняемого ими бога, якобы у Черемис *Юма* есть тот же, что в древние времена у Финнов *Юмала*, а Чувашский *Тора* тож, что у старинных Готов *Тор*[102]. Кроме сего бога почитают Чуваши еще несколько малых божков, яко защитников и хранителей некоторых деревень и мест, и сравнивают оных с нашими святыми. Те Чуваши, которых я видел в Чебоксаре и около того города, того бога, которого они признают за особливого своего защитника, называют *Бородон*[103].

У них у всех нет никакого особливого дня, в которой бы они паче прочих к отправлению Божией службы сходились; ибо хотя они, как выше показано, пятнишний день некоторым образом свято содержат, только сего обыкновения нельзя нимало утвердить по их закону. Время их благоговения основание свое имеют на тех обстоятельствах, в которых они находятся, или на тех причинах, по которым они нужду имеют просить о помощи их бога.

Равным же образом по обыкновению других народов нет у них никаких молитвенных домов. Они отправляют свои молитвенные приношения в своих домах, или на непокрытом месте, а по большей части в отдаленных местах, где они для такого действия какое-нибудь место вкруг забором обгораживают и посреди оного поставляют несколько столбов, покрывая оные деревянною кровлею, а под оною столб и несколько скамей. Такие места на всех трех языках называются одним именем *Кереметь*.

Повыше Чебоксара в двадцати верстах на правом и при том гористом берегу реки Волги видел я одно такое место, где тамошние Чуваши служат свою службу, к которым за густыми лесами и за крутым берегом никакого как с превеликою трудностию дойти можно было; а между Вяткою и Камою и в Вотяцких деревнях случилось мне приметить, что Вотяки свои Керемети имеют також на непокрытом месте, что может быть делается для того, что они там от прочих народов живут отдельно, и в отправлении своих молитв никакого опасения не имеют.

Иногда же у каждой отдельной семьи есть по одной собственной Керемети, а у иной и более; да сверх того в каждой деревне

находится по общей большой Керемети, где они ежегодно в некоторой день, которого число переходит и определяется от стариков в той деревне, сообща молитвы свои отправляют. Да есть же у Черемисов и во всяком дистрикте по особой Керемети, в которую из 10, 20 деревень и более жители в одно время в годовые большие праздники собираются[104].

Такая же Кереметь находится при небольшой реке Усемде на высокой горе, о которой упоминает и Олеарий, но в том погрешает, что он Усемду называет небольшим озером. На Вятке, верст около 80 повыше Уржума, есть большая слобода, называемая Кукурск[105], которая прежде сего была городом, как по званию видеть можно, по тому, что оное слагается из двух слов *Ку* и *Кар*, из которых последнее на Вотяцком языке значит *город*. Под оною слободою с правой стороны впала в Вятку река Пышма, а в двух верстах повыше устья впала в Пышму Усемда.

Когда Стралемберг о язычниках Вотяках пишет, будто они помянутую речку весьма свято почитают, и приносят при оной жертву и служат свою суеверную службу, то не правда; ибо в тех местах нет ни одного Вотяка, но жительство имеют только Черемисы; притом же я будучи в Казани говорил с разными Черемисами, которые при помянутой реке живут, и от них о том получил потребное известие.

Малая речка называется Шокшем, о которой и Олеарий упоминает, находится в тех же местах. Она впала в речку Оню, Оню в Лаш, а сия в Усемду. О объявленном особом жилище дьявола, по сказанию Олеария, тамошние жители ничего не знают, кроме что, как прежде показано, думают, что дьявол в воде живет.

На сих местах у них отправляема бывает языческая их служба так, как и в дому, и в общих собраниях, в большие годовые праздники, и как при особливом случае в рассуждении главных обрядов у всех трех народов одинаково; только в нынешние времена в некоторых небольших неважных обстоятельствах, смотря по случаю, между ими в том есть некоторая разность.

В каждом народе есть некоторые особливые люди, которые у русских ворожеями называют, и им по соединенному с тем суеверию подобны. Такие люди все бывают седобородые старики, которые между прочими по мнимому их о будущих случаях предсказанию, или по некоторому с Богом тайному обязательству, состоят в великом почтении. Черемисы называют их *Мушан* или *Мушангече*[106], Чуваши *Иоммас* или *Юммазе*[107], а Вотяки *Тона* или *Туно*[108]. Иногда бывают такие колдуны и бабы ворожейки.

Не во всех же деревнях случается иметь по Мушану, Иомассу

или Тоне, но временем четыре деревни и более довольствуются одним колдуном. Есть же они и в Чувашских деревнях, где их по два или по три вместе бывает. Оных колдунов по справедливости можно почесть за начальников их суетной и самовольно вымышленной жертвы; ибо все зависит от их поведения, где и когда, и каким образом службу служить, а паче какую животину, и при каком случае в жертву приносить надлежит, по тому, что их служба наипаче состоит в жертвоприношении зверей, которых они сами после в снедь употребляют.

Жертвоприношение их к богу происходит не от естественного просвещения и внутреннего побуждения, но паче от случайного намерения о приключившемся временном несчастии. Ежели бы не так, то бы они всеконечно некоторой один день пред прочими всевышнему Богу посвятили; но того у них нет; ибо ни один о Боге не думает, пока кто из их семьи не занеможет, или не заразится их скот какою язвою, или будет им несчастие в промыслу зверином и рыбном, или недород в хлебе, и прочее. Ежели случится несчастье только одной семьей, то кроме оной другие никакого покаяния не приносят; ежели же какое зло постигнет всех, то вся деревня или и окрестные места обращаются на покаяние. Что бы ни было, о том о всем предлагается сперва Мушанам, Иоммасам, или Тонам.

Когда первые люди в семье или старшины в народе печаль свою открывают, то колдун делает разные приемы для удовольствия требующего помощи. Все три народа имеют общее обыкновение, что у них колдуны ворожат бобами; а именно: взявши числом 41 боб, которые при всех на столе раскладывают и передвигают несколько раз по разным местам, пока усмотрят, что требующим по их желанию, или в противность сделалось. Во время сей ворожбы смотрит он не спуская глаз на бобы и при том приказывает, на каком месте, в который день и в который час, и с какими людьми и приношением какой животины умилостивлять им должно прогневавшегося Бога.

Черемисские Мушаны и Чувашские Иоммасы, взявши свой пояс, меряют оным свой локоть с пястью руки. Чувашские Иоммасы положивши на стол небольшие два куска хлеба и два угля на четыре угла, да в средину еще один кусок хлеба, в которой втыкают иглу, и подняв руку в верх держат и смотрят, куда игла с хлебом поворотится, к хлебу ли, или к углю: но при сем действии не сказывают они ничего, а только приказывают, что требующему делать надлежит.

Вотяцкие ворожеи больше ворожат нюхальным табаком,

которой в руках держат, или, наливши в чарку вина, мешают оное мешалкою, или ножом скоро, и смотрят несколько времени в налитую вином чарку весьма прилежно.

В некоторой Вотяцкой деревне имел я случаи видеть Вотяцкого Тону и сделать опыты над их колдовством. Хотя и у Вотяков, и у прочих народов часто спрашивал про таких колдунов, только всегда сказывали мне, что таких людей в той деревне или нет, или куда-нибудь отбыли; однако принужден был я приказать Вотяцкого Тону силою сыскать. Сии люди весьма боятся, чтобы мнимая святость их Тонов ни чем не была опорочена.

Помянутой Тона был мужик в большой деревне, называемой Сараман-Пилги, которая почитается первою Вотяцкою деревнею, и через оную из Казани в Кунгур ездят, чумкасов с 4 на восток от реки Вятки. Он сказывал, что ему от роду 60. Борода у него темнорыжая, а на взгляд пред своею братьею гораздо лукавее. Присем случае показал я себя весьма важным, сколько мне возможно было, дабы ему не приметить, что я его велел привесть только для разговора или для выведания его мудрости; а призвать я его велел для следующей причины: на проезде от прежнего до тутошнего стану пропала у меня некоторая вещь; и хотя думал я, что конечно оную из саней украли у меня ямщики, однакож желал, чтоб он указал мне того вора, дабы мне возвратить свою пропажу. По сем попросил он у меня несколько нюхального табаку и взявши оной в левую руку пальцами кругом тер, а при том несколько пособлял к растиранию оного пальцами и правой руки. Как казалось, то во время сего действия оной колдун не спуская глаз смотрел на табак весьма пристально; потом, как можно думать, дабы ямщиков вывести из подозрения объявленной покражи, сказал, что та вещь забыта в прежней деревне, где мы новые подводы брали, и хозяин де, у которого мы ночлег имели, о том весьма сожалеет и желает, чтоб оная вещь опять взята была.

Тем я был доволен: однако над искусством сего угадчика хотел я учинить еще опыт, и сказал, будто я чувствую в себе жестокое колотье, и желаю, чтоб от той болезни чем вылечиться. Сей колдун или Тона может быть подумал, что я, яко неверный, не достоин его пользования, или может быть боялся лечить меня своим лекарством, чтобы за недействительную оного силу не попасть ему в наказание; того ради искал он сперва случая уйти, говоря, что мы скоро приедем в Татарскую деревню, и там надлежит мне требовать помощи у Абыза[109] или Татарского попа, который прочтет во уголение болезни статью их

Алкорана[110], и от того де ты придешь опять в прежнее здоровье. Чтением из Алкорана Татары Магометанского закона от болезней своих обыкновенно пользуются; да и в соседстве живущие народы иногда тому же последуют[111]. На сие не взирая, старался я всякими мерами пользоваться от него и принуждал его ласкою и силою, уверяя его совершенно своею на него надеждою, пока он не попросил с вином чарки. Как ему чарку с вином дали, то спросил он о моем имени. Я ему сказал не прямое имя, но какое тогда мне вздумалось. Он, всему тому поверя, взял нож, и мешал в чарке вино нарочитое время, и смотря в оную пристально шептал нечто неразумительное. По сем давал мне из помянутой чарки вино, будто какое лекарство, выпить; только я не мог себя принудить, чтобы выпить оное вино, но просил, дабы он сам вместо меня выпил, что он охотно и учинил, обнадеживая, что то все равно, и болезнь через несколько часов утолится.

О сем тем известнее можно было ему наперед угадать, поелику он заподлинно знал, что мы чрез четверть часа в путь отправиться намерены были. При том я его еще спросил, какие он мешая в чарке вино слова шептал? и в ответ получил, что сказать ему сего не можно, ибо де от того все действие будет бесплодно, и несколько поговоря вдруг ушел так, что и найти его не можно было. По сему вышеописанному явствует не что иное, как крайнее невежество или, вероятнее сказать, обманство сего народа.

У Черемис кроме Мушанов есть еще и другие духовные люди, которые у них Юктюч[112] называются; а должность их состоит в том, чтобы при отправлении их служб учреждать порядки и читать молитвы: у прочих же народов таких людей не бывает потому, что у них каждой хозяин должность Черемисского Юктюча отправляет.

Служба их состоит в приношении в жертву некоторых животных, которых они колют и варят, и по отправлении над оными молитв от служащих по обещанию службу людей, оных в снедь употребляют. В числе приносимых в жертву наипаче бывают лошади, быки, коровы и овцы; а иногда гуси, утки, куры, тетеревы, полевые зайцы и прочие. Свиньи из того числа выключаются потому, что большая часть из Черемисов, как выше показано, свиным мясом гнушаются. Диких птиц и зверей мелких приносят они в жертву при отправлении домашних своих служб, а крупный скот в Керемети; Вотяки же диких птиц и зверей в духовных своих обрядах не употребляют. У всех народов приносятся

в жертву более лошади, и в большие годовые праздники на жертву приводят по большей части белых лошадей, и из Черемис никто кроме тех, которые прежде мылися в бане и надели на себя белые рубахи, сих есть не дерзают. Что надлежит до бань, то кажется, что сие обыкновение с другими многими вошло к ним от Татар. Такому обыкновению больше последуют те Черемисы, которые при всяком случае, по примеру Татар, моются и в банях парятся, при том же и по совокуплении с женою омытие за законную причину почитают.

Большие ежегодно отправляемые у них службы от повседневных ничем не разнятся, кроме что для великого множества народу торжественнее препровождаются. Кажется, что упоминаемый у Стралемберга большой Чувашский праздник есть то же, что годовой их праздник. Что же они празднуют оной ежегодно всегда в Октябре, то без основания; ибо препровождение такого праздника, как уже выше показано, назначается с воли и согласия всех окрестных деревень; однакож то правда, что к празднованию такого дня пред прочим годовым временем по окончании жнитва выбрано осеннее время по тому, что они тогда богаче бывают и больше свободного времени имеют[113].

По приводе скота на жертвенное место, Черемисской Юктюч приказывает особливому человеку оной скот бить; а у Чуваш и у Вотяков отправляет то, кто хочет. При том же наипаче примечать надлежит, что убитой скотины крови ни капли напрасно не теряют; а кожу сдирают, пока убитая скотина еще совершенно не утомилась, и в знак своего благоговения вешают такие в Керемети противу востока на деревьях, а именно на дубу, или на березе, которые они паче прочих дерев в чести имеют.

Хотя Черемисы обыкновенно вешают только кожи лошадиные, а коровьих и овечьих не вешают; только оныя, яко вещь святую, держат у себя в дому в сохранности и не продают, но берегут для своих потреб, чтоб оным не попасться в чужие руки и тем бы не быть осквернênным; Чуваши же и Вотяки вешают всякие кожи; только вышеупомянутые обряды не так точно наблюдают, как Черемисы, по тому, что многие из них такие кожи и в городы на продажу отвозят. На тех местах, где близко Русские или Татары живут, вешать кожи весьма опасно бывает, ибо они оныя из Кереметей часто крадут: чего ради Чуваши прорезывают свои кожи во многих местах ножиком, чтобы тем на другое употребление оные сделать негодными. Вынявши и выполоскавши кишки, мясо режут без дальнего рассекания в средние куски, которое они вместе с кишками в одном котле

варят; только жир с кишок наперед обдирают, и смешавши с кровью и с крупою, начиняют оным сычуги или пузыри, и зашивши горло нитками, или укрепивши спицами, в том же котле варят.

Черемисы и Вотяки варят и поедают всю убитую тогда скотину вдруг. У них почитается за грех, ежели хотя малое что останется; и того ради в приношении жертвы толикое число и людей определяется, чтобы все съесть можно было; а у Чуваш не так: к жертвоприношению своему они других людей не приглашают, кроме тех, которые по случаю в обещаниях их участие имеют, и следовательно убитой скотины варят они столько, сколько людей находится и сколько съесть можно; а остальное неваренное берут с собой назад домой. При такой Чувашской церемонии однажды я был, где в Керемете только два человека было, и от малой овцы наваренного мяса более половины осталось[114].

Вареное мясо кладется на вышепоказанном месте посреди Керемети на стол. Прежде ядения у Черемис Юктюч, а у прочих народов хозяин, или который между ими познатнее, обратившися лицом на восток, читает приличные к учрежденной их жертве краткие молитвы. Он становится яко главнейший напереди, приклоняет свою голову даже до земли, а прочие стоящие позади его то же делают.

У Черемис главнейшая молитва состоит в словах *Юма Сирлага*, то есть, *Господи помилуй нас!* а у Чуваш *Тора Сирлаг* или *Тора батир*[115], то есть, *подай Господи!* К тому же прибавляют они и то, о чем просят, говоря: *Тора батир вюлих, Тора батир гириволь*[116], то есть, *подай Господи скота, подай Господи детей,* и прочая. В годовые большие праздники изъявляется в таковой же краткой молитве прошение всех людей тоя страны.

Олеарий пишет о Черемисах, что они молятся повешенной коже убитой скотины. Они причитают сие себе в великое поношение, когда их тем порицают; а такая погрешность может быть вошла от того, что кожи в Кереметях обыкновенно вешаются на ту же сторону, на которую и отправление молитв бывает, то есть на восток. Равным же образом и то несправедливо, когда Олеарий об них пишет, что они молятся солнцу и луне; ибо как Черемисы, так и прочие народы, в своих Кереметях, о которых знают, как оныя стоят, никогда к солнцу, где оно во время приношения их молитв находится на небе, не обращаются, но всегда становятся лицом на восток.

К сей их священной службе хлеб пекут из муки пшеничной, ржаной или и овсяной, по возможности каждого, нарочно пре-

сной большими караваями, и с жертвенным скотом вместе в Кереметь относят.

Прежде ядения, от сваренного мяса все мелкие части обрезывают, а именно уши, глаза, ноги и прочая, и бросают оныя в огонь, також сердце, кишки и прочую внутреннюю. Тот, который у Чуваш главнейшим при отправлении службы бывает, по небольшому куску хлеба и мяса бросает на землю одаль себя. Во время и после ядения Чуваши часто бросают по нескольку ествы своей в огонь, и при том у всех народов после ествы кроме костей ничего не остается.

Оставшиеся кости собирают они все до одной, и принесши с собою в дом пережигают в печах в пепел, дабы оныя не попалися собакам, или другому какому зверю. Помянутые кости почитаются у них за вещь святую, яко такого животного, которое посвящено всевышнему Богу: а что Стралемберг пишет, что будто они кости с кожами на деревах вешают вместе, то несправедливо[117].

Впрочем Чуваши прежде сего в своих Кереметях имели и сие обыкновение, что при приношении своей жертвы в некоторые выдолбленные столбы деньги бросали, которые после старший или знатнейший между ими в определеннное время вынимал и оныя употреблял на пирушки, или на общие расходы: но ныне у них сие почти из обыкновения вышло, поелику они к великому своему огорчению принуждены были видеть, что такие с деньгами столбы из их кереметей крадывали.

Отправляемая у них на дому жертва от кереметской почти ни чем не разнится, кроме того что бьют они для того самую мелкую скотину, и варят мясо не на дворе, но на обыкновенных очагах, или в печах, и напоследок, ежели они стороны света не знают, то оборотятся лицом к солнцу, молитвы свои отправляют; а пьют и едят определенную в жертву скотину на дворе, и в том от Мордвы разнствуют; ибо хотя они в домашних службах с Чувашами некоторое сходство имеют, токмо такую жертвенную есть едят в избах. Женщины при всей такой службе никакого дела не имеют. Они не ходят никогда в публичные собрания и в домах не едят жертвенной ествы, но должно то делать токмо одним мущинам, которые и за женские грехи жертву приносят; и можно сказать, что сие обыкновение принято у них также от Татар, у которых по силе Магометанского закона женской пол также от всех духовных церемоний и всенародных служб свободу имеют.

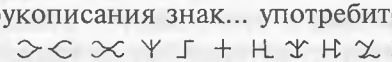
По примеру Татар, не имеют они у себя ни писанных красками, ни резных идолов, и тем разнствуют от прочих языческих и

идолопоклоннических народов, которые литым и деревянным, или и красками писанным молятся и поклоняются: токмо между Черемисами находятся некоторые, что на ободранных липовых корках вырезают некоторые фигуры, которые ничего не значат, и оные корки в знак своего благоговения в лесах вешают. Помянутые липовые корки с вырезанными на них фигурами называют они *Куда-Водаш*[118].

VIII

О их светских поведениях и обыкновениях

Между светскими поведениями и обыкновениями сих народов полагаю, во-первых, их послушание и обязательство, которыя они друг другу, також и их старшинам при всяких случаях оказывают: по том следуют их обряды и обычаи, которые происходят на родинах, на свадьбах и на похоронах; и, на последок, их забавы в пляске и в играх; а кроме сего более примечания достойного у них ничего не находится.

Ежели один другому что обещает или с кем в договор вступает, то оное обязательство для большего утверждения и уверения бывает при некоторых поруках, или свидетелях. При заимодавстве заимодавец и должник берут две палочки, которые между собою складываются, и на оных палочках вырезают столько крестов или херов (XXX), или зарубок (III), сколько будет гривен, или копеек, и каждый вырезывает на своей палочке на конце под крестами, или под зарубками, какой-нибудь вместо рукописания знак... употребительные же у них знаки суть такие:  и другие сим подобные, какой кому на ум придет для себя выбрать, который они во всех случаях, где требуется подписка, обыкновенно употребляют[119]. Потом палочками оными между собою размениваются, которые у них такую же силу имеют, как у нас наикрепчайшие обязательные письма. Но сие поведение служит у них токмо сумме денег, в которой не свыше десяти рублей; ежели будет более десяти рублей, то берут они в таких долгах в городе записи. Вышепоказанные знаки в употреблении бывают и между Татарами у таких людей, которые писать не умеют.

Важных обязательств у них между собою никаких нет. Когда случится генеральная присяга, или кто взят будет в солдатскую службу, то обязательство делается у них следующим образом: старшина, или который в деревне познатнее, нарезывает хлеба

четвероугольными кусками величиною такой, чтобы в рот положить можно было, и посыпавши солью дает по куску в рот присягающему с конца ножевого, говоря при том такие слова: ты обещаешься теперь, на пример, по преставлении такого то Монарха наследнику его во всем, не щадя живота своего, верным подданым быть; и как ты подлинно желаешь впредь хлебом и солью насыщаться, то так же совестно старайся о сохранении клятвенного твоего обещания. При взятии в солдатскую службу пред присягающим держат два палаша концами в верх крест на крест, и через оные палаши, так как и прежде объявлено было, от кого-нибудь из них дается в рот хлеб с солью. При случае родин не бывает у них никаких дальных обрядов, как что родители по большей части дают имена новорожденным детям по имени того, кто вскоре после родов первый в дом их придет. Ежели же никого скоро не будет, то родители дают имена детям по своему благоизобретению; или например: буде родится сын, а придет сперва в дом женщина, то, поелику оному мальчику по званию той женщины женского имени дать не можно, в сем случае пришедшая женщина должна новорожденного назначить другое имя, какое ей вздумается. Они почитают себе за щастие, или за доброе предзнаменование, когда во время родов, или вскоре потом люди к ним приходят, которых они в показание своей радости пивом и медом, а буде есть достаток, то и вином подчивают. Ежели же никто не придет, то вминяют они себе за нещастие и за худые знаки.

Напрасно их в том порочат, будто бы они своим детям давали имена по званию тех животных, которые сперва вскоре по рождении младенца на двор к ним войдут[120]. Между Чувашами и Вотяками находятся многие, которые оставя прежнее свое обыкновение по примеру Русских просят иногда Русских же себе в кумовья, по чему некоторые из сего народа и Русскими именами называются.

У сих народов природные их собственные имена суть следующая; например, у Черемис мужские имена: Аксюн, Кундуган, Тойдерек, Тилмемек, Игашках, Тоибатир, Токсовай и проч., женские звания: Асильдик, Кюстелет, Ксилбиках и прочая; у Чуваш мужские имена: Чулпан, Рыгав, Йимменке,Черебатир, Илмеш, Мингур и прочая; у Вотяков мужские звания: Дузмеке, Ишкейка, Камаш, Айтуген, Эшмурза, Батыр, Катерка и прочая; женские имена: Туйбике, Байбике, Нюлька и другие многие. Впрочем при сем случае ни Мушаны, ни Иоммасы или Тоны, також у Черемис ниже Юктючи, никакого дела не имеют, и

Гваниново объявление о Черемисах, которое приведено у Олеария, что некоторые из всех вскоре после рождения детей своих обрезывают, совсем ложно, как о сем уже показано; и от чего бы у сего народа можно было произойти слуху о Магометанском законе? Что касается до их супружества, то у них по примеру всех восточных народов многоженство позволено; однакож никто более пяти жен у себя не имеет; а большая часть, особливо у Вотяков, за скудностию их по одной или по две жены у себя держат. У Черемис и у Чуваш достаточные люди женят сыновей своих пяти и шести лет с тем намерением, чтобы в домашней работе более иметь вспоможения; ибо у них жены, как и у Татар, совсем покорны быть долженствуют. За тем же и девок, чтобы в домашней работе знать силу и иметь искусство, пятнадцати лет никогда, а двадцати лет редко, выдают замуж. Вотяки от десяти до двенадцати лет детей своих никогда не женят.

При том же законы сродства наблюдают они точно, так оных ни мало не нарушают. На сестрах и на сестриных детях они не женятся. Братьям не можно брать за себя двух сестер. Один не берет в одно время двух сестер: токмо есть у них в обыкновении, что оставшуюся по смерти большого брата во вдовстве жену берет за себя меньшой брат, но большому брату в таком же случае того делать не позволяется. Они особливо любят жениться на двух, или на трех сестрах по одиночке. В Казанском уезде Вотяцкий сотник, именем Катерка, хотя не по правилам, однако в одно время женился на двух сестрах, которые и по ныне живут с ними. При заговоре и женитьбе на вдове, которая сама в себе вольна, никаких больших околичностей не бывает. Тот, кто хочет ее за себя взять, засылает свата, и как он с нею о том согласится, то в назначенной с обоих сторон день в провожании множества веселых свадебных гостей отводится в дом к жениху, где свадьба без всяких дальностей совершается; ежели же женится на девке, то много отмены бывает.

Во-первых, родители, или вместе их ближние сродники, девок даром замуж не выдают, но по Татарскому обыкновению за вывод ее платит жених несколько денег, что у Татар *Калым*, у Черемис *Олон*, у Чуваш *Голон Окси*, а у Вотяков *Калюм* называется[121]. Таких выводных денег дается много, или мало, смотря по красоте, богатству и знати невесты; или у жениха уже много жен есть, или было; а больше смотрят на богатство; сколько отцы, или сродники, за невестою дают приданого. Вотяки, которые прочих народов убожее, дают за девку по 5, по 10 и по 15 рублей; Черемисы и Чуваши неубогие платят по 10, по 20 и по

30 рублей; а Черемисы в Кунгурском уезде, которые всех богаче, дают по 100 и более рублей. Ежели кто сверх первой жены похочет взять другую, то отцы, опасаяся будущего между женами ревнования, дочерей своих выдают неохотно, и того ради просят за них дороже. Равным же образом, когда у кого несколько жен умерло, то не меньше же имеют опасения в случае смерти о наследниках. Первого обыкновения наипаче держатся Черемисы, а последнего Вотяки. Которые находятся не в состоянии высокой калым заплатить или не хотят денег истерять, те ищут способа, чтобы силою достать любезную свою невесту; и так: подговаривают они себе на вспоможение несколько человек из своих приятелей и в тот дом, где живет невеста, врываются силою и девку уводят; при чем Вотяки для большей безопасности, и дабы полученная добыча тем была надежнее, тотчас на дороге при некоторых свидетелях с увезенною плотски совокупляются. То же делается, когда кто по смерти первой жены пожелает жениться на сестре ее (ибо все сии народы имеют к тому особливую с природы склонность), а отцы выдают за него не похотят.

Сватовство происходит посредством третьего человека: и тому же, когда жених еще молод или состоит под властью отца своего, то за него сам отец сватает. Главное дело состоит в том, чтобы, смотря по обстоятельствам с жениховой и невестиной стороны, положить калым, и договариваются до тех пор, пока о том согласятся. Ежели же вдова имеет у себя отца и мать, и живет у них в доме, то жениху должно и за нее так же заплатить некоторой калым, но не столь великой, как за девку. При том же должно договориться, сколько невеста жениху принесет приданого; а обыкновенно бывает так, что за невестою дается приданое смотря по калыму, и отцы или сродники на невесту убор кладут из помянутого же калыма.

При сговоре назначается срок к игранию свадьбы по 4 или по 6 неделях, а иногда и по прошествии нескольких месяцев, и в то время варят они пиво и мед и заготовляют съестные припасы как у отцов невестиных, так и в дому жениховом. На свадьбу зовут всех обывателей той деревни, а временем и из других деревень, когда новосговоренные живут не в одной деревне: однако Черемисы зовут в гости только Черемис, а Вотяки только Вотяков; а прочих приятелей и знакомцов, которых кто из другого народа имеет, також ежели в соседстве живут Русские, Татары, Мордва, или другие какие, с которыми жених особливо знается, просят вскоре после свадьбы, по елику забавы у них продолжаются дни по 3 и по 4, а иногда и целую неделю.

С жениховой и с невестиной стороны сперва пирушки бывают порознь. Гости приносят с собою кушанье и питье, и каждой подчивает всех своим. У Чуваш есть такое обыкновение, что у жениха и у невесты на пирушках ставят на стол блюдо с хлебами, и в оные втыкают стрелы, на которыя кладется головной убор Чувашских баб, который у них *Тастар* называется. У жениха на пирушке кладут Тастар матери или сестры его, а у невесты тот Тастар, которой и после на нее, как на жену надевается. На оное блюдо каждой из гостей новобрачным кладет по нескольку копеек.

Из всех народов свадебные обряды у Вотяков короче всех бывают. Они едят, пьют, играют и пляшут до тех пор, пока пивом и вином допьяна упьются, и после того отходит жених с невестою спать. У Черемис, да и у Чуваш, свадебных обрядов бывает более.

У Черемис в дому невестина отца несколько времени гости будучи подчиваны и по заплате от жениха положенного на сговор сватом калыма, невеста в провожании с ее стороны гостей отводится в дом к жениху, отец и мать и ближние сродники при том плачут весьма жалостно, и ни один из них ее не провожает, кроме брата и сестры ее, или, ежели брата нет, то кто-нибудь из ближних сродников с своею женою, кого невестин отец к тому назначит. У невесты лицо всегда бывает закрыто платком, пока она не вступит в дом женихов. На дворе у жениха раскидывается шатер, в которой невеста приводится двумя женщинами, одна из них с невестиной, а другая с жениховой стороны, которая при входе на женихов двор ее принимает. Я не знаю, да и наведаться не мог, что у них в шатре бывает, ибо и те, которые мне о сем сказывали, сильною клятвою божились, что они и сами про это не знают, по тому, что шатер кругом накрепко запирается, а сват кругом ходит и смотрит, чтобы к шатру их гостей никто не приближался; однако думают, что может быть женщины, которых с Русскими свахами и с бываемыми у Немцов на свадьбе с жениховой и с невестиной стороны посажоными матерьми сравнить можно, наставляют в сем шатре невесту в надлежащих до супружественного жития полезных правилах, надевают на невесту женское платье и снявши с нее платок, накладывают шурк, или ошпу, как головной убор Черемисских женщин, а сверх того венок. При выходе из шатра встречает жених, и взявши за руку вводит ее в избу, где Юктюч о новобрачной паре читает некоторые молитвы, чтобы Бог им даровал детей и к домостроительству их ниспослал свое благословение; а между тем жених и невеста

несколько времени стоят на коленках. В то время Юктюч подчивает гостей пивом и медом по своему произволению. Потом гости расходятся по своим домам, а новобрачных обе свахи спать отводят.

И сия есть токмо одна церемония, которую Юктюч кроме публичной жертвы отправляет. У других народов таких обрядов в обычае нет, и как свадьбы, так родины и похороны, почитаются у них за светские обряды, до чего духовные люди никакого дела не имеют.

У Чуваш свадьбы происходят с следующею отменою. Невесту, как то у Черемис бывает, в дом женихов не водят, но жених сам должен по невесту приехать, и при том бывает много обстоятельств: ежели невеста живет в другой деревне, то жениху несколько чумкасов или миль за нею ехать надо.

Наипаче всего наперед знать желают, щастлива ли, или нещастлива оная езда будет; и того ради на дороге пред воротами колют петуха и на землю бросают. Ежели заколотой петух не трепещется, то та езда будет щастлива; буде же он трепетаться будет, то они опасаются нещастия, и для того остерегаются.

Часто случается жениху проезжать несколько деревень; и тогда посылает он наперед людей, чтобы подать весть о приезде: чего ради жители той деревни в знак радости зажигают огни и приготовляются проезжих гостей подчивать. Как скоро жених придет, то садится он на дворе у раскладенного огня за столом, а провожатых подчивают в избах, и дружка выносит жениху есть на двор.

Как скоро жених приедет в ту деревню, где живет невеста, то ездит он в санях, или в телеге, или верхом, с дружкою несколько раз: вокруг двора невестина, при чем дружка громким голосом по Татарски поздравляет *Солом малик*[122], при том же и спрашивает, тут ли невеста, или инде где? Ежели невеста в том доме, то жених в оной ехать не смеет, но должен стать на ином дворе; а по большей части делается у них так, что в то время невесты дома не бывает. Вскоре потом жениха с невестою сводят, чтобы он ее видеть и дарить мог. У невесты в дому жениха на подклет не водят, но делается то в жениховом дому, куда все гости на другой день или по прошествии нескольких дней подымаются, и собравшись невесту убирают в женское платье, а потом новобрачную пару спать кладут вместе. Впрочем, ни Черемисы, ни Вотяки сохранности девства не разбирают; но Чуваши того не пренебрегают. Дружка и обе свахи, стоя у дверей, дожидаются, где спят новобрачные, и при том беспрестанно поют и поют до

тех пор, пока по прошествии получаса ожидающим женщинам позволено будет туда войти. Ежели невеста сохранна, то пьют и веселятся весьма много; буде же не сохранна, то дружка взявши чарку проверчивает на оной диру, и зажавши оную пальцом из оной гостям подносит: тогда питье, кто оное из гостей примет, из той чарки потечет на пол, и тем приключившееся нещастие каждому явно бывает. Невесте при том так стыдно бывает, что она потом гостям и глаз своих не кажет; однакож муж за то ей ничего не делает, но сносит равнодушно.

Вообще говоря: народы или на сохранность девства не очень смотрят; да и будучи уже женаты, за непозволенное обхождение жен своих наказав, живут с ними опять в совете; к тому же нет у них того поведения, чтобы для таких причин с женою разводиться; ибо, ежели муж своею женою не будет доволен, то вместо разводной и того довольно бывает, что он лишает ее своего ложа, и вместо того женится на другой, а первую содержит у себя яко работницу.

Черемисы и чуваши погребают умерших в том платье, которое они носили, и кладут в могилу между двумя досками, а сверх оных накрывают еще доскою и напоследок могилу засыпают землею[123]. Туда же кладут они всякой домовой скарб, а именно котлы, ложки, ножи и прочая. На похоронах сродники плачут весьма жалостно и мертвого провожают до самого кладбища, которое пред каждою деревнею на особливом месте в лесу обыкновенно бывает.

Вотяки погребают умерших в их платье обвернувши берестами, поодаль деревни в лесу, а домового скарба с ними не кладут; при том же есть у них такое обыкновение: когда ношатые из лесу возвратятся, то хозяин, или хозяйка, или кто-нибудь из ближних сродников умершего, навстречу им бросают пепел, чтобы, по их сказкам, запретить, дабы они опять не приходили и более мертвых не носили.

Ежели умрет кто из знатных, то Черемисы и Чуваши в честь умершему празднуют неделю, месяц или и целый год, как они заблагорассудят. На дворе вколачивают они в землю две палки, и между оными протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первой в оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник езжал; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную

лошадь у Черемис на дому, а у Чуваш на кладбище в память умершего заколовши варят и едят, причем бывает много плача, игры, пляски, питья. В знак памяти у Черемис на кладбищах обыкновенно раскидываются на жердях плашки, а Чуваши на могилу ставят деревянные столбы, которые ныне они стали раскалывать, чтоб оные чрез то к другому употреблению негодными сделать; ибо прежде сего часто случалось, что такие могильные столбы, так как и звериные кожи, из лесов у них крадывали.

Их игры и пляска на свадьбах и при прочих увеселениях состоят в том, что старшие и знатнейшие из гостей сидят по лавкам или на столе и забавляются питьем, а молодые мужского и женского пола на полу, при игре на разных инструментах, без всякого порядка кругом скачут и пляшучи бьют в ладоши. Из игральных инструментов первой у них есть наподобие лежачей гарфы, видом полумесяца, об 18 струнах[124]. Такие инструменты употребительны и у Русских, которые называются гуслями, и кажется, что как употребление сего инструмента, так и звание оного по примеру других вещей и слов взято у Татар, ибо Татары называют так же *Гусли*[125], Черемисы *Кюсел*[126], Чуваши *Гюсле*[127], а Вотяки *Кресс*[128].

Второй инструмент Татарская волынка, которая по-татарски называется *Сурнай*[129], по-Черемисски *Шюбберь*[130], по-Чувашски *Шипюрь*[131]; третий Варган, по-Черемисски называемый *Кобаш*[132]. по-Чувашски *Кобас*[133], а по-Вотяцки *Умкрес*[134].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Черемисы*** — старое название марийцев.

2. ***Вотяки*** — старое название удмуртов.

3. ***Пермяки, пермичи*** — коми-пермяки.

4. ***Зыряне*** — коми-зыряне.

5. ***Нагорные и луговые черемисы*** — горные и луговые марийцы.

6. ***Дистрикт*** — административный округ; здесь речь идет о Козьмодемьянском уезде Казанской губернии.

7. ***Старый и Новый Шезминск*** — ныне сс. Старошешминск и Новошешминск Чистопольского района Татарстана.

8. ***Билярск, Тиинск, Майнск, Мензелинск, Салинск*** — населенные пункты в Закамье, ныне входят в состав Татарстана и Ульяновской области.

9. ***Стралемберг — Филипп Иоганн Страленберг (Иван Филиппович Табберт)*** — шведский капитан, взятый в плен во время Полтавской битвы 1709 г. Долгое время жил в Сибири, в 1721 г. вернулся к себе домой в Ништадт и в 1730 г. в Стокгольме издал книгу «Северная и Восточная части Европы и Азии...» (второе издание под названием «История путешествия по России» вышло в Лейпциге), в которой приведены некоторые сведения о Поволжье и обитающих там народах, в том числе и чувашах.

10. Правильная форма безусловно ***Болгар;*** колебание в чтении *булгар ~ булган* вызвано графической близостью арабских букв, ـر «ра» (*р*) и ـن «нун» (*н*).

11. ***Чумкас*** или ***чункас***, а также ***чум*** (пермск.) — расстояние длиной в 5 верст, больше по реке (см.: Даль, IV, 615); «мера расстояния в 3 версты по течению реки» (Фасмер, IV, 381). Слово распространено в основном в северо-восточных говорах русского языка и происходит от коми *чомкост* «расстояние между двумя шалашами *(чом)*», т.е. расстояние между двумя хранилищами продовольствия для охотников в лесу.

12. Татар. ***алачык*** «лачуга, хижина, летняя кухня» (соответствует чуваш. *лаçă* «лачуга», русск. *лачуга*) — строение, идентичное коми *чом*.

13. В словарях марийского языка соответствующее слово не отмечено.

14. Слово ***пилги*** в современных словарях удмуртского языка не отмечается, однако оно родственно с удмуртским же *беляк* «сосед, родственник», первоначальное «род, родовая группа». Родственные слова в составе названий населенных пунктов представлены в мордовском и марийском языках. Слово ими заим-

ствовано из древнечувашского (булгарского) языка, где оно означало выделившуюся из племени родовую группу, их поселение, т.е. поселение семейно-родовой группы. В современном чувашском языке сохранилось в форме *пӳлӗх* (от *пӳл* — «разделять») в значении «удел, надел» (отсюда *пӳлӗхҫӗ* «предопределитель» — божество, наделяющее людей благими дарами всевышнего бога).

15. Сведения И.Ф.Страленберга были верными, что подтверждается многократными известиями более поздних авторов. Былая ориентация чувашских домов, как и жилищ других тюркоязычных народов, дверями на восток, сохранилась в народной памяти до настоящего времени, хотя уже начиная с петровских времен чуваши стали селиться улицами, и ориентация домов дверями на восток была утрачена еще в XIX в.

16. Еще во времена Казанского ханства в Заказанье существовала так называемая ***Алатская дорога*** (даруга). Упомянутый Г.Ф.Миллером Алатский дистрикт впоследствии вошел в состав Казанского уезда Казанской губернии. В Высокогорском районе Татарской Республики до сих пор существуют с.Алат, с.Малый Алат, д.Средний Алат, а также с.Алатский спиртзавод. В «Списке населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года» по Казанской губернии (СПб, 1866) в Казанском уезде отмечены четыре населенных пункта с названием *Алат*, ср.: с.Алаты, д.Малые Алаты (Деревенька), Средние Алаты (Курманаевка), Большой Алат (Шулабаш), а также Алатбаш. Не следует путать Алатский дистрикт с Алатырским уездом, в последнем никогда марийцы не проживали.

17. Территория Кунгурского уезда ныне входит в состав Пермской области. Административным центром Кунгурского района является город Кунгур.

18. ***Чухонцы*** — старое название финнов.

19. ***Сидеть вино*** — гнать вино, курить вино.

20. ***Рифейские горы*** — старое название Уральских гор.

21. ***Колоньки*** — раковины каури, ужовки.

22. ***Шелеха (шелег)*** — мелкие серебряные монеты; бляшки на монисто.

23. ***Шуркъ*** — в современной графике ***шурка*** — головной убор замужней марийской женщины. Название родственно с русским *сорока* «женский головной убор, род кички», но марийская *шурка* по своей конструкции напоминает головной убор чувашских женщин *хушпу*, потому что марийский головной убор *шурка* в своем развитии претерпел сильное булгаро-чувашское влияние.

24. ***Ошпу*** — женский головной убор или украшение из сереб-

ряных монет у марийских женщин. Распространен у некоторых этнографических групп луговых марийцев. Конструктивно весьма близок к головному убору северо-восточных (средненизовых) чувашек. Как сам головной убор, так и его название (из чуваш. *хушпу*) были заимствованы марийцами у булгаро-чувашей.

25. ***Шерпан*** — в современном марийском *шарпан* — название женского головного убора в виде полотенца, вышитого с обоих концов и по краям, носится замужними женщинами. Сам убор и его название (из чуваш. *сурпан)* заимствованы марийцами у древних чувашей, о чем наглядно свидетельствует идентичность конструкции, размеров, орнаментации и способов ношения марийских шарпанов и чувашских сурпанов.

26. Ушные украшения из изогнутой серебряной проволоки (*алка, сӑрка*), идентичные описанным Г. Ф. Миллером у марийских женщин, были широко распространены и у чувашей, у верховых чувашей они сохранились вплоть до начала XX в. Практически не отличимы друг от друга и околоушные украшения из серебряных монет, бытовавшие в прошлом у чувашских и марийских женщин. Судя по названию (мар. *серга, сырга*), марийцы восприняли эти типы ушных украшений также у булгаро-чувашей.

27. ***Ширкама*** — в современной марийской графике *шыркама* (лугов.) или *шӹркама* (горн.) — «женское украшение на груди в виде овального кольца с заколкой, подобие брошки», «нагрудник из монет и ужовок». Марийские *шыркама* идентичны чувашским нагрудным украшениям *сурпан çакки* и *шӳлкеме*. Судя по названию, марийцы заимствовали это нагрудное украшение у чувашей.

Чувашское же слово *шӳлкеме* происходит от русского *шелег* «неходячая монетка», «бляшка на монисто» (из немецк. *шиллинг*) и чув. *ама, алма* «подвеска» (от *ал-* «вешать»).

28. ***Илен*** — в современных словарях марийского языка такое слово не отмечено.

29. ***Тастар*** — то же, что и *сурпан*. Этот головной убор бытовал в недавнем прошлом у низовых чувашей. Название зафиксировано также в словаре Н. И. Золотницкого (Золотницкий, 1875, 238) и «Начертание правил чувашского языка...» (Вишневский, 1836, 165).

30. ***Кошпа*** — это, бесспорно, название женского головного убора из серебряных монет и бисера *хушпу*. Определение «повязка с лопастями, висячими по спине», относится к наспинной части хушпу, прикрывающей волосы женщины. Обыкновенно хушпу носится поверх тастара или сурпана и наспинная часть

хушпу, называемая по-чувашски *хушпу хӳри* — «кончик хушпу», обычно ложится поверх обоих концов тастара.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Миллер считал эти два самостоятельных убора одним. Примечательно, что Миллер привел слово *хушпу* в верховом окающем варианте. Более поздние авторы, за исключением С.М.Михайлова, у верховых чувашей хошпу не отмечают. Зафиксированная Миллером форма *кошпа* дает повод думать, что в первой половине XVIII в. верховые чувашки еще носили соответствующий убор.

31. ***Девет*** — в современной орфографии ***тевет*** — женское нагрудное украшение в виде широкой ленты, украшенной монетами, бисером, ужовками и вышивкой. Его носили девушки и молодые женщины через левое плечо. В.П.Вишневский приводит это слово в форме *теветь* (Вишневский, 1836, 165; см. еще: Золотницкий, 1875, 241).

32. Речь идет об удмуртском женском головном уборе *айшон*, наподобие кокошника или кички, близком чувашскому *хушпу* и марийскому *шурка* и *ошпу*.

33. Поверх айшона удмуртки носили ***сюлык*** (из чуваш. *çулăк* «платок») — женский головной убор в виде богато вышитого платка с бахромой. Судя по названию, удмурты заимствовали этот головной убор у болгаро-чувашей.

34. Здесь Миллер описывает распашную холщовую одежду удмурток *шортдэрем* (от *шорт* «пряжа» *и дэрем* «рубаха»), типологически сходную с чувашским *шупăр* или *хыс*. Верхнюю одежду удмуртки носили продевая руки в вырез рукавов. Для этого на верхней части рукавов шортдэрема делали специальный вырез *колтырмач* (из чуваш. *хултăрмач*) и богато украшали ее вышивкой. Во время работы руки пропускались в эти вырезы, а концы рукавов шортдэрема перевязывались за спиной, чтобы не мешали в работе. Такой способ ношения верхней одежды был широко распространен в Средней Азии, в частности — в Хорезме. Эту традицию в Среднее Поволжье принесли волжские булгары. Примечательно, что на верхней части рукавов чувашских женских рубах, а также мужских халатов сохранилась поперечная вышивка, носящая название *хултăрмач* (ср. также марийск. *колдырмац*), но самого выреза нет даже на самых старых экземплярах одежды. Не сохранился нарукавный вырез и у марийцев, хотя на его месте имеется специальная вышивка *колдырмац*. Удмурты же сохранили более архаичную традицию, воспринятую у булгар.

35. ***Айшак*** — описка или, скорее, опечатка вместо правиль-

ного удмуртского *айшон*; чуть выше это слово напечатано совершенно верно.

36. Здесь Миллер описывает головные уборы марийских, чувашских и удмуртских девушек типа *тухйи* — девичьей шапочки, украшенной монетами и бисером. Исследователи установили, что к марийцам и удмуртам этот головной убор попал от волжских булгар. Чувашские девушки этот весьма драгоценный убор уже в XVIII в. носили только по праздникам, а в обычные дни довольствовались вышитыми платками. И в наши дни тухья одевается на свадьбы и в большие праздники.

37. Здесь описывается приготовление кровяной колбасы *тултармăш*. Аналогичное блюдо известно многим тюркоязычным народам.

38. Описывается приготовление разных видов домашней колбасы, известных под названиями *сукта* и *шăрттан*. Рецептура, технология приготовления и названия колбасных изделий совпадают у целого ряда тюркских и иранских народов и имеют тысячелетнюю историю.

39. Показательно, что *салму* чуваши еще в XVIII в. готовили с добавлением сала и масла. Другие источники об этом умалчивают.

40. В современном чувашском языке слово *яшка* означает различные виды похлебок: супы, щи, уху. Миллер не различает слова *салма* и *яшка,* видимо, не случайно. В XVIII в. яшка, очевидно, означало похлебку с домашней лапшой, то есть *салма яшки*. Показательно в этом отношении родственное марийское слово *лашка, лäшкä,* имеющее только значение «лапша». Очевидно, в старочувашском *яшка* также имело более узкое значение «лапшевник». Похлебки с домашней лапшой различных видов широко распространены у тюркоязычных народов и соседей.

41. Тюркские народы начиная с незапамятных времен и до нынешних дней добавляют в крепкий мясной бульон кислое молоко (*айран*) или кумыс. Эта традиция, впервые отмеченная Миллером, жива у чувашей до настоящего времени. Вообще в кухне чувашей сохранились сильные кочевнические традиции, неудивительно, что Миллер ни словом не обмолвился об овощных блюдах. Очевидно, в первой половине XVIII в. в чувашской кухне овощи занимали весьма скромное место.

42. ***Глухой тетерев*** — глухарь, полевой тетерев — тетерев, куропатка и т.п. дичь. Примечательно, что в жизни чувашей в XVIII в. охота и рыболовство занимали заметное место.

43. ***Лисьи черевьи*** — черевый мех, черевчатый — мех, от брюш-

ной части лисьей шкуры, ср.: «Черевьи меха легче и мягче, а хребтовые — гуще, пушистее и прочнее» (Даль, IV, 591).

44. ***Бельи*** — беличьи меха.

45. Г.Ф.Миллер весьма точно определил родственные отношения между перечисленными языками. Современная лингвистика подтверждает прозорливость Миллера. Миллер сумел сделать это важное открытие всего лишь за несколько недель общения с живыми носителями языков.

46. Заслуга Миллера велика и в определении диалектного членения чувашского, марийского и удмуртского языков.

Современная наука практически полностью придерживается этой системы.

47. ***Витзен — Николас-Корнелиссон Витсен*** (1641—1717) голландский юрист, впоследствии бургомистр Амстердама. В 1664 г. в составе голландского посольства прибыл в Москву, прожил там один год и в 1665 г. летом вернулся на родину. С помощью думного дьяка А.А.Виниуса, служившего переводчиком при Посольском приказе, Витсен собрал материал для своих будущих трудов. В 1692 г. в Амстердаме он издал книгу «Северная и Восточная Тартария» (2-е изд.—1705; 3-е изд. — 1785), в которой обобщил сведения по тюркским, финно-угорским, монгольским и другим восточным языкам. Для второго издания книги Витсен воспользовался лингвистическими материалами, собранными для него Российской Академией наук. В 1687 г. он издал «Новую карту Севера и Востока Азии и Европы». Следуя примеру своих предшественников Страленберга и Витсена, Г.Ф.Миллер собрал обширный языковой материал, а также предпринял перевод молитвы «Отче наш» на разные языки.

48. В настоящее время легенды о том, как их национальную книгу корова поела, выявлены у всех трех описываемых народов. Они часто встречаются в произведениях писателей. Выявлено также, что мифологический сюжет о корове, поевшей национальную книгу, распространен почти по всему Евразийскому континенту.

49. Времяисчисление и календарь у многих народов в старину считались священными и знание их было привилегией жрецов. Тайну календаря содержали в секрете и раскрывали не каждому соплеменнику. Известно, что у чувашей корректировкой календаря в високосные годы руководили жрецы, присматривающие за особо почитаемыми киреметищами. Видимо, руководствуясь этими соображениями, толмачи не решались раскрыть чужестранцу секреты календаря. Между тем первые сведения о чувашском календаре зафиксированы практически в то же время (1737—1738 гг.) в

анкете В.Н.Татищева, где, между прочим, записаны и названия месяцев (Димитриев, 1960, 280).

50. История народа также относится к сфере сакрального и держится в тайне от непосвященных. Многие авторы XVIII—XIX вв. сетуют на то, что чуваши, а также марийцы, удмурты и другие языческие народы понятия не имеют о своей истории. Однако дело обстоит совсем по-другому: знатоки священной истории держали ее в тайне от иноплеменников. Исторические предания и легенды не передавались и детям до достижения ими совершеннолетия. Не случайно также, почти все из опубликованных в XVIII—XIX вв. исторических преданий записаны природными чувашами: С.М.Михайловым, М.Ф.Федоровым, М.П.Арзамасовым и др.

51. Точное самоназвание марийцев не ***мори***, а ***марий***, что значит «мариец», а также «муж», «мужчина».

52. ***Иорнанд*** — точное название ***Иордан*** — готский историк и церковный деятель первой половины VI в. Главное его произведение — «О происхождении и деяниях гетов», в котором содержатся исключительно ценные сведения о гуннах, древних славянах, германцах, мордве, мере и других финно-угорских племенах Восточной Европы. Перу Иордана принадлежит и другое интересное произведение — «Римская история».

53. ***Плиний Старший*** — римский писатель, ученый и государственный деятель I в. н.э. Сохранился его труд «Естественная история в 37 книгах», завершенная в 77 г. Эта энциклопедия античных знаний содержит немало ценных историко-географических сведений.

54. ***Арамеи*** у Плиния — кочевые семитические племена, родиной которых является Аравийский полуостров. В XIV в. до н.э. арамеи проникли в Сирию, наводнили почти всю переднюю Азию. С рубежа новой эры под арамеями следует понимать коренное население Передней Азии, принявшее арамейский язык. Отдельные поселения с арамейским населением сохранились до наших дней в Сирии. Упомянутые Плинием арамеи никакого отношения к удмуртам не могли иметь.

55. Слово ***мурт*** в удмуртском языке имеет значения: «человек», «личность», «персона», «муж», «жених».

56. ***Дюч-мурт*** — в современной удмуртской орфографии *зуч мурт* «русский человек», где первый компонент *зуч* восходит к слову *рус*.

57. ***Музьем*** — в современной удмуртской орфографии ***музъем*** значит «земля», «почва», «грунт».

58. Чуваши, как и татары, называют удмуртов *арами (ар)*. Это слово скорее всего имеет булгарское происхождение. Булгарское *ар* (с ротацизмом) соответствует пермскому (древнеудмуртскому) *одо* «удмурт» (ср. древнетюрк. *адакъ* «нога» — чуваш. *ура* «нога»).

59. Современное чуваш. ***вырăс***. Слово восходит через среднебулг. *урăс* к древнебулг. *орус*. Этноним *рус* бузусловно был известен древним булгарам. В татарский, а также в другие тюркские языки это слово могло попасть только с начала второго тысячелетия н.э.

60. Г.Ф.Миллер верно подметил появление так называемого протетического *в-* (в других тюркских языках соответствующие слова начинаются с огубленных гласных), но не совсем верно объяснил природу этого явления. Чуваши не прибавляют согласный *в-* к татарским словам, он появляется только в начале исконно чувашских слов.

61. ***Сюеш*** — в современном марийском литературном языке утвердилась форма *суас* в значении «татарин», а форма *суасламары* — в значении «чуваш». Так марийцы называли как чувашей, так и казанских татар. Термином *суасламары* — букв. «мариец на чувашский лад», т.е. «очувашившийся мариец» — горные марийцы называют своих соседей — верховых чувашей. Казанские татары, как показывают исследования последних лет, образовались в результате ассимиляции местного булгаро-чувашского населения пришлыми кыпчаками в конце XVI—XVII вв. Русские источники вплоть до XVIII в. фиксируют в Предкамье и Заказанье «чювашей», которых марийцы и называли первоначально *суасами*. После ассимиляции булгаро-чувашей кыпчаками этноним *суас* по инерции стал означать татар. В марийском языке этноним *суас* (*сӱӓс, шӓӣ, сӓс*) является заимствованием из чувашского языка. Диалектные формы этого марийского этнонима явно показывают его старое звучание *çăвăç* «язычник» — из древнетюркского *йагъычи* «жертвоприноситель», от *йагъ-* «приносить жертву». Не следует путать это слово с древнетюрк. *йогъчи* «участник поминального обряда, плакальщик», от *йогъ* «поминальный обряд», откуда современное чуваш. *çăва* «могила».

В золотоордынский период на территории Среднего Поволжья появилось весьма пестрое в этническом и языковом отношении пришлое население (монголы, тюрки-кыпчаки, тюрки-огузы, ираноязычные персы и таджики, армяне, славяне, финно-угры и др.), основная масса которого была исламизирована. Местное сельское булгаро-чувашское население, придерживавшееся традиционных языческих верований, называло себя *çăваç*.

К концу золотоордынского периода местное булгаро-чувашское население впитало привнесенную золотоордынцами хорезмийскую культуру, о чем, в частности, свидетельствуют чувашские названия всего гарнитура одежды и украшений. Пришлое же население восприняло язык булгаро-чувашей, в пользу чего говорят языковые особенности булгарских этнографических памятников XIII—XIV вв. Таким образом, ко второй половине XIV в. основным признаком, различающим пришлое золотоордынское и местное булгаро-чувашское население на территории бывшей Волжской Булгарии, стала выступать религиозная принадлежность. По этому признаку местное булгаро-чувашское население называлось *çăваç*, и марийцы это восприняли как этническое название. А пришлое золотоордынское — *бесермен* (от арабского *муслимин*).

Окончательно этноним *чăваш* складывается в период Казанского ханства. Переселившиеся во второй половине XV в. в Среднее Поволжье кыпчаки восприняли термин *çăваç* «жертвоприноситель» в качестве этнического названия и, согласно произношению кыпчакского (татарского) языка, переделали его в *чăваш*. В такой форме это попало в чувашский и другие языки. В конце XIV в., в результате геноцида со стороны золотоордынских эмиров, булгаро-чувашей в Правобережье почти не осталось. Этой кучке чудом сохранившихся булгар волею судьбы было суждено стать основой нового двухмиллионного этноса, вошедшего в историю под именем *чăваш* — чуваши.

62. Современная мордва чувашей называет не ***въедене, а ветьке***. Впервые этот этноним зафиксирован в «Слове о погибели Русской земли», написанном после монголо-татарского нашествия 1237—1238 гг., но до 1246 г.

Наряду с черемисами (марийцами) и мордвой автор «Слова» упоминает малоизвестных буртасов и народ *вяда*. Их идентификация всегда вызывала у исследователей трудности. Под племенем *вяда* некоторые исследователи подразумевали вотяков (удмуртов) или одно из удмуртских племен — *ватка*. Однако с этим трудно согласиться. Автор «Слова» упоминает *вяда* между черемисами и мордвой. Поэтому под *вядой* следует разуметь чувашей, ибо мордва до сих пор называет их *ветьке*.

Это название отразилось на карте Московского государства начала XVII в., составленной голландским путешественником Исааком Масса. В.Н.Татищев писал, что «мордва чюваш... называют ветке» (Татищев, 1963, II, 201). Участник Академической экспедиции 1768—1774 гг. И.Г.Георги констатировал, что чувашей называет *видками*, а черемисы *курке марами*. В мордовском

фольклоре Чувашия именуется *Ветькень мастор* — «Чувашская земля». Следовательно, чуваши под мордовским названием *вяда* впервые упомянуты в первой половине XIII в.

63. Г.Ф.Миллер приводит чувашское название татар в верховой окающей форме, в литературном языке утвердилось низовая укающая форма — ***тутар***.

64. Удмуртское название татар ***бигер*** восходит к этнониму булгар. Первоначально этим именем удмурты обозначали булгаро-чувашей. После ассимиляции булгаро-чувашей кыпчаками и образования казанско-татарского этноса этноним *бигер* стал относиться к татарам.

65. Мордовский народ состоит из двух этнических групп — ***мокши*** (чуваш. *мăкшă*, марийск. *мокшо*) и ***эрзи*** (чуваш. *ирçе*). Ф.И.Страленберг мохшианами именовал бесспорно мокшан. Г.Ф.Миллер мокшу называет *макша*, эрзю — *эрзе*, а обоих вместе — *мордвой*, причем верно подчеркивает, что «они сами себя не называют мордвою».

66. ***Шавие-Болгар*** ошибочное написание татарского *Шәһре Болгар* — «город Булгар». Г.Ф.Миллер правильно указывает, что под этим названием следует подразумевать не город Казань, а «старинные Болгарские остатки», но надо заметить, что татары долгое время называли Казань «Новым Булгаром». Закамские чуваши развалины города Булгара также называют ***Шери-Пăлхар*** — «стольный град Булгар».

67. Казань татары называют ***Казан***. Однако между названием города и татарским словом *казан* «котел» нет никакой этимологической связи. Омонимичность этих различных по происхождению слов породило множество легенд. Одна из них объясняет происхождение названия *Казан* от золотого котла *(казан)*, который якобы упал в реку Казанку на том месте, где была построена Старая Казань (в 45 км от современной). На самом деле название города Казани происходит от имени ее основателя — булгарского князя Хасана, жившего во второй половине XIV в. После разгрома Булгарского улуса Золотой Орды эмиром Булат Тимуром в 1361 г. булгарские князья Хасан и Мухаммед Султан переправились через Каму и укрылись в Заказанье, где и основали город, получивший впоследствии название *Казань* (чуваш. *Хусан*). В 1437 г. Старая Казань была взята Улуг Мухаммедом и после образования в 1445 г. Казанского ханства вскоре была перенесена на современное место близ устья Казанки.

68. В современном марийск. ***Сийа, Сӱ̈ä*** — «река Свияга», ***Сийа ола, Сӱ̈ä ола*** — «город Свияжск».

69. В современном марийск. произношении ***Вӱрзым*** — «город Уржум» (на реке Вятке).

70. В современном марийск. встречаются варианты ***Ӱпӧ, Ӱпӧн, Ӱпэн, Ипон ола*** — «город Уфа», ***Ӱпӧ вӱд*** — «река Уфимка»; ср. чуваш. *Ĕпхӳ*.

71. Современное чуваш. ***Сĕве*** — «город Свияжск», «река Свияга».

72. Современное чуваш. ***Шупашкар,*** верх. ***Шопашкар***, ср. также марийск. *Шавашэнгӹр, Шовашэнгер, Шобашэнгер, Шапшэр, Шопшэр, Шовашэнгер* и т.д. — «город Чебоксары» (из марийск. *шовакш, шоваш* «кадушка» и *энгер* «речка»).

73. Современное чуваш. ***Какшан*** «Кокшага» (река) и «Кокшайск», *Какшамар* — «Кокшайский мариец».

74. Современное чуваш. *Шуҫăм, Çиҫĕм* — «река Шешма», «села Старошешминск и Новошешминск».

75. Город Козьмодемьянск по-чувашски называется ***Чикме*** или ***Чикме хули***. У Г.Ф.Миллера, очевидно, опечатка.

76. В современной чувашской орфографии ***Çĕрпӳ*** — «город Цивильск» (от *çĕр* «сто» и *пӳ* «князь»), то есть «город сотского князя», первоначально — «деревня сотника». История сохранила и имя последнего чувашского сотского князя, жившего на месте будущего Цивильска — Пулат.

77. Современное чуваш. ***Сук*** — «село Сергиевск» Самарской области; «река Сок».

78. Современное чуваш. ***Ĕпхӳ*** — «город Уфа»; транскрипция Г.Ф.Миллера скорее всего отражает старочувашскую форму *Ӳпхӳ;* ср. татар. *Өфө*, башкир. *Өфө*.

79. ***Хлынов, Вятка*** — старые названия города Кирова.

80. Марийск. ***Науград*** и татар. ***Наукрад***, в современном произношении ***Нократ***. Названия, зафиксированные Г.Ф.Миллером, свидетельствуют, что это название происходит не от татарского слова *нократ* «старинная монета», «серебро» (из арабского через персидский), а восходит к русскому Новгород, так как город Хлынов, позднее — Вятка, с 1934 г. Киров — основан новгородскими ушкуйниками.

81. Марийск. ***Науград-Вич*** (вернее — ***Наград вӱд***), татар. ***Наукрад-Идель*** (сейчас пишут ***Нократ Иделе***), а также чуваш. ***Нухрат Атăл*** буквально означают «Новгородская река».

82. В современных словарях удмуртского языка слова ***кам*** в нарицательном значении нет, но в староудмуртском слово *кам* означало «река». Впоследствии это слово перешло в разряд гидронимов. Аналогичный путь развития прошли чуваш. *атăл* и

татар. *идел* — первоначально «большая река», затем название реки Волги и его основных притоков.

83. В современном марийск. в значении «река», «вода» употребляется слово ***вӱд.*** Приведенные Миллером фонетические варианты отражают диалектное произношение.

84. В современном татар. слово ***идел*** в значении «река» употребляется редко, оно встречается главным образом в составе гидронимов.

85. В современной удмурт. орфографии ***Бадзым кам*** «Большая река», обычно Каму удмурты называют просто ***Кам*** или ***Кам шур.***

86. Сейчас марийцы реку Каму называют *Чолман* или *Чолман вӱд.*

87. Татары реку Каму начиная от истоков и до слияния с Белой называют ***Чулман, Чулман иделе, Чулман суы.*** Чувашские гидронимы *Чулман, Чулман Атăл, Чулман шывĕ* также служат названием верхнего течения Камы до слияния с Белой, хотя в последнее время этими названиями стали обозначать Каму в целом.

88. ***Алем*** — скорее всего опечатка вместо правильного тюрк. *Ăдил* — «Волга», «большая река».

89. ***Этет*** — очевидно, ошибка, следует читать ***Этел*** — название реки Волги, фонетический вариант *Ăдил.*

90. ***Эчиб*** — очевидно, ошибочное написание или опечатка вместо правильного ***Эчил***, ср. современное калмыцкое название Волги *Ижл* (старокалм. *Ижил, Эжил*).

91. В современной чуваш. орфографии ***Атăл.***

92. В современной чуваш. орфографии ***Аслă Атăл*** букв. «Великая Волга», т.е. вся река Волга в целом. Болгаро-чуваши под названием *Аслă Атăл* подразумевали в совокупности реку Белую, нижнее течение Камы и нижнее течение Волги. В недавнем прошлом верхнее и среднее течение Волги от истоков до слияния с Камой чуваши считали притоком Большой Волги и называли его *Хура Атăл* — «Черная Волга», а нижнее течение — *Кăвак Атăл* — «Голубая Волга», так как в устье Камы воды «Черной Волги» разбавлялись водами «Белой Волги», то есть Камы.

93. Правильно — ***Шурă Атăл*** — «Белая Волга». Под этим названием чуваши еще с булгарских времен объединяли реку Белую и нижнее течение Камы, начиная с места слияния с Белой и до впадения ее в Волгу.

94. «С западной стороны» — то есть с правой.

95. Современное чуваш. ***Шуршу*** — название речки Белая Волжка (Беловолочка), правого притока Волги; оно же — общее название ряда селений Козловского района.

96. В современной марийск. орфографии ***Юл*** «Волга».

97. Волга называется ***Рав, Раво*** в эрзянском и ***Рава*** в мокшанском; как и в других языках Поволжья, название Волги в мордовских языках имеет также нарицательное значение «большая река».

98. ***Птолемей Клавдий*** — древнегреческий астроном, математик и географ, создатель геоцентрической системы мира. В труде «География» дал сводку географических сведений античного мира и привел координаты около 8000 различных географических пунктов. Карта Птолемея простирается от Канарских островов и Исландии на Западе до Восточной Азии на Востоке.

99. ***Радес*** — у Птолемея название Волги приведено в форме ***Ра***; исследователи сравнивают его с авестийским *Рангха*, древнеиндийским *Раса* и другими индоевропейскими соответствиями. *Ра* — самое древнее из названий Волги.

100. ***Юмо*** — марийское название Бога, букв. «(обожествленное) небо».

101. ***Зилантьев (Зилантов) монастырь*** в Казани, который посетил Миллер в 1733 г. В то время в монастыре размещалась духовная семинария, где обучались чувашские, марийские, мордовские, калмыцкие и татарские мальчики.

102. Чуваш. ***Турă*** «Бог» вне всякого сомнения происходит от пратюрк. *Тангри* «небо», «божество». Сходство между чувашским *Турă* и германо-скандинавским *Тор* плод чистой случайности.

103. Скорее всего опечатка вместо правильного ***Хородон.*** У верховых чувашей в прошлом широкой популярностью пользовался киреметь *Хура-Тăван* (варианты: *Хора Тăван*, *Хоратан*, *Хоратоан* и т.п.), около села Ильинки Моргаушского района. Из материалов экспедиции известно, что Г.Ф.Миллер и И.Г.Гмелин вместе с переводчиком, слугами и солдатами, из которых двое были чувашами, в районе Ильинской Пустыни (ныне село Ильинка) на правом берегу Волги посетили киреметище и наблюдали жертвоприношение по старинному чувашскому обычаю. Судя по всему, участники экспедиции побывали на знаменитом Ильинском киреметище *Хура Тăван* (или *Хоратоан, Хоратан*).

104. Г.Ф. Миллер здесь впервые подметил, что у народов Поволжья имелась строгая и достаточно сложная иерархическая система Киреметей. По его наблюдениям, у чувашей, марийцев и удмуртов были семейно-родовые, сельские и общинные киреметища.

105. Вероятнее всего *Кукарка*, теперь город Советск Кировской области.

106. В современном марийск. орфографии ***мужан, мужанче*** «ворожея», «гадалка» (от *мужан* «ворожба»).

107. В современной чуваш. орфографии ***юмăç*** «знахарь», «знахарка», «ворожея», «гадалка».

108. В современной удмурт. орфографии ***тупо***, а также ***тунопеллё***, ***туночи*** «гадалка, ворожея, знахарка».

109. ***Абыз*** — русск. *абыс, абыз* «мулла, татарский священник» (из арабского через тюркско-татарское посредство).

110. Священная книга мусульман ***Коран***.

111. Чуваши, проживающие в соседстве с татарами, в случае болезни кого-нибудь из членов семьи приглашали татарского *муллу* или *абыза* для чтения Корана.

112. ***Юктюч*** — в доступных словарях марийского языка похожего слова мы не нашли. Очевидно, оно происходит от марийского *йӱк* «голос», «звук», *йӱктеш* «читать» и буквально означает «чтец (молитв)».

113. В октябре чуваши проводили обряд освящения нового урожая ***чӳклеме,*** символизировавший связь между старым и новым урожаем. До проведения этого обряда нельзя было употреблять в пищу хлеб нового урожая. Ф.И.Страленберг имел в виду именно этот обряд.

114. Г.Ф.Миллер упоминает здесь о своем пребывании на Ильинском киреметище *Хура Тăван* (см. примеч. 103).

115. В современной чуваш., орфографии ***Турă, çырлах. Турă патăр.*** — «Боже, помилуй. Дай, Боже».

116. В современной чуваш. орфографии ***Турă патăр выльăх, Турă патăр хĕр-ывăл*** — «Да подаст Бог скота, да подаст Бог детей».

117. Голову, ноги и хвост жертвенного животного чуваши оставляли вместе со шкурой и вывешивали на дерево, посреди киреметища, головой на восток. Кости, оставшиеся после ритуальной трапезы, обычно сжигали тут же на костре, полагая, что вместе с дымом жертвенное животное возносится к Богу. Так что в определенной мере правы оба исследователя. Описанный Г.Ф.Миллером чувашский обряд жертвоприношения идентичен обряду сибирских тюрок, бурят и уходит своими корнями в глубокую старину.

118. Соответствует современному марийск. ***кудыводыш***, ***кудывадыж***, «дух шалаша» (от *кудо* «лачуга», «шалаш», «летняя кухня», «усадьба», «двор» и *водыж* — название низшего божества), то есть «дух-хозяин двора», «дворовый дух».

119. Описанные Г.Ф.Миллером знаки являются родовыми тамгами или знаками собственности. Чуваши называли их *тăмха* «тамга» или *ана палли* «полевой знак», «полевая метка».

120. В случае гибели первенцев последующим детям чуваши давали имена по названиям животных, птиц и даже деревьев, например: *Курак* «грач», *Шăнкăрч* «скворец», *Упи* «медведь», *Юман* «дуб» и т.п. Подобные «имена» были ложными, заменяющими настоящие, чтобы уберечь младенца от козней злых духов. Такие подставные имена собственно антропонимами не являются, и тонкое замечание Г.Ф.Миллера заслуживает внимания.

121. В современной орфографии: татар. ***калым,*** марийск. ***олно, олын*** (из чуваш.), чуваш. ***хулăм укçи, хулăм,*** удмурт. ***калым*** (из татар.).

122. В современной чуваш. орфографии обычно пишется ***саламалик*** — традиционная восточная форма приветствия, восходящая к арабскому благопожеланию *ас-саляму алейкум* «Мир над Вами!»

123. У чуваш до сих пор бытует поговорка: *«Вилнĕ çынна виçĕ хăма çеç кирлĕ».* — «Усопшему достаточно трех досок». Имеются и другие записи, подтверждающие отмеченный Г.Ф.Миллером факт. Вместе с тем немало свидетельств и того, что чуваши до появления продольных пил хоронили усопших в долбленых гробовищах.

124. Речь идет о гуслях.

125. ***Гусли*** — в современном татар. *гөслә.*

126. ***Кюсле*** — в современном марийск. ***кӱсле*** «гусли».

127. ***Гюссле*** — в современном чуваш. ***кĕсле*** «гусли».

128. В современном удмурт. ***крезь*** «гусли».

129. В современной татарской орфографии ***сорнай*** (ср. чуваш. *сăрнай*, от *сор* «рог» и *най* «камыш», «свирель») — род волынки, зурна; а также «трехструнный щипковый музыкальный инструмент».

130. В современном марийск. ***шӱвыр*** «пузырь, волынка».

131. В современном чуваш. ***шăпăр*** (ср. тюрк. *сыбыз*, монгол. *шуур* «духовой музыкальный инструмент») «пузырь, волынка».

132. В современном марийск. ***ковыж*** «губной музыкальный инструмент», «марийская скрипка-долбленка».

133. В современной чуваш. орфографии ***купăс*** «скрипка»; *тута купăс* «варган»; *хăма купăс, сĕрме купăс, сĕркĕч купăс* «скрипка»; *хут купăс* «гармошка», «гармонь».

134. В современной удмурт. орфографии ***ымкрезь*** «губная гармонь», «дудка».

ПЕТР-СИМОН ПАЛЛАС

(1741—1811)

П.-С. Паллас. Литография XIX в.

Петр-Симон Паллас — знаменитый русский естествоиспытатель и путешественник, академик и профессор натуральной истории Санкт-Петербургской академии наук, член многих отечественных и зарубежных научных обществ, Лондонской и Римской академий наук. Родился 22 сентября 1741 г. в Германии, в семье профессора медицины. Отец Петра-Симона, по отзывам современников, был хорошим практическим врачом, своего сына он хотел видеть тоже медиком.

Первоначальное образование Петр-Симон получил дома. Отец

обращал особое внимание на иностранные языки, и будущий ученый, кроме родного немецкого, с детских лет изучал латынь, французский и английский языки. Затем Петр-Симон обучался в гимназии и уже с тринадцати лет начал посещать лекции в Берлинской медико-хирургической коллегии, где преподавали крупнейшие медики и естествоиспытатели того времени.

У Палласа рано пробудился интерес к научной работе. Еще гимназистом он проводил ряд наблюдений над некоторыми насекомыми, ставил опыты с ними. Тогда же разработал оригинальную систему классификации пернатых по форме клюва. Уже тогда проявилась самостоятельность мышления будущего ученого.

Но вот разразилась Семилетняя война 1756—1763 гг., и военные действия приблизились к Берлину. В 1760 г. Берлин на короткое время был оккупирован войсками противников Пруссии. В это неспокойное время отец отправил сына продолжать образование в город Галле, затем перевел в Геттинген и, наконец, в Голландию — в старинный университетский город Лейден. В Лейденском университете Паллас написал и успешно защитил диссертацию «О врагах, живущих в теле животных», в которой описал строение и образ жизни паразитических червей. В этой диссертации и других последовавших за ней работах П.-С.Паллас исправлял ошибки К.Линнея в систематизации класса червей. А ведь молодому естествоиспытателю было тогда всего 19 лет!

После защиты диссертации П.-С.Паллас едет в Англию. Отец наказывал ему ознакомиться с деятельностью известных лечебниц, но молодой ученый большую часть времени посвящал общению с английскими натуралистами и изучению их богатых коллекций. Чтобы лучше ознакомиться с морской флорой и фауной, Паллас совершил ряд поездок на морское побережье, собирал коллекции и составлял описания морских растений и животных.

Отец всячески стремился, чтобы Петр-Симон связал свою жизнь с медициной, врачебной практикой, но юноша к этому занятию особой склонности не чувствовал, его влекло к себе естествознание, или, как ее тогда называли, «натуральная история». В эту область тогда входил обширный комплекс наук о природе — география, геология, зоология, ботаника и др. В их цели входило изучение происхождения, закономерностей развития и существования природы, систематика животного и растительного мира. По широте интересов, по характеру и душевным склонностям, обширным знаниям и методам работы П.-С.Паллас представлял собой классическое воплощение энциклопедизма, характерного для крупнейших ученых XVIII в.

Чтобы воплотить свои мечты в жизнь, П.-С.Паллас уезжает в Голландию, где ему выхлопотали место прусского резидента в Гааге. В то

время в Голландии естественные науки пользовались большим уважением. Голландия была крупной колониальной державой, связанной с разными частями света. Именно это и привлекало П.-С.Палласа — он давно хотел совершить путешествия в такие отдаленные страны, как Америка и Индия. Он поставил целью изучить природу отдаленных стран, их растительный и животный мир, а также быт туземных народов. Он нашел поддержку со стороны некоторых ученых и влиятельных лиц, среди которых особо следует отметить могущественного принца Оранского. Молодой ученый пробыл в Голландии три года, но осуществить мечту о путешествии не смог и вернулся в Берлин.

За время пребывания в Голландии П.-С.Паллас написал ряд работ по зоологии, среди которых особенно интересным был его труд, посвященный описанию кораллов и губок. До этого они считались растениями, а П.-С.Паллас доказал их принадлежность к царству животных. П.-С.Паллас выступает сторонником эволюционной теории развития жизни на Земле, и его по праву считают одним из предшественников Ч.Дарвина. Благодаря этим работам П.-С.Паллас приобрел европейскую известность. Но у себя на родине он не имел ни средств, ни возможностей для успешного продолжения научной деятельности.

В 1766 г. П.-С.Паллас женился. В том же году он получил извещение о том, что избран академиком и профессором натуральной истории Санкт-Петербургской академии наук, и высочайшее приглашение от имени Екатерины II приехать на постоянную работу в Россию.

В июне 1767 г. П.-С.Паллас с женой выехал из Берлина и 30 июля прибыл в Санкт-Петербург. Через неделю Паллас заключил официальный контракт, в котором был пунктуально определен круг его обязанностей: «Во время его при Академии наук службы обещается он ревностно стараться исправлять касающиеся до его профессии должности, изобретать нечто новое в своей науке, подавая со временем сочинения для Академических комментарий и обучать в своей науке определенных к нему учеников или студентов верно; сверх того быть ему при Академическом натуральном кабинете и стараться умножить оный достойными вещами».

В то время Санкт-Петербургская академия наук готовила большую экспедицию. Сразу же после приезда в Россию П.-С.Паллас стал руководителем одного из его отрядов.

Санкт-Петербургская академия наук с первых лет своего существования ставила перед собой задачу организации экспедиций в различные области России для разнообразных исследований. Так, в 1727—1730 гг. была осуществлена первая академичесная экспедиция в Архангельск и на Кольский полуостров. Академия наук принимала самое активное участие в Первой Камчатской экспедиции Витуса

Беринга, состоявшейся в 1725—1730 гг., была организатором Второй Камчатской экспедиции, осуществленной в 1733—1743 гг. Затем последовал еще целый ряд экспедиций. Подготовка к астрономическим и «физическим» экспедициям ко времени приезда Палласа в Санкт-Петербург была в полном разгаре. В разработке маршрутов и плана исследований принимали участие Географический департамент академии наук и другие академические учреждения, были запрошены и представили свои соображения Вольное экономическое общество, Медицинская коллегия, Берг-коллегия и Коммерц-коллегия. Если вначале главной целью экспедиции были определены астрономические наблюдения, то впоследствии цели экспедиции были значительно расширены. На первый план выдвинулись задачи комплексных географических исследований. Одним из важных мероприятий академии наук было проведение наблюдений над ожидавшимся 3 июня 1769 г. прохождением Венеры перед солнечным диском. Но, кроме чисто астрономических наблюдений, на экспедицию была возложена задача производить разносторонние географические и естественнонаучные изыскания. Правительство было заинтересовано прежде всего в получении сведений, необходимых для практического использования в административной и хозяйственной деятельности. В соответствии с этим были выбраны наиболее важные в хозяйственном отношении губернии — Казанская, Оренбургская, Астраханская.

Экспедиция состояла из пяти отрядов, которые работали вполне самостоятельно. Для всех была составлена общая инструкция, определявшая задачи и содержание работ.

К весне 1768 г. отряды академических экспедиций были укомплектованы. Шесть астрономических отрядов отправились специально для наблюдения Венеры, пять географических были поделены на три Оренбургских и два Астраханских, хотя их деятельность отнюдь не ограничивалась этими географическими рамками.

Во главе Первой Оренбургской экспедиции стоял П.-С.Паллас; с ним ездили и много сделали самостоятельно капитан Н.П.Рычков, сын Петра Рычкова, «гимназисты» Василий Зуев и Никита Соколов.

Второй Оренбургской экспедицией руководил И.И.Лепехин, одним из его помощников был «гимназист», в будущем — академик Николай Озерецковский.

Третьей Астраханской экспедицией руководил Самуил Гмелин — племянник И.Г. Гмелина.

Четвертая Астраханская экспедиция возглавлялась Иоганном Гильденштедтом.

Пятая экспедиция называлась тоже Оренбургской, ею руководил сначала Иоганн Фальк, а позже, в связи с его болезнью, Иоганн Готлиб

Георги. При каждом из руководителей было по нескольку помощников, главным образом из числа «гимназистов», некоторые из них оказались вполне зрелыми самостоятельными исследователями. Экспедиции отправлялись на три-четыре года.

Отряд П.-С.Палласа в Оренбургской экспедиции считался основным, а он сам по существу являлся общим руководителем всей экспедиции, так как И.И.Лепехин по ученому званию был младше его, а у И.П.Фалька, хотя и имевшего звание профессора, уже в то время обнаруживались первые признаки болезни. П.-С.Паллас составляет обстоятельный «Генеральный план путешествия» Оренбургской экспедиции и намечает маршруты всех трех отрядов на каждый год, с 1768 по 1772 гг. Маршрут первого года охватывал Поволжье от Симбирска до Царицына и далее до Гурьева, второго года — «Восточные берега Каспийского моря и степи по ту и по сю стороны Яика», третьего года — Уральские горы, реку Белую и Шетскую провинцию. В маршрут четвертого отряда входили Иртыш и Тобол, а также «вся страна между Уфой и Чусовою и горы между Екатеринбургом и Соликамском». В заключительный год на обратном пути планировалось обследование области «между Камой, Вяткой и Волгой... Казанью и Нижним Новгородом».

Выезд первых двух отрядов из Санкт-Петербурга П.-С.Паллас назначил на июнь. В начале июня тронулись в путь экспедиции И.И.Лепехина и И.А.Гильденштедта, вслед за ними выехал из Санкт-Петербурга и отряд самого Палласа. Он представлял внушительное зрелище: сам руководитель ехал с женой в профессорской карете, за ним следовали кибитки с гимназистами, рисовальщиком, чучельником, стрелком и кухаркой; подводы с научным оборудованием и личным имуществом путешественников.

Из Петербурга путь экспедиции лежал в Москву, где ее участники встретились с академиком Г.Ф.Миллером — участником Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. Он многое рассказал Палласу о своем путешествии, о народах Поволжья, о Сибири. Далее через Владимир, Касимов, Муром, Арзамас, Саранск и Пензу экспедиция направилась в Симбирск. П.-С.Паллас торопился, надеясь еще в теплое время года добраться до Среднего Поволжья, откуда, собственно, должно было начаться его выполнение программы исследований. В «Генеральном плане путешествия» он определял для себя на первый сезон следующий район обследования: «Между Симбирском и Сызранем, также между Симбирском и Самарою лежащую по реке Волге страну примерно рассмотрит; а из Самары вдоль по реке Самаре до Борской или Сарочинской крепости проедет». В Самаре планировалась встреча с отрядом И.И.Лепехина, а затем предполагался путь вдоль Волги через Саратов до Царицына и далее — до пункта зимовки.

В Симбирск отряд П.-С.Палласа прибыл в конце сентября. Дороги развезло, обоз еле плелся. В день прибытия в Симбирск разразилась настоящая буря, продолжавшаяся двое суток. Затем наступили ясные дни, и путешественники, переправившись через Волгу, двинулись через Закамские степи в направлении Самары, обследуя по пути земли вдоль Черемшана. Там обитали татары, мордва, но чаще всего попадались чувашские деревни. Несмотря на погодные условия, Паллас нашел возможность познакомиться с бытом и культурой местных народов. Как естествоиспытатель, он уделял большое внимание описанию растительного и животного мира, почв, полезных ископаемых, домашних животных и способов ухода за ними, лекарственных растений и народных приемов изготовления лекарств и их использования.

За короткий срок были собраны ценные материалы по самым различным сторонам быта и культуры чувашского и других народов Поволжья. В их числе — богатейшая коллекция одежды и украшений. Ныне она хранится в Государственном этнографическом музее. Это самая ранняя коллекция чувашской, мордовской, татарской и др. одежды, сохранившаяся до наших дней.

Предметы, собранные участниками академической экспедиции 1768—1774 гг., явились первыми экспонатами, показывающими одежду чувашей, марийцев, мордвы, татар, башкир и других народов России, они служили и служат неоценимым фактическим материалом для этнологии. Сегодня значимость этих предметов возрастает еще больше, так как они являются образцами наиболее старинных вышитых изделий, дошедших до наших дней. К сожалению, не все предметы коллекции Палласа сохранились. Из вышитых предметов, собранных среди чувашей, до нас дошла только одна женская рубашка.

Академия наук, деятельность которой была связана с Кунсткамерой, высоко оценила собирательскую и музейно-экспозиционную работу П.-С.Палласа, и в 1778 г. он был награжден большой золотой медалью.

Ценнейшие наблюдения и ряд уникальных зарисовок, относящихся к общественному устройству, семейным обычаям, бытовым обрядам, материальной культуре чувашей и других народов, обобщены и представлены в труде П.-С.Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи», в котором также использованы наблюдения В.Ф.Зуева и Н.Соколова. Этот труд составлен в форме путевого дневника, в котором по ходу маршрута описываются встречающиеся города и селения.

В этом сочинении П.-С.Палласа содержится описание этнокультурных особенностей закамской (причеремшанской) группы низовых чувашей. Читатель может в нем найти сведения об «обыкновенном одеянии чувашского женского пола», «одеянии девиц», «мужской одежде», описания внешнего облика, жилищ, праздников и обрядов, религиозных верований и

божеств, свадебных обычаев и т.д. Паллас одним из первых отмечает наличие двух этнографических групп чувашей — «вireял» и «хирдиял». К сожалению, многие уникальные заметки П.-С.Палласа кратки и подчас фрагментарны. Это объясняется тем, что ухудшающаяся осенняя погода заставляла экспедицию спешить. В начале октября отряд Палласа уже вступает в пределы Оренбургской губернии и на неделю останавливается в большом селе Спасское — родовом имении П.И.Рычкова, автора «Топографии Оренбургской губернии» и «Истории Оренбургской». Здесь Палласа поджидал участник экспедиции Н.П.Рычков — сын П.И.Рычкова. Н.П.Рычков был великолепным знатоком Оренбуржья, и Паллас не мог не воспользоваться его ценными советами.

Из Спасского путь экспедиции лежал к верховьям рек Сок, Кинель и Самара, где отряд в основном занимался естественнонаучными исследованиями. Так, Паллас посетил известный нефтяной ключ в верховьях реки Байтуган. Кстати, в этом районе находится чувашская деревня Байтуганово (чуваш. *Пайтукан пуç*). К нефтяному ключу повел его проводник-чуваш, который рассказал , что ключ не замерзает даже в сильные морозы, а нефть из него считается целебной. П.-С.Паллас тщательно описал этот источник, взял пробы нефти. Далее он объездил серные источники при речке Шумбуте и ее притоках. Эти записки Палласа были первыми сведениями, указывающими на наличие нефти в Среднем Поволжье.

Наступила зима. Паллас решил остановиться на зимовку и направился в Симбирск. Зимнее время он употребил на приведение в порядок своих записей, а также описание местного края. Особенно привлекали его развалины Булгар — бывшей столицы Волжско-Камской Болгарии, до тех пор никем из ученых как следует не описанной.

К сожалению, П.-С.Паллас попал в Булгары в весьма неудобное для наблюдений время — в начале зимы. Деревня Булгары разочаровала его: сотня домов посреди открытого места не представляла ничего примечательного. За деревней расстилалось поле, обнесенное валом и рвом. Древние постройки помещались внутри вала. Дул пронизывающий ветер, все было покрыто глубоким снегом. Тем не менее П.-С.Паллас обошел все строения, пробрался внутрь полуразрушенных зданий и обследовал их, на намогильных камнях старого кладбища обнаружил много любопытных надписей, сделанных арабским письмом. Были произведены замеры сохранившихся зданий, рисовальщик Н.Дмитриев зарисовал контуры главных сооружений, дополнив воображением то, что скрывалось под снегом. Несмотря на стужу, их окружала толпа сельчан, которые рассказывали исследователям о местных достопримечательностях.

П.-С.Палласу удалось сделать ценные наблюдения и зарисовки памятников булгарской старины. Эти научные сведения являются самыми ранними, они содержат описания и рисунки ряда не сохранившихся до наших дней памятников, в том числе таких значительных, как «Четырехугольник», «Большой минарет», «Белая палата» и ряд других. Так, Паллас сообщает: «...есть в неправильном четырехугольнике развалины большого каменного здания с толстыми углами, которое, может быть, представляло большую мечеть. Сие здание состоит из неровных худо отесанных, но весьма плотно складенных, известковых, дресвяных, диких и гипсовых камней, которые уповательно браны в гористом береге Волги...» Паллас фиксирует также размеры вала и рва городища: «Вал длиною по крайней мере на шесть верст», а ров при Палласе, «хотя и засыпался, однако в ширину до трех сажен».

Описывая так называемый «Большой минарет», Паллас пишет, что внутри подворья Успенского монастыря «знатнейшая ... башня или мизгирь сделана из отесанных камней несколько выше 12 сажен по такому образцу и пропорции, как она представлена на шестой таблице под буквою *А*, и ныне цела стоит. На оную всходят по круглой лестнице о 72 ступенях, из коих каждая в парижский фут вышиною. Сию лестницу совершенно починили и башню покрыли деревянною крышкою, на которой внутри находится новая арабская надпись. Двери в башню сделаны на полуденной стороне и видны в стене большие железные крючья, на которых дверь висела. В стенах башни оставлены небольшие скважины, в которые свет проходит, и потому видно ходить по лестнице... Башня стоит в северозападном углу... четвероугольника».

Памятник этот обрушился еще в 1841 г., а материал его был быстро растащен местными жителями. Поэтому описание, сделанное Палласом, и прилагаемый рисунок представляют огромный научный интерес. То же следует сказать о подробном описании грандиозной «Белой палаты». П.-С.Паллас фиксирует «Белую палату» не только в тексте, но и в рисунке и чертежах: приводятся «чертеж основания» (план) и «прорез строения» (разрез). До наших дней сохранились только фундамент и подземные помещения «Белой палаты», поэтому описания, рисунки и чертежи П.-С.Палласа представляют исключительную ценность.

Во время работы на Булгарском городище Паллас разузнал от местных жителей, что в окрестных полях в былые времена находили разнообразные металлические украшения и поделки, в том числе золотые и серебряные, а также старинные монеты, что ребятишки и ныне находят медные и железные побрякушки. Палласу принесли несколько таких находок, и он их купил, но при этом остался в уверенности, что наиболее ценное ему не показали. И он с горечью запи-

сал в дневнике: «Какое множество здешних достопамятных вещей уже рассеяно и попалось не в настоящие руки!» Как истинный ученый, понимая огромную значимость этого исторического памятника, П.-С.Паллас не мог удовлетвориться обследованием Булгарского городища. «По причине жестокой стужи и нарочито глубокого снегу, — писал он с досадой, — невозможно было осмотреть и описать все подробно... Сие место, конечно, того достойно, чтобы еще посетить летним временем и точно оное изобразить на бумаге». Ученые, тем не менее, вернулись в Симбирск с довольно богатым материалом. За зиму были еще обследованы окрестности Симбирска. В конце февраля П.-С.Паллас послал часть отряда в Самару, а 10 марта выехал туда и сам.

Начался второй год экспедиции. Ее руководитель с удовлетворением записал в своем дневнике: «В приятное весеннее время имел я в апреле-месяце удобный случай осмотреть сию изрядную страну». Объехав окрестности Самары, Паллас 3 мая предпринял более далекую поездку — выехал в Сызрань. На пути, в мордовской деревне, он стал свидетелем старинной свадьбы и наблюдал красочный обряд приезда невесты в дом жениха.

Из Самары П.-С.Паллас отправил большой обоз через Калмыцкую степь к Яицкому городку, а сам с малым обозом поехал вдоль Самарской укрепленной линии в сторону Оренбурга. В Бузулукской степи ему удалось встретить диких лошадей, которых татары ловили на мясо. Оказывается, в степях еще во второй половине XVIII в. можно было встретить диких лошадей.

Из Оренбурга П.-С.Паллас совершил несколько поездок по окрестным местам — к Илецким соляным заводам, в Орскую крепость и даже за пятьсот верст — в Гурьев. В конце июля Паллас выехал к низовьям Яика, он спешил попасть в Яицкий городок. На степных дорогах он встречался с башкирами, калмыками, «киргизами» (так тогда называли казахов). «Киргизы» приняли гостей дружелюбно, угостили кумысом, «которого не можно выпить одну чашку, чтобы не почувствовать в голове хмелю».

Верст за тридцать до Гурьева П.-С.Палласа встретил И.И.Лепехин, который приплыл на двух лодках по Яику. В Гурьеве находились и астрономические экспедиции профессора Ловица и поручика Эйлера. Вместе с Эйлером Паллас ездил на Каменный остров в Каспийском море, записал сведения о колебаниях уровня Каспия. В середине сентября Паллас со всем караваном двинулся из Яицкого городка на зимовку в Уфу.

За два года работы отряды академической экспедиции представили в академию наук большое количество разнообразных материалов. Их ценность была ясна всем, но Екетерине II хотелось получить международное признание успешности экспедиций.

Поэтому в конце 1770— начале 1771 гг. директор академии наук граф В.Г.Орлов рассылает руководителям всех отрядов письма с требованием представить подготовленные к публикации описания пройденного маршрута.

В феврале 1770 г. П.-С.Паллас начал подготовку к изданию своих записей за два года и закончил эту работу в конце апреля. Вышедшая в том же году его книга «Путешествие по разным провинциям Российской империи» заключала в себе более шестисот страниц самого описания путешествия и сто с лишним страниц «Прибавления», содержащего описания животных, птиц, насекомых и растений. «Путешествие» Палласа представляет собой непосредственные свидетельства ученого-очевидца, зафиксированные в тот же день. Обрабатывая полевые записи для книги, он исправлял лишь стиль, сохраняя неизменными порядок повествования, и фактический материал. Точность и правдивость описаний Паллас считал главным условием научной работы, без чего труд просто перестает быть научным.

Путешествия П.-С.Палласа продолжались и в последующие годы. В 1771 г. его маршруты в основном пролегали по Уральскому хребту, захватывая в основном Уфимскую губернию и Исетскую провинцию. В Исетскую провинцию в то время входила обширная область между Уралом и Обью — Челябинск, Екатеринбург, Верхотурье, Тюмень, Тобольск. В Приуралье П.-С.Паллас в основном посещал металлургические заводы. В течение 1772 г. Паллас много ездил по Сибири. Маршрут его путешествий простирался от Томска через Красноярск до Иркутска, Читы и Забайкалья; экспедиция дошла до Кяхты — центра русско-китайской торговли. Из Селенгинска Паллас совершил поездку по Нерчинской дороге до Даурии, побывал на бурятских стойбищах.

После выполнения плана поездок по Южной Сибири П.-С.Паллас в январе 1773 г. отправился в Санкт-Петербург. Обратный путь из Сибири по Каме, Уралу, Прикаспийской низменности, нижней и средней Волге занял у него целый год. Ученый не мог просто ехать по дороге, он был пытливым наблюдателем до последнего дня путешествия — 30 июля 1774 г.

Последующие 20 лет П.-С.Паллас прожил в Санкт-Петербурге. На основе своих полевых записей и коллекций он написал большое количество трудов по зоологии, энтомологии, ботанике, географии, этнографии и истории. Паллас становится одной из значительнейших фигур европейской науки. Он пользовался признательностью и уважением самой Екатерины II. Среди членов Санкт-Петербургской академии наук Паллас занял особое положение. Он стоял в стороне от борьбы группировок в академии, не ощущал административного гнета со стороны директоров и мог спокойно заниматься наукой.

П.-С.Паллас никогда не успокаивался на достигнутом и как истинный ученый всегда рвался к новым исследованиям. Уже в 1776 г. он принимает деятельное участие в организации новой большой экспедиции по недостаточно исследованным областям России. Им была представлена оригинальная записка, озаглавленная: «Обзор путешествий, которые необходимо еще сделать в Азиатской части Российской империи». Это был научно обоснованный проект новой масштабной экспедиции. Кстати, свои проекты подали тогда И.И.Лепехин и И.Гильденштедт, но по этим проектам ни одна экспедиция не была осуществлена.

К вопросу об организации новых экспедиций в Восточную Сибирь академия наук снова возвращается через три года, был намечен и срок отправления экспедиций — весна 1780 г. П.-С.Паллас снова составляет подробный проект, в котором подчеркивает научную и государственную значимость этого предприятия, дает практические советы по организации исследований. Но и эта экспедиция не состоялась.

В 1786 г. планировалась кругосветная экспедиция русской эскадры под командованием капитана Г.И.Муловского, перед которой ставилась задача охраны прав России на земли, открытые русскими мореплавателями. П.-С.Палласу предложили составить инструкции для экспедиции. Уже был намечен маршрут плавания, назначены командиры судов, объявлен срок отплытия. Но началась война с Турцией, ожидалась война со Швецией, и экспедиция была отложена. Таким образом, мечты П.-С.Палласа о дальних странствиях рушились одна за другой. Но он не унывал и все свои знания и силы посвящал теоретическим исследованиям.

К пятидесятилетнему возрасту П.-С.Паллас имел огромный авторитет в ученых кругах, прочное положение в жизни, высокий чин статского советника, достаток и, наконец, способную удовлетворить любое тщеславие близость ко двору. Но заветной мечтой П.-С.Палласа было уехать из Санкт-Петербурга, так как кабинетная работа не давала полного удовлетворения исследователю-натуралисту. В конце 1792 г. он обратился к Екатерине II с просьбой разрешить ему поселиться для отдыха от многолетних трудов, поправления расстроенного здоровья и завершения главного труда его жизни — описания животных европейской части России и Сибири — где-нибудь на юге России. Но он не мог назвать определенного места и решил проехать по тем местам, чтобы самому определить место будущего жительства. Академия наук поручила ему составить описание путешествия, и 1 февраля 1793 г. П.-С.Паллас с женой и четырнадцатилетней дочерью выехали из Санкт-Петербурга. Его внимание привлекал Крым, около десяти лет назад присоединенный к России. Зиму Паллас провел в Симфе-

рополе, а весной отправился в путешествие по Крыму. Впоследствии на основании путевых записей он издал обстоятельное двухтомное «Описание путешествия в южные провинции Русского государства в 1793—1794 годах» (СПб., 1799, 1803).

Во время путешествий по Крыму у П.-С.Палласа окрепло желание поселиться в этом благодатном краю. Возвратившись в Санкт-Петербург, П.-С.Паллас представил в академию наук материалы своего путешествия и просьбу Екатерине II о пожаловании ему земли в Крыму. Просьба была удовлетворена. Кроме того, Палласу было пожаловано десять тысяч рублей «на обзаведение». За ним же сохранялось академическое жалованье с условием, что в Крыму он будет продолжать ученые труды.

Осенью 1795 г. П.-С.Паллас переехал в Крым и прожил там 15 лет. Эти годы были наполнены работой над завершением начатых трудов и исследованиями флоры и фауны, геологии, истории и хозяйства Крыма. Здесь П.-С.Паллас завершил свой капитальный труд — «Российско-Азиатскую зоографию». Задумав создать полное описание флоры Крыма, он собирает огромный гербарий, делает множество зарисовок, пересаживает в свой сад характерные для Крыма растения...

Но с годами становилось все яснее, что надежда на климат Крыма не оправдалась. П.-С.Паллас постоянно страдал от лихорадки. Не сбылась и мечта о спокойной жизни — вскоре начались судебные тяжбы с соседями из-за спорных участков земли.

В 1810 г. П.-С.Паллас решает вернуться на родину и, продав крымские имения, уезжает в Германию. Год спустя, 8 сентября 1811 г. он умер в Берлине.

Научные труды П.-С.Палласа получили всеобщее признание еще при его жизни как в России, так и за ее пределами, многие его работы издавались в Германии, Англии, Франции, Италии, Голландии. По своей многосторонности П.-С.Паллас напоминает энциклопедических ученых древности и средних веков. В своих многочисленных печатных работах, а их насчитывается более 170, П.-С.Паллас предстает как неутомимый ученый, путешественник, охвативший многие области знания.

Благодаря трудам П.-С.Палласа мир узнал о жизни и быте практически не известных тогда народов Восточной России, в том числе и чувашей. Паллас собрал ценные материалы по различным сторонам быта и культуры чувашского народа, научное и познавательное значение которых со временем все более возрастает. В настоящую хрестоматию включаются отрывки из его пятитомного капитального труда «Путешествие по разным провинциям Российской империи», посвященные описанию жизни и культуры чувашского и некоторых других народов Среднего Поволжья.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Во всей стране Черемшана находятся изрядные черноземные пашни; также в ней довольно березняку на дрова, и вообще она населена хорошо. Большую часть здешних жителей составляют татары, мордвинцы, а наипаче чувашане, кои здесь живут гораздо многолюднее, нежели на правом берегу Волги, и по большей части обращены в христианскую веру. Но после при реке Соке[1] и местами вдоль по Волге нашел я несколько деревень, в коих жители еще держатся старой веры и обрядов. Что я мог о том выпросить, то при сем случае расскажу по порядку, начну сперва описывать обыкновенное одеяние чувашского женского пола.

Как сей народ принял в свой язык много слов от татар, так и женская одежда во многих вещах сходствует с татарскою. Одеяние у них так же, как у мордвинок, из толстого холста; вышито пестрою, наипаче синею, красною и черною шерстью, и сделано малым чем отменно. Они так же, как и мордвинки, украшают себя большими пряжками и нагрудниками, да и висящими от пояса на стороне пестро вышитыми лоскутьями с бахромою, что у них *саръ*[2] называется. Но чувашская женская кичка (*хушпу*)[3], без которой они и дома никогда не кажутся, как и у татар, часто унизана старинными серебряными копейками или оловянными блестками и бисером в несколько рядов, и подвязывается широким ремнем под подбородком, а назади пришита к ней длинная лопасть или затыльник *(ама)*[4] с унизанным мелкими монетами или блестками ремнем, который продет под пояс, и на конце обыкновенно бывает вышит разноцветною шерстью с бахромою и с долгими снурками[5], так что нарочито тяжелый головной их убор висит до подколенок. Подле оного широкого ремня по обеим сторонам висят еще два узкие до половины спины, где они бисерными нитками вместе соединены и кончаются кистью[6]. Кичка не так, как татарская, не имеет на челе мыса[7], и на темени вместе не сшита, но отверста, так что сошедшиеся концы той лопасти (*сурбан*, потатарски *мастар*[8]), которую они так же, как татарские женщины, для покрытия шеи подкладывают от подбородка вверх под

кичку, торчат из сего отверстия наподобие хохла[9]. Однако есть у них и такие кички, у которых верхушки зашиты наглухо. Когда они наряжаются, то употребляют такую же лопасть из чисто вышитого полотна, у которой края унизаны пронизками, а концы украшены вниз висящими бисерными нитками *(сурбан зени)*[10].

Одеяние девиц имеет меньше украшения. Они не носят *тастара*[11]; и кички у них без длинного затыльника, или лопасти[12], обыкновенно унизаны только разноцветными пронизками; притом же они, как и бабы, плетут волосы в две косы и прячут под верхнюю рубаху. Зимою как девицы, так и женщины сверх обыкновенного своего одеяния носят еще старые мужские кафтаны или шубы и вышеупомянутые кички.

Но мужская одежда, как и у прочих народов, немного разнится от простого одеяния российских мужиков; исключая только, что они обыкновенно носят рубахи с вышитыми воротничками.

Черты лица у чуваш показывают великое смешение с татарскою кровью. Между ними не видно светло-русых и рыжих, но все так, как татары, черноволосые. Женский пол лицом нарочито пригож и гораздо опрятнее мордовского женского пола.

То же можно сказать и об их жилищах, которые с татарскими много сходствуют. Деревни их обыкновенно состоят из рассеянных домов с малыми клетями без огороженных дворов и построены на высоких местах. По старинному обыкновению сделаны двери на восток с навесом, или с сенями, в коих летом спят[13]. В их избах, как и в татарских, лавки широкие; печь складена у дверей по правую руку; хотя не все, однако есть с трубами[14]. Чувашане так же, как татары, обыкновенно имеют хорошие перины[15] и только самые скудные спят на тюфяках...

Некрещеные чувашане празднуют, как магометяне, каждую пятницу в неделе, которую называют они *аернекон,* или недельный день[16]; напротив того наше воскресенье совсем не чтут. Чаятельно сие обыкновение и отвращение от свинины[17], которое ныне многие оставили, перешло к ним от татар; но из веры их ничего они не приняли. В наблюдающих старинное обыкновение деревнях ходит сотник в четверток ввечеру по дворам и объявляет будущий заутра праздник. Тогда никто не ходит на работу, но весь день препровождают в праздности и увеселениях[18]; но наперед каждая семья, а особливо женский пол, который не бывает при жертвоприношении, отправляет обыкновенное моление перед своим *Ирихом* или *Ерихом*[19], что они за свято почитают. Сей *Ерих* есть не что иное, как только пук отборных лоз ракитового куста, которых берут 15 равной величины, около четырех футов

длиною, посередине связывают мочалом, и на сей повязке вешают кусочек олова. Каждый дом имеет у себя такого *Ериха*; но обыкновенно ставят оный в переднем углу в чистом боковом покое, каких при всяком жилище довольно настроено. Никто не смеет к оному прикоснуться; а как уже осенью весь лист отпадает, то срезывают толикое же число свежих лоз вместо оного пука и старого *Ериха* с благочинием бросают в текущую воду[20].

Однажды в году вся деревня приносит торжественную большую жертву на общем в отдалении от деревни и обыкновенно подле ключа или речки, приятном и деревами обсаженном месте, которое они *кереметь*[21] называют. Такое место бывает четвероугольно, обнесено забором с человека вышиною, и в оное три входа, или три калитки: одна находится в середине восточного забора, другая — в северном, а третья в западном заборе. Они выбирают место таким образом, чтобы северная калитка была к близ находящемуся ключу или речке, потому что в сию калитку должно носить потребную к жертве воду, откуда бы то ни было. Напротив того, в восточную калитку ходит только определенный скот на жертву, а в западную ходят люди. Подле западной калитки сделана крышка на столбах, под которою варится мясо для жертвы, а перед оною на большом столе кладутся жертвенные лепешки и прочее. Подле северной калитки есть другой большой стол, на котором свежуют закланную жертву и очищают. В северном углу вколочены в землю колья, на которые вешают снятые со скота кожи. При многолюдных деревнях есть большие *керемети* для публичного жертвоприношения, да и каждая семья или сродство имеет особливый малый *керемет* для жертвы, которую иногда и в доме своем приносят[22].

У чуваш Алатырского уезда бывает в середине *керемета* деревянная хижина с дверью на восток, в которой едят жертву стоя; и для того поставлены там длинные и скатертями накрытые столы. В середине оной хижины воткнут в землю длинный, сквозь кровлю проходящий шест, на котором вверху утверждено снизу плоское, а кверху острое железное кольцо. Сему значку не отдается никакого почтения, и в простых отверстых *керемети* никогда оного не бывает[23].

Почти в сентябре месяце, который чувашане *чугуих*[24] называют, по окончании жатвы, перед озимним севом, приносят обыкновенно общую большую жертву в знак благодарности. Тогда в большом керемете убивают сразу лошадь, быка и барана[25]. Сколь весьма я ни желал, однако никогда не имел случая быть при их приношении большой жертвы. Но мне сказывали, что определенный на жертву скот вводят в восточную калитку, привязывают к трем

рядом поставленным столбам подле того места, на котором варят, и скот стоит там до тех пор, пока совершится всеобщее моление. Сие приносят они оборотясь лицом на восток, и все собравшиеся мужчины часто при том поклоняются. Обыкновенная их молитва заключается в следующих словах: *Тор, сирлага, тор битер, боянчин бул,* то есть: «умилосердись, Боже, подай, Боже, и благослови нас»[26]. Но еще призывают они много божков в особливых молитвах. У простого народа не мог я выведать довольно изъяснения о духовном учении чуваш; однако мне рассказывали следующие имена божков: Керемет[27], по боге (Тор)[28] почитается первым; *азлыр*[29], *кснир*[30], *пюлхс*[31], *сюродон*[32], *сир*[33], *сиюлсюрен-ирзене*[34], *хирлизир*[35], *кебе*[36], кроме которых есть еще много других, но свойства их выпросить время не дозволяло. Примечания достойное обстоятельство есть то, что они столь многим божкам приписывают одну богиню и одного сына, и сих трижды призывают, как например: *тор*[37] или *керемет-аш* (отца)[38], *керемет-амаже* (мать)[39], *керемет уевли* (сына)[40] и проч. По окончании молитв выбранный ими единогласно старшина, который и молитвы читать должен, убивает приготовленную на жертву скотину, и при том наблюдают, чтобы кровь не попала на землю, а в прочем поступают так же, как описано в собраниях Российской истории. Кожи с большой скотины вешают на двух колах в северном углу керемета, а баранью кожу вешают на жердь, привязанную к двум в землю вколоченным колам. Чувашане обыкновенно дают всем сим кожам висеть только два дня, потом снимают, между собою продают и на вырученные деньги покупают жертвенные сосуды или муку, мед и другие при следующих праздниках потребные вещи. Надзирание и старание о чистоте керемета поручено особливому из них выбранному человеку, который состоит в отменном у них почтении и называется *Керемет-пхаган*[41]. Также приносят они большую общую жертву и тогда, когда хлеб еще не сжат, и опасаются недорода.

Особливые семейные жертвоприношения бывают во многих случаях, а именно: во время болезней или другого злоключения, после рождения детища, для памяти умерших и пр. Хозяин или в роде старший читает молитвы и приносит жертву, состоящую только из малой животины, а особливо из баранов. До заклания жертвы, как в семейных, так и во всеобщих приношениях, выливают на оную сосуд холодной воды. Если животина после того отряхнется, то немедленно приступают к закланию, если же нет, то обливают оную в другой и третий раз; а ежели и тогда животина не отряхнется, то принуждены бывают отложить приношение жертвы до другого времени[42]. По съедении мяса и всех приготовленных на жертву съест-

ных вещей сжигают кости и все остатки зарывают в землю, дабы звери ничего на жертву принесенного не осквернили.

Чувашане кладут своих покойников в худые гробы во всем одеянии и хоронят оборотя голову к западу. Сказывают, что еще и ныне кладут они мужчинам в гроб всякую мелочь, а наипаче лапти, кочатык[43], ножик, несколько лык и огниво. Общее кладбище, которое выбирают они в отдалении как от деревни, так от *керемета* и от всех больших дорог, называется у них *мазар*[44]. Трижды отправляют они погребение своего сродника, и к тому ныне назначают среду на страстной неделе, *семик*[45], то есть четверток пред пятидесятницею, и осьмое число ноября, которое *юбуих*[46] они называют. В сей последний день не токмо приносят у могилы жертву, но в головах у покойного ставят деревянные столбы. Выкопав яму, в которую должно столб поставить, бросает всякий из находящихся при том по куску мяса, и выливают несколько браги, потом жертву едят, пьют и веселятся.

О чувашских свадьбах находятся обстоятельные известия в собраниях Российской истории. *Калюн*[47] или приданое, которое должно дать за невестою, иногда простирается ценою от 50 до 80, да и свыше 100 рублей. Невесте не подлежит в день брачный идти пешком, но или возят, или носят на рогожах[48].

Также случаются у них и разводы; причем наблюдается сие обыкновение, что муж разрывает пополам лопасть (*сурбан*)[49] отверженной от себя жены и одну половину оставляет у себя, а другую ей дает[50].

Как они имеют великие ульи, то во время пиршества пьют мед и брагу, но никогда не употребляют заквашенного молока, которое татары чрезмерно любят. Пляска их, как и мордвинская, несколько уподобляется татарской и состоит в различных движениях рук и тела, а пляшут кругом в небольшом кругу, почти не отделяя одной ноги от другой. При сем играют на волынке либо на гудке (*кобесь*)[51], или на гуслях о 16 и 18 струнах[52].

Примечания достойно и то, каким образом чувашане присягают. Ежели кто должен клясться, того приводят в керемет, и там принужден по многократном заклинании есть обыкновенное у татар и чуваш кушание, состоящее в галушках с коровьим маслом в воде и вареных, что у них салма[53] называется. Но для испытания ложной клятвы поят ответчика соленою водою, и если он при том будет кашлять, то признают его виноватым. Во окончание известия упомяну еще, что живущие по леву сторону Волги в степях чувашане всем на гористой стороне находящимся деревням придают название *вереял*[54], а сами себя *хирдиял*[55] называют.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Сок*** — река в Оренбургской и Самарской областях, левый приток Волги; берет начало на Бугульминско-Белебеевской возвышенности.

2. ***Саръ***, в современной чувашской орфографии ***сарӑ*** —«старинное женское поясное украшение в виде расшитого унизанного бисером четырехугольника или треугольника, подвешиваемого сзади к поясу». Слово ***сарӑ*** «поясное украшение» через посредство татарского ***изәр*** «поясная подвязка», «покрывало для прикрытия нижних частей тела» восходит к арабскому ***изар*** «полотнище», «покрывало», «одежда наподобие трусов».

3. ***Хушпу*** — старинный женский головной убор, украшенный бусами и монетами.

4. ***Ама*** — старинное женское нагрудное украшение из серебряных монет и бус; в разных местах имеет различную конфигурацию, П.-С.Паллас под названием «ама» описывает наспинную часть хушпу, обычно называемую чувашами ***хушпӳ хӳри*** «хвост хушпу». Слово ***ама*** (диал. ***алма***) восходит к тюрко-татарскому ***алма*** «подвеска» (от глагола ***ал*** — «вешать», «подвешивать»), поэтому вполне возможно, что наспинная часть хушпу в закамских районах действительно называлась ***ама***.

5. ***Снурки*** — «шнурки», т.е. кисти из крученых шерстяных или шелковых ниток с бусами на конце.

6. Здесь П.-С.Паллас описывает женское наспинное украшение ***сӑрка***, подвешиваемое к девичьему (***тухъя***) и женскому (***хушпу***) головному убору; в иных местах (в Присвияжье) это украшение называется ***ытмалли*** — букв. «забрасываемое, закидываемое (за спину)».

7. «Не имеет на челе мыса» — т.е. хушпу не имеет на лобной части козырька.

8. ***Сурбан***, в современной орфографии ***сурпан*** — женский головной убор в виде полотенца с богато украшенными вышивкой концами; в ряде низовых районов, граничащих с татарами, называется также ***тастар***.

9. Твердые головные уборы чувашских женщин, как правило, почти везде имеют открытый верх, но его предназначение уже забыто и не нашло правильного объяснения в этнографической литературе. Оказывается, еще во времена П.-С.Палласа в это отверстие пропускались концы мягкого головного убора сурпан, которое женщины носили под хушпу.

10. ***Сурбан зени*** — в этом выражении непонятно истинное зна-

чение слова «зени». Скорее всего здесь имеет место какая-то ошибка. Судя по описанию, можно думать, что описывается женское нагрудное украшение *Сурпан çакки* (букв. «подвеска к сурбану»), подвешиваемое к сурпану под подбородком.

11. ***Тастар*** — под этим «татарским» названием здесь подразумевается полотенцеобразный головной убор замужних женщин *сурпан*; как видим, в закамских районах в то время эти названия употреблялись как синонимы.

12. Здесь описывается твердый головной убор чувашских девушек, известный под названием *тухья*, который действительно не имеет наспинной «лопасти».

13. Ориентация дверями на восток — характерная черта чувашских жилищ XVIII — первой половины XIX вв.; она имеет давние исторические истоки. По свидетельству восточных источников, еще древние тюрки ставили свои юрты дверями на восток, в отличие от монголов, которые свои жилища ориентировали дверями в южном направлении. Чуваши обожествляли восток и молитвы свои творили непременно обращаясь лицом в восточную сторону. При совершении молитв в избе чуваши-язычники растворяли двери, чтобы обратить взоры к востоку.

14. В чувашских избах печи, как правило, до сих пор ставятся по правую сторону от дверей. Вообще расположение домашней утвари в избе и планировка жилища имеют многовековую традицию.

15. Наличие в избе перины и множества подушек служило как бы символом богатства и благополучия семьи. В дневное время постельные принадлежности складывались на нарах на самом видном месте. Почетным гостям подкладывали на стул или скамейку пуховую подушку.

16. ***Аернекон,*** в современной чувашской орфографии ***эрне кун***, где *эрне* «неделя», а *кун* — «день». Таким образом, пятница у чувашей считалась недельным праздничным днем.

17. Путешественники XVIII в. почти единогласно утверждают, что чуваши «питают отвращение к свинине» и что «сие перешло к ним от татар». Однако пренебрежение к свинине у чувашей имеет намного более глубокие корни. Кочевые народы Евразии, как правило, свиней не разводили и свинину не употребляли не по религиозным соображениям, а потому, что свинья, не приспособлена к кочевому образу жизни. У чувашей до недавнего прошлого существовало поверье, согласно которому разрешалось употреблять в пищу только мясо травоядных и парнокопытных животных. Поскольку свинья плотоядное, то на свинину нала-

гался запрет; впоследствии этот запрет был снят с учетом того, что свинья все-таки животное парнокопытное. Точно так же нельзя было есть зайчатину или крольчатину, поскольку эти животные некопытные; однако, поскольку они питаются только растительной пищей, запрет был устранен. Тем не менее, до сих пор чуваши к этим животным относятся холодновато. Чуваши все еще полагают, что появление свиньи оскверняет чистые, священные места и добрые духи покидают его, а употребление зайчатины может вызвать падеж домашнего скота и т.п.

18. Очевидно, здесь описывается празднование чувашами *çинçе* — праздника, идентичного русскому «земля-именинница», когда запрещалась всякая работа, чтобы не беспокоить якобы обремененную землю-матушку.

19. ***Ирих, Ерих,*** в современной орфографии ***йĕрĕх*** — предмет почитания чувашами-язычниками. Слово это, имеющее чрезвычайно расплывчатое значение, породило немало беспочвенных измышлений в специальной литературе, а потому требует более детального освещения.

Чувашское слово *йĕрĕх* восходит к пратюркскому *ыдук/ыдык*, «священный»,«святой». В ходе развития отдельных тюркских языков значение этого слова претерпевало изменения. Так, в якутском языке слово *ытык* означает «жертва», «жертвенный», «священный», «почтенный». По свидетельству Э.К.Пекарского, *ытык* — это жертвенное животное, которое якуты почитают, никогда не бьют, хвост и гриву не стригут, а во время жертвоприношений освящают, брызгая на них из жертвенной ступы *чорон'а*. В тувинском языке *ыдык* имеет значения «святыня», «священный», «святой», в хакасском *ызых* — «священный», «предмет преклонения, почитания (например, гора, дерево, животное)»; «духи рек, гор, долин»; в алтайском *ыйык* «священный», «приносящий счастье»; «фетиш», «предмет преклонения, почитания (например, гора, дерево, животное, посвященное в жертву)», а также «духи гор, рек, долин», в киргизском *ыйык* «священный, приносящий счастье»; «священное домашнее животное, пущенное в стадо с тем, чтобы его не резать и не употреблять в дело» и т.д.

В чувашском языке, прошедшем долгий путь развития практически в полной изоляции от других тюркских языков, значение слова *йĕрĕх* претерпело существенные изменения. Словом *йĕрĕх* чуваши в первую очередь обозначают духа-покровителя рода, место его жительства, предмет, посвященный этому духу, а также обряд жертвоприношения божеству и предметы, используемые при этом обряде — монеты и их имитации, заместительные жер-

твы (*урхамахи* — жертвенные печения из теста в виде коня; куклы, замещающие плоть пострадавшего человека; *тухланки* — оловянные отливки, имитирующие серебряные монеты) и т.д. Поэтому почти все авторы, писавшие о чувашских йĕрĕх'ах, правы лишь отчасти, так как описать весь культ этого божества в целом они не смогли. Полная картина народных представлений о йĕрĕхе складывается из совокупности всех имеющихся по этой проблеме данных, включая материал по тюрко-монгольским, а также исторически контактировавшим неродственным народам, в частности марийцам, удмуртам и др.

20. В деревне Новое Афонькино Шенталинского района Самарской области, где проживают некрещеные чуваши, рассказывают, что раньше каждой весной перед Великим днем (*Мăн кун*) старые *йĕрĕх'и* сплавляли по Черемшану, а затем изготовляли новые. Под йĕрĕх'ами здесь имеются ввиду тряпичные куклы, изображавшие родовой дух. При замужестве молодухи *(кĕçĕн çын)* брали с собой из родительского дома одно из изображений йĕрĕх, или же для них специально изготовляли новые тряпичные куклы (*йĕрĕх пукани*). После внедрения в среду чувашей христианства традиционные представления о йĕрĕх'ах изменились, и они превратились в привередливых духов, приносящих не почитающим их людям наружные болезни.

21. ***Кереметь***, в современной орфографии ***киремет*** — «место, где приносили жертву земным духам и святым (*ырăсем*)» (поэтому оно иногда называлось просто *ырă* «святой», «священный» или *кĕлĕ* «молитва», «место совершения общественных молений»). Под Киреметью понимается также главный из земных духов, посланный Турă в поднебесный Светлый мир для поддержания космической и общественной гармонии. По чувашским народным представлениям, главный Киреметь был младшим братом или сыном самого Турă. Слово *киремет* через кыпчакское и персидское посредства восходит к арабскому *карамат* — «сверхъестественное деяние, чудо, даруемое Аллахом своему рабу в знак правильности избранного им пути». Мусульманский термин *киремет* благодаря созвучию наложился на традиционный тюркско-чувашский обрядовый термин *кирелле* — букв. «необходимое», под которым понимались ежегодные общественные жертвоприношения всевышнему богу и его земным представителям в лице святых *ырăсем*.

22. Описание чувашского *киреметища (киремет карти)* — места общественных жертвоприношений у П.-С.Палласа практически полностью совпадает с описанием И.И.Лепехина.

23. Здесь П.-С.Паллас приводит уникальное описание сакрального строения, устраиваемого в центре киреметища. Такое строение чуваши называли *киремет лаççи*, обычно оно имело только три стены, восточная сторона оставалась открытой. Длинный шест с железным кольцом наверху, по всей вероятности, символизировал мировой столб или мировую ось, вершина которой, по космологическим представлениям, упиралась в *Тимĕр Юпа* — Полярную звезду.

24. ***Чугуих*** — в современной чувашской орфографии ***чӳк уйăхĕ*** — букв. «месяц жертвоприношения», один из главных осенних месяцев, с которого, по некоторым данным, чуваши начинали отсчет нового года. Различные источники привязывают *чӳк уйăхĕ* к разным месяцам юлианского и григорианского календарей. В зависимости от фаз луны в различные годы начало этого месяца перемещалось от конца сентября до конца ноября. В этот месяц чуваши ежегодно проводили домашнее родовое жертвоприношение в благодарность Турă за урожай — *чӳклеме* или иначе *çĕнĕ тырра киветни* — «старение нового урожая»; *кĕр сăри* «осеннее пиво» и т.п.

25. В других источниках, насколько нам известно, о большом жертвоприношении в киреметище в ***чӳк уйăх*** не говорится. Как правило, большие жертвоприношения в честь Турă и всех божеств, а также добрых духов с забоем лошадей, быков и баранов (а в более раннюю пору — каждой живности по паре — самца и самку) проводились в разгар лета, в период празднования *çинçе* или *уяв,* и назывались эти три жертвоприношения соответственно: *мăн чӳк* «большое жертвоприношение», *уй чӳкĕ* «полевое жертвоприношение» и *çумăр чӳкĕ* «дождевое жертвоприношение». Возможно, П.-С.Паллас зафиксировал более раннюю форму общественных благодарственных жертвоприношений, совершаемых на киреметище под открытым небом.

26. ***«Тор, сирлага, тор битер, боянчин бул»***. — Это молитвенное изречение записано в испорченном виде, тем более, что оно транскрибировано кириллицей с немецкого оригинала. Наиболее близкая к приведенным словам транслитерация на современную графику дает следующий текст: «Турă, çырлах! Турă патăр! Пуян çын пул!», перевод которого также будет несколько отличаться от предпринятого палласовского: «Боже, помилуй! Бог да пусть подаст! Богатым человеком стань!» Однако последнее выражение для чувашских молитвословий не характерно, оно скорее всего относится к разряду благопожеланий. Возможно, респондент П.-С.Палласа вместо того, чтобы продекламировать молитву в свой адрес, произнес благословение в адрес «доброго барина».

27. *Кереметь*, по представлениям чувашей, был младшим братом или сыном самого всевышнего Бога *Турă*, посланным Им на землю для наблюдения за космическим порядком в среднем поднебесном мире и для содействия простым смертным людям. Естественно, в молитвах он поминается непосредственно вслед за Турă. См. выше, примеч. 21.

28. *Тор,* в современной орфографии ***Турă*** — всевышний Бог, глава чувашского пантеона.

29. *Азлыр,* в современной орфографии ***Аслă ырă*** — букв. «главный святой» — глава прислужников Божьих (*Турă умĕнче çӳрекенсем* — букв. «ходящие перед Богом»).

30. *Кснир,* в современной орфографии ***Кĕçĕн ырă*** — букв. «младший святой» — помощник главного святого Аслă ырă (по-чувашски: *Аслă ырă çумĕнче тăракан* «стоящий рядом с главным святым»).

31. *Пюлхс,* в современной орфографии ***Пулĕхçĕ*** — букв. «даритель, распределитель (благ Божьих, между людьми)» — один из главных прислужников Божьих, управляющий судьбами людей.

32. *Сюродон,* в современной орфографии ***Çуратан*** — букв. «порождающая» — один из эпитетов Матери-Земли, супруги Всевышнего Бога *Турă*; ее также называют *Турă Амăшĕ, Çĕр-шыв, Хĕрлĕ Çыр, Кепе* (см. ниже).

33. *Сир,* в современной орфографии ***çĕр*** — букв. «земля». Согласно мифам, *Çĕр* — «Земля» (или, вернее, *Çĕр-шыв* — букв. «Земля-Вода») представляется священной супругой Турă — обожествленного Неба, и её почитают наравне с самим Турă или главными Его прислужниками *Пӳлĕхçĕ* и *Пихампаром*, это второе после Бога лицо в чувашском пантеоне. У нее много эпитетов (напр., *Çуратан Ама, Çуратан Ырă* и т.д.) и эвфемистических названий (*Хĕрлĕ Çыр* и т.п.).

34. *Сиюлсюрен-ирзене,* в современной орфографии ***çул çӳрен ырăсем*** (в форме дательно-винительного падежа *çул çӳрен ырăсене*) — букв. «ходящие по дорогам святые», т.е. святые ходоки Божьи, рассылаемые в поднебесный «светлый мир» по делам людским. Это своего рода посредники между Богом и простыми смертными.

35. *Хирлизир,* в современной чувашской орфографии ***Хĕрлĕ Çыр*** — букв. «Красная Бурая (Земля)», где *çыр* (соответствует древнетюркскому *йагыз* «бурый», как эпитет земли, и «земля») один из эпитетов Матери-Земли (*çырă* — букв. «смуглая»), супруги Турă. Подробнее см. выше, примеч. к труду Г.Ф.Миллера.

36. *Кебе,* в современной орфографии ***Кепе*** (через татарское посредство из арабского *Каáба* — «главное святилище ислама в

Мекке») — один из главных женских персонажей чувашского пантеона, мать всего сущего (*Çут тĕнчене çуратнă Аслă Ама* — букв. «Великая мать-родительница светлого мира, вседержительница»; *Çĕрти-çӳлтипе çут тĕнчене тытан Ама* — букв. «Мать, предержащая светлый мир снизу доверху»), священная супруга Турă. Термин *Кепе* заместил собой более ранние названия *Çĕр-Шыв, Хĕрлĕ Çыр, Турă Амăшĕ.*

37. ***Тор,*** в современной орфографии ***Турă*** — «Всевышний Бог» — персонифицированное и обожествленное небо.

38. ***Керемет аш,*** в современной орфографии ***Киремет ашшĕ*** — букв. «отец Киреметя», однако под этим выражением следует понимать самого главного Киреметя, так как, по чувашскому этикету, обращение к кому-нибудь с формулой «отец такого-то» выражает высшую степень почитания.

39. ***Керемет-амаже,*** в современной орфографии ***Киремет амăшĕ*** — букв. «мать Киреметя» — этикетная форма обращения к супруге Киреметя. Согласно чувашскому этикету, обращение к кому-нибудь с формулой «мать такого-то» выражает высшую степень почитания.

40. ***Керемет-уевли,*** в современной орфографии ***Киремет ывăлĕ*** — букв. «сын Киреметя». Обычно их несколько. *Киремет ашшĕ, Киремет амăшĕ* и *Киремет ывăлĕсем* составляют *Киремет йышĕ* — «Семейство Киреметя».

41. ***Керемет-пхаган***, в современной орфографии ***киремет пăхакан*** — букв. «надзирающий за киреметищем», т.е. должностное лицо, в обязанности которого входило соблюдение чистоты и порядка на священном месте. Другие названия этого лица: *киремет шăлакан* — букв. «подметающий киреметище», *киремет кĕтӳçĕ,* букв. «пастырь киреметища», *киремет кĕтнеççи* — букв. «страж киреметища» и др.

42. Почти все авторы говорят о ритуальном обливании жертвенных животных, но редкие источники уточняют, что на самом деле жертвенное животное обмывалось водой, при этом воду лили постепенно, начиная от головы и доводя до хвоста.

43. ***Кочатык*** — кочедык, инструмент для плетения лаптей.

44. ***Мазар,*** в современной орфографии ***масар*** «кладбище»; название через татарское и персидское посредства проникло из арабского языка; в арабском *мазар* «место поклонения». У верховых чувашей сохранилось исконное название кладбища *çăва,* восходящее к пратюркскому *йогы* — «похоронный обряд».

45. ***Семик***, в современной орфографии ***çимĕк*** — «весенний праздник, день поминовения усопших предков»; название заим-

ствовано из русского *семик* — седьмой четверг от пасхи. В субботу после семика русские семьями ходят на кладбище, украшают могилы березовыми ветками, венками и цветами, поминают усопших; эту субботу называют также родительской.

46. ***Юбуих,*** в современной орфографии ***юпа уйăхĕ*** — букв. «месяц проведения обряда *юпа*», в зависимости от фаз луны начало этого месяца приходилось на различные дни и месяцы григорианского и юлианского календарей, поэтому разные авторы сопоставляют его с различными осенними месяцами, начиная с октября и кончая декабрем. У некоторых авторов *юпа уйăхĕ* предшествует месяцу *чӳк уйăхĕ,* у других, наоборот, после *чӳк* идет *юпа*. Видимо, правы последние. В месяц юпа уйăхĕ чуваши-язычники совершали обряд приобщения новопреставленных к ранее усопшим *(çĕнĕ вилесене киввисемпе хутăштарни)*. Знаменуя данное событие, на могиле усопшего в этом году сородича родственники устанавливали поминальный столб юпа, поэтому и сам обряд получил название *юпа*, букв. «столб». Обряд этот совершался глубокой осенью, после завершения всех уборочных работ и после благодарственных семейно-родовых жертвоприношений (*чӳклеме*).

47. ***Калюн,*** в современной орфографии ***хулăм*** «калым за невесту», а приданое по-чувашски называется ***парне,*** букв. «дар», «подарок».

48. Свидетельство П.-С.Палласа о том, что невесту «носят на рогожах», уникально и заслуживает пристального внимания этнологов. Это ритуальное действо напоминает древнетюркскую церемонию интронации. Перед тем, как возвести на трон нового хана, его сажали на белую войлочную кошму и обносили перед собравшимся на торжество народом, при этом трижды приподнимали кошму на каждой из четырех сторон света и требовали клятву верности и преданности интересам народа.

49. ***Сурбан*** — см. выше, примеч. 8.

50. Описанный здесь бракоразводный обряд, по свидетельству В.К.Магницкого, носил название ***шаракат.***

51. ***Кобесь,*** в современной орфографии ***купăс*** «скрипка», «гармошка». П.-С.Паллас переводит это слово русским «гудок», а это значит, что он имел в виду традиционный чувашский струнно-смычковой музыкальный инструмент, напоминающий скрипку, который чуваши называют также *хăма купăс* «досчатая скрипка»; *сĕрме купăс* или *сĕркĕч купăс* «смычковая скрипка». При игре на этом инструменте музыкант ставил корпус скрипки на колени и держал вертикально.

52. Следует обратить внимание, что в наборе чувашских музы-

кальных инструментов отмечены духовые (волынка), струнно-смычковые (гудок или *купăс*) и струнно-щипковые. Заслуживает также внимания и то, что П.-С.Паллас отметил бытование музыкального инструмента типа гусель (чуваш. *кĕсле*) у закамской группы низовых чувашей.

53. ***Салма*** — мучное блюдо типа галушек, клецек, домашняя лапша. Информация об использовании салмы в церемонии присяги является уникальной и представляет значительный интерес.

54. ***Вереял***, в современной орфографии ***вирьял*** — букв. «верховой народ» (от *вир* «верх» и *ял* «род», «племя», «народ», «родовое поселение», «деревня») — название этнографической группы верховых чувашей *вирьял* или *тури,* букв. «горные».

55. ***Хирдиял***, в современной орфографии ***хирти ял*** — букв. «степной народ» (от *хирти* «находящееся в степи» и *ял* «племя», «народ») — название низовой этнографической группы чувашей *хирти,* букв. «степные».

ИВАН ИВАНОВИЧ ГЕОРГИ (ИОГАНН ГОТЛИБ) (1729—1802)

Иван Иванович Георги (Иоганн Готлиб, Иоанн Готлиб Георги) — русский этнограф, натуралист и путешественник; академик Санкт-Петербургской академии наук; участник академических экспедиций 1768—1774 гг.

И.Г.Георги родился 31 декабря 1729 г. в немецком городе Вахгольцхагене в семье пастора. Получив образование в школе главного города Померании, Иоганн Готлиб несколько лет занимался аптекарским делом, затем поехал в Швецию. Изучал медицину в Уппсальском университете, слушал лекции Карла Линнея. Получил ученую степень доктора медицины. По возвращении на родину И.Г.Георги несколько лет занимался фармацией в городе Стендале.

Узнав о намечавшихся Санкт-Петербургской академией наук экспедициях, И.Г.Георги предложил свои услуги и был вызван в Россию. В 1768г. он участвовал в экспедиции П.-С.Палласа. В 1770 г. был назначен в помощь профессору И.П.Фальку в 5-ю академическую экспедицию, снаряженную для изучения Оренбургской губернии и потому получившей название «Оренбургской». В 1771 г. они обследовали берега Урала, кочевья Башкир, Исетскую провинцию. Из Омска поехали через Барабинскую степь к Колыванским серебряным рудникам, побывали в Барнауле, исследовали Алтайские горы и находившиеся там рудники. В конце ноября путешественники прибыли в Томск. Здоровье Фалька ухудшалось, и он вернулся в столицу.

В марте 1772 г. Георги выехал в Иркутск. Там, по поручению Палласа, он предпринял самостоятельное путешествие вокруг Байкала, снял карту озера, добрался до устья Селенги, оттуда вернулся к устью Ангары, чтобы ознакомиться с климатом, жизнью местных народностей и рудниками вокруг Даурского хребта. В Иркутске тогда работала японская навигационная школа. Георги собрал, прибывши туда, сведения о Японии,которые затем опубликовал в описаниях своего путешествия.

Из Иркутска И.Г.Георги направился в обратный путь и в 1773 г. в Красноярске присоединился к экспедиции Палласа. Затем, по его указанию, поехал в Тару, Тобольск, обследовал местности до Екатеринбур-

га, затем направился к реке Чусовой, осмотрел заводы, лежащие между Сылвой и Камой. Затем путь Георги пролегал через Уфу, Оренбург, Уральск, Саратов и Царицын в Астрахань. Из Астрахани он поднялся по Волге в Казань, где в это время скончался И.П.Фальк. Георги собрал все его материалы, а впоследствии издал их.

Во время своего путешествия по Волге и пребывания в Казани Георги осматривал различные достопримечательности, собрал материал по этнографии народов Поволжья — чувашей, марийцев, мордвы. Вернувшись в 1774 г. в Санкт-Петербург, Георги был награжден императрицей Екатериной II большой золотой медалью и значительной суммой денег.

Во время своего путешествия И.Г.Георги собрал массу ценного материала, снял множество карт, составил большую коллекцию изображений представителей различных народностей, частью которых воспользовался П.-С.Паллас при издании описания путешествия по Российской империи.

В 1775 г. Георги начал издавать свои рисунки в виде журнала «Открываемая Россия». Переводил их в гравюры художник Х.Рот.

В итоге многолетних научных экспедиций российская наука к концу XVIII в. располагала обширным запасом этнографических сведений по многим народам. Стало возможным появление свободной, обобщающей работы. Труд по его созданию взял на себя И.Г.Георги и успешно с ним справился. Используя свои путевые записки и сочинения других путешественников, Георги составил обширное описание народов, населяющих Россию. Оно впервые было издано в Санкт-Петербурге в 1776—1780 гг. на немецком языке. Затем последовало издание на французском языке (СПб., 1776), в 1783 г. работу на немецком языке напечатали в Лейпциге. Русское издание труда Георги под названием «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» появилось в 3-х частях в 1776—1777 гг., переиздано в 4-х частях в 1799 г. В нем помещены 100 изображений представителей разных народов в национальных костюмах. При классификации народов России он опирался на разработанную В.Н.Татищевым историко-лингвистическую классификацию. Несмотря на некоторые неточности, труд Георги до сих пор не утратил научного значения. Более того, он является одним из важнейших первоисточников по изучению культуры народов России, в том числе народов Поволжья.

И.Г.Георги был многосторонне одаренным исследователем. В 1776 г. он назначается адъюнктом академии наук по химии, в 1781 г. ему было поручено заведывание академической химической лаборато-

рией. Кроме своих прямых обязанностей по академии, И.Г.Георги занимался медицинской практикой и считался одним из лучших медиков в Санкт-Петербурге.

Работа И.Г.Георги была высоко оценена современниками. В 1783 г. он избран академиком по кафедре химии. За свои ученые труды И.Г.Георги неоднократно получал награды, в том числе трижды — от академии наук. И.Г.Георги состоял членом многих зарубежных академий и научных обществ.

В честь Георги вывезенные из Мексики цветы были названы георгинами.

Умер И.Г.Георги 27 октября 1802 г.

ЧУВАШИ

Чуваши, которые как сами, так и от россиян сим единственным именем, от мордвы же *видками*, а от черемис *курко марами* (горными людьми), называются, живут по обеим сторонам Волги, в Нижегородской и Казанской губерниях и Оренбургской области. Они и теперь еще составляют многолюдный народ, который больше, нежели с 20000 душ платит подать. Все почти с 1723 года крещены в греко-российскую веру, которую, можно сказать, внешне исповедуют.

Говорят они собственным, от финнского происшедшим, языком; но не знают ни грамматики, ни букв. Они вели кочевую жизнь и пребывали в идолопоклонстве, но теперь возлюбили землепашество и постоянное на одном жительство. Однако живут не в городах, но в деревушках, которые, ежели только можно, заводят в лесах; и хотя они очень много язык свой смешали с татарским, однако ж, при всем том, прародительское наречие, также одеяние, нравы, обычаи и суеверия удержали.

Зима да лето составляют их год, начинающийся с нашим ноябрем месяцем. Годов они по порядку не числят, а месяцы (*ойх*) считают. *Чӳк ойх*, жертвенный месяц, есть наш ноябрь и проч. Неделя начинается у них с пятницы (*ама*), которая есть притом и день их отдохновения, а среду называют кровавым днем (*йонкон*).

Они весьма походят на черемис по телесному виду, по нравственным качествам, по расположению деревень, по сельским распорядкам, по состоянию жилищ, по употребляемой ими в домашнем своем быту утвари, по расположению хозяйства и жизни, имению и податям, также по мужским и женским упражнениям. Лицом они по большей части бледны, неповоротливее и разумом еще тупее черемис, да и около себя они не опрятнее; и в избирании пищи и приготовлении не рачительнее черемис. Пребывающие в языческом суеверии чуваши гнушаются свининою, и это переняли они от татар; напротив того хищных зверей, а в случае недостатка и падальщину едят без разбору. Бешеную рыбицу[1], которой россияне не едят, покупают чуваши,

называя оную *Темир пола*, сиречь железной рыбой, очень дешево и употребляют в пищу свежую в воде сваря или провялив.

К звериной ловле они крайне пристрастны и употребляют теперь больше винтовки, нежели лук и стрелы.

Мужчины по запущению волос и бороды, также по вышитым рубахам уподобляются черемисам, прочее же их одеяние, как-то портки, обувь, чулки, онучи, охабни, шляпы и шапки, делают их на русских мужиков похожими. У верхнего их одеяния нет таких широких воротников, какия носят черемисы.

Бабы и девки разнятся между собою, в рассуждении одеяния, по тому единственно, что девки носят платье похуже. Нижнее одеяние и рубахи во всем подобны черемисским. Верхняя рубаха есть обыкновенное и общее летнее одеяние. Пояс, от которого пускают на обоих боках по одной бахромкою обшитой лопасти, *сарою* называемой, прижимает оное к телу. Зимою надевают на рубахи таким же почти образом сделанные шубы или суконные разных цветов охабни. Женская шапка *(хушпу)* вся покрыта корольками и мелкими, наподобие чешуи расположенными серебряными монетами. Точно так же украшена и верхняя половина проведенного под пояс долгого хвоста *(ама)*. Под шапкою носят они белую вышитую, по краям корольками унизанную фату, которою невесты как бы покрывалом (*сурбан*) лицо свое занавешивают; у баб же висят просто оба конца на груди и бывают нередко украшены кисточками и бахромками. Волосы заплетают они в две косы и прячут под рубаху. В некоторых деревнях бабы вместо шапок носят только подобные черемисским головные повязки, осыпанные мелкими монетами, корольками и фарфоровыми раковинками, от которых небольшой хвост, как и от шапки, висит по спине. В продолжение оного проведен сзади от пояса вниз и другой подобный оному хвост. Еще перевешивают они иногда через левое плечо ремень, подобный жалованной ленте, который бывает шириною в ладонь и весь покрыт корольками, змеиными головками и поддельными червонцами.

Когда обедают или ужинают, то сидят за столом. Прежде, нежели примутся есть, говорят вместо молитвы: «Боже! Даждь нам хлеб!» А наевшись приговаривают: «Господи, не отринь меня!» Гостей своих потчуют они ложками и кормят их как будто на убой. Вместо кроватей служат им, как и татарам, широкие полати, на которых, не очень скудные, спят на перинах.

Когда родит чья-нибудь жена, то приятели и подруги приходят к ней на посещение, пьют пиво, дают новорожденному младенцу имя и одаривают его, кидая в стакан по нескольку копеек.

Пиршество сие называется у них положением младенца в колыбель (*пие ачи хывас*)[2].

Ежели кто вздумает жениться, то сват торгует девку очень крепко. Обыкновенная невестам цена простирается от двадцати до пятидесяти рублей, но некоторые за пять и за десять рублей получают также себе жен. Напротив того, богатые дают за невесту и до восьмидесяти рублей. Невестино приданое, состоящее в дворовом скоте, домашней утвари и одеянии, бывает почти равно платимым за нее женихом деньгам. Торг о невесте называется у них сватовством (*хота*).

По заключению оного бывает особый с дарами поезд. Жених приезжает с родителями своими к невесте, платит за нее договорные деньги, одаривает новых родственников рубахами, платками или холстом. Невестин отец, для сугубого в женитьбе счастья, приносит в жертву пшеничный хлебец, небольшое количество меду, сырцу[3]. Он держит дар свой против солнца и творит молитву, после чего едят, пьют, веселятся и напоследок определяют, когда быть свадьбе.

Во время свадьбы сидит невеста, занавеся лицо за отгородкою; напоследок, вышедши оттуда, ходит прискорбно в гостеприимной избе кругом, а девки носят перед нею пиво, мед, сырец и хлеб. Как обойдет она в третий раз избу, то жених срывает с нее покрывало, целует ее и меняется с нею перстнями. С сей поры называется она обрученною девкою и разносит гостям хлеб, мед, сырец и пиво, а напоследок уходит опять за отгородку, где бабы вместо худой девичьей шапки надевают на нее бабью, богаче убранную (*хушпу*).

Когда станут молодых раздевать, то невеста должна скинуть с жениха сапоги. На другой день поутру происходит о девичьей непорочности следствие: ежели окажется, что она до замужества жила нецеломудренно, то невестин прислужник подает старейшине с пивом такой стакан, у коего на дне пробуравлена дырочка, которую зажав пальцем, удерживает пиво. Но как скоро старейшина возьмет стакан в свои руки, то начинает напиток бежать из дырочки. Гости поднимают превеликий смех и приводят тем невесту в стыд, других не бывает никаких последствий. На другой день молодая принимает гостей уже как хозяйка, в рассуждении чего и веселья бывает больше, нежели в первый день. Пляшут же они по гуслям, по волынке и по губному органу. Крещеные венчаются в церкви, спустя иногда и долгое время после оных обрядов. Свадьбу играют больше у жениховых родителей, и она походит несколько на общественную пирушку,

потому что всякий гость несет что-нибудь с собою. Впрочем, ставят еще на стол и блюдо с хлебом, в который воткнута стрела. Тут, кто изволит из гостей, кладет молодым на разведение несколько копеек.

Муж имеет во всем полную власть, а жена должна повиноваться ему без всякого прекословия, в рассуждении чего и не бывает почти никаких в семействе ссор. Но ежели муж чрезвычайно женою своею недоволен, то разрывает ее покрывало (*сурбан*), и тем уничтожается навек супружеский между ними союз. Таким же образом разводятся с женами своими и все языческого суеверия придерживающиеся черемисы, мордва, вотяки и вогуличи, однако ж таковые случаи бывают редко.

Умерших своих погребают они по черемисскому обыкновению и наделяют их так же, как и они. На могилу кладут, по зажжении восковых свечек, блин и кусок вареной курицы, причем говорят: это тебе пригодится. Остатки же прибирают провожатые и думают, что вместе с мертвецом ели. Напоследок бросают худое одеяние умершего на могилу, моются и подвеселяют себя пирушкою в той избе, из которой вынесли покойника. В третий и седьмой день правят поминки, подобные первым черемисским. В октябре же всяк закалывает у могилы своих родственников овцу, корову, бычка, а иногда и лошадь, и сваря там же, едят так, что невеликие бывают остатки, кои кладут на могилу, и ставят при том небольшую меру пива. В четверг на страстной неделе выносит всякий хозяин для каждого из рода своего покойника на двор по небольшому количеству пищи, и для каждого ставит восковую свечу. Собаки, вместо умерших, питаются сим приношением. Впрочем и те, кои уже крестились, думают, что без сего обряда не могут умершие их родственники лежать в гробах своих спокойно.

Языческая вера чуваш сходствует в главных мнениях и обрядах с черемисскою. Жрецы их, принося жертвы одну после другой, молятся, колдуют, предсказывают и называются *юммами* и *еммами*. Где их нет, там вступает в должность их, под именем *чук тоата*, разумный старик. Керемети их подобны во всем черемисским, а называются еще и *ирсанами*[4].

Общего бога называют они *Торам*, а супругу его *Тор Амишею* (матерью божков). Между добрыми божками, кои считаются детьми или роднею Тора, кажется кереметь главнейшим, потому что молебные и жертвенные места ему посвящены, да и самыя жертвы ему же там приносятся. Кроме оного почитают еще *Полихса, Хирлсира, Пихамбара, Кабу* и других, чувашским подобных, божков.

Низшей степени божков называют вообще *ирисанами*. Они кажутся быть ангелами, или обоготворенными людьми. В числе богов злого качества почитают они также *Сатану* (Шайтана) первенствующим и определяют жилище ему в воде. *Обитами* называют они лесных божков, искушающих род человеческий. Впрочем просят они в молитвах своих Тора, чтобы благоволил укротить сатану.

Настоящих идолов у них нет. Однако ж их *ерих*, или *ирих*, на то походит несколько и подобен вотякскому *мудору*. Ерих составляет небольшая связка серебряных лоз, кои, нарезав осенью, ставят в угол избы своей и почитают оные столь священными или опасными, что никто и приступиться к ним не смеет. Они возобновляют своего ериха всякую осень, а старого пускают вплавь по реке.

Некоторые воображают себе состояние человеческое после смерти двояким, а именно: честные люди переселяются де в страну изобилия (*чемгерда*)[5], и в коей обрящут своих родственников, также скот и имение свое в гораздо лучшем состоянии против того, в каком они их на сем свете оставили, злые же будут странствовать в холодных и бесплодных степях, как кости без тела.

Кереметные, или общие, как и семейные их праздники, сходны с черемисскими не только в рассуждении обрядов, но и в самих названиях, ибо такие же бывают у них при том жертвоприношения, распоряжения и обряды, а разность заключается в том только, что чуваши от всех жертв бросают несколько и в огонь.

Праздник *байрам*[6] бывает у них весною, и они молятся в сей день об изобилии земном в наступающее лето. *Уйчук* есть благодарственная жертва, приносимая Кереметя за собранные с полей плоды. Причем закалывают только мелких животных. *Кереметь тасадас*[7], или праздник очищения Кереметя, бывает весною, когда начинают пахать поля, а обряды совершаются в кереметище с жертвоприношением перед семью огнями. Они приносят в жертву пироги и молоко, льют несколько на огонь, убирают прочее сами, и обращают моление свое наипаче к Кереметю Отцу (*Кереметь Аш*), Матери (*Кереметь Амша*) и сыну (*Кереметь Ивли*)[8]. Когда вздумают принести в жертву Пихамбару[9] большую животину по причине болезни или для счастья в скоте и проч., то избирают к тому Кереметище. Пернатых же и малую животину жертвует всяк дома. Жертвоприношение от нового хлеба (*сыне тыре чук тоны*)[10] есть тот самый праздник, который у черемис *уткинде байрань*[11] называется. *Мункун* (великий день) есть

среда на страстной неделе. В сей день приносит всякий хозяин у себя в доме жертву, состоящую в птицах и пирогах, причем один другого посещает и проч. Вообще они, как и черемисы, мордва, вотяки и некоторые другие народы, ввели очень много христианских, а еще больше мухаммеданских праздников в число своих, как например, выше помянутый великий день, поминание в четверг на страстной неделе, смывание тела и расположение молитв, да и самое слово *байрам* (праздник) — татарское.

Молитвы их бывают всегда одинаковые, и разность заключается только в обстоятельствах, да в лицах мнимых их богов, к которым они воссылаются. Полная чувашская молитва гласит в переводе так: Боже (*Тора* или иное какое божество), помилуй нас! Боже, не оставь меня! Надели меня множеством сыновей и дочерей! Боже, одари меня многими горами хлеба и наполни мои житницы и кладовые! Боже, ниспошли мне хлеб, мед, питье, съестное, здоровье, покой! Боже, наполни двор мой лошадьми, рогатым скотом, овцами, козами! Боже, благослови жилище мое, чтоб мог я странствующих принимать, покоить, питать и греть. Боже, благослови обладательницу земли (всемилостивейшую государыню). При всяком отрыве молитвы говорят миряне: Аминь!

При обращении их в 1723 году к христианскому закону они нарочито упрямились, а в нынешнее время, в которое без собственного согласия никого к принятию православной веры не принуждают и не отвлекает их никто от суеверия, да они и сами, в рассуждении тихомирного поведения, прилежания, верности и преданности своим начальникам, крестившимся нимало не уступают.

В междоусобных делах не употребляет народ сей никаких клятв, но единственно держатся своего слова. Но когда по каким-нибудь ссорам или другим причинам надобно им перед судьями присягать, то кладут им в рот понемногу соли и хлеба, причем говорят: чтоб мне этого у себя не видать, ежели я лгу или в слове своем не устою. Рекрутам же дают хлеб через сложенные крестообразно тесаки, и сие служит для сего народа вместо обыкновенной в России для прочих христианского исповедания народов присяги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Бешеная рыбица*** — речная сельдь, железница, чехонь, бешенка, чувашское название *çавран пулă, тимĕр пулă*.

2. ***Пие ачи хывас*** — обряд возложения младенца в колыбель; *пие* «пеленки», *пиеле* «пеленать»; *пие ачи* «грудной младенец».

3. Обычный набор жертвенных приношений при семейных обрядах: хлеб — за семь видов зерновых культур *(çичĕ тĕслĕ тырăпулăшăн),* домашний сыр (*чăкăт*) — за три вида домашнего скота *(виçĕ тĕслĕ выльăх-чĕрлĕхшĕн)* и мед — за благополучие пчелиных семейств *(ултă ураллисемшĕн, тăватă çунатлисемшĕн).*

4. ***Юммы, еммы,*** в современной орфографии ***юмăç*** — руководители ритуально-магических обрядов, жрецы, знахари и т. п. В чувашской традиции роль жрецов обычно исполняли старейшины рода (*ваттисем*).

Ирсаны, чуваш. ***ырсем*** — добрые духи, святые; почтительное название Киреметей.

5. ***Чемгерда*** — искаженное слово, очевидно, в оригинале было *чăн çĕрте* букв. «в праведном месте» (форма местного падежа от *чăн çĕр* «праведное место», «истинное место», «святое место», т. е. рай). Другие названия рая — *çăтмах, çăтмалăх, мамăрлă çĕр* «блаженное место».

6. ***Байрам,*** в современной орфографии ***пайрам, пейрем*** «праздник вообще» (из татар. *байрам*). Слово встречается только в речи закамских и приуральских чувашей и соотносится с весенними праздниками *ейĕн* или *сапантуй*.

7. ***Кереметь тасадас***, в современной орфографии ***киремет тасатас*** букв. «очистить киреметище». Обряд очищения киреметища совершается весной, перед началом общественных жертвоприношений и после их завершения.

8. ***Кереметь Аш — Киремет ашшĕ,*** букв. «Отец Киреметища», т. е. сам дух Киреметь; ***Кереметь Амша — Киремет амăшĕ*** — супруга Киреметя; ***Кереметь Ивли — Киремет ывăлĕ*** — сын Киреметя.

9. ***Пихамбар,*** в современной орфографии — *Пихампар* — один из главных прислужников Божьих, божество, управляющее животным миром.

10. ***Çĕнĕ тырра чӳк туни*** — обряд освящения нового урожая, иначе — *чӳклеме*.

11. Марийск. ***у кинде пайрем*** — букв. «праздник нового хлеба».

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

(1813—?)

В.И.Лебедев — автор ряда опубликованных в середине XIX в. статей о чувашах и чувашском языке. Родился 1 января 1813 г. в селе Штанаши Курмышского уезда Симбирской губернии в семье священника из чувашей.

Не установлено, где В.И.Лебедев получил первоначальное образование и где он работал в первые годы. Из его сочинений видно, что он хорошо знал города Свияжск, Казань, Москву и Санкт-Петербург. В своем очерке «Общественные гулянья и празднества в Казани» Лебедев показал себя знатоком жизни этого города 20-40 годов XIX в.

Известно, что в 1845—1848 гг. Лебедев работал земским судьей в городе Димитрове Московской губернии. В 1855 г. имя В.И.Лебедева встречается в списке бакалавров Московской духовной академии.

Выросший в чувашском селе, В.И.Лебедев хорошо знал быт местного населения, владел чувашским языком. Он проявил себя как наблюдательный автор и тонкий знаток материальной и духовной культуры чувашей. В очерке «Чувашские предания» приведены сведения о происхождении семи чувашских деревень — Красных Четай, Ходар, Штанаш и др., основанных на исторических фактах.

В статье «Звериная ловля у симбирских чувашей» В.И.Лебедев описывает их охотничьи приемы. Особый интерес представляет описание охоты на медведей. Быт и хозяйственный уклад присурских чувашей был традиционно связан с лесом, лесными промыслами. Только здесь до сих пор сохранились «подлесные песни» *вăрман юрри*. Описание охотничьих традиций чувашей занимает уникальное место в чувашской этнологической литературе.

В 1852 г. в «Журнале министерства внутренних дел» была опубликована статья В.И.Лебедева «О чувашском языке». Здесь он опубликовал несколько чувашских народных песен, почерпнутых из известного труда А.А.Фукс с переводом на русский язык, а также оригинальное стихотворение «Чăваш эпĕр пултăмăр...» Долгое время оно приписывалось С.М.Михайлову-Яндушу, однако в последнее время доказано, что его автором был сам В.И.Лебедев. Известно стихотворение В.И.Лебедева, раскрывающее довольно обширные и точные для своего времени

познания автора, ему были известны такие факты, как приход предков чувашей на Волгу откуда-то со стороны, родство чувашей с татарами и т.д. Вот это стихотворение (в переводе автора):

Мы чувашами родились
И у Волги поселились,
И живем при ней давным-давно.
А ученые хлопочут:
Откуда мы происходим?
Мы чуваши — так чуваши,
Нам приятели — татары,
И язык у нас чувашский...

Последующие исследования полностью подтвердили правильность взглядов В.И.Лебедева на историю чувашского народа. В названной статье Лебедев пишет, что раз шестьдесят проезжал через земли чувашей. Поездки ему помогли собрать значительный материал по этнографии чувашей. Богата этнокультурным материалом его работа «Симбирские чуваши». В ней описаны сельские поселения, планировка и внутренняя обстановка чувашской избы, национальный костюм, некоторые обряды и обычаи, музыка и танцы и т.д. Особенно интересны тонко подмеченные автором отличия между чувашами, живущими при больших дорогах и обитающими в лесных районах.

Творчество В. И. Лебедева, вышедшего из среды чувашей самородка высокой пробы, все еще остается неисследованным. Недавно выявлено 14 писем В.И.Лебедева, посланных им в журнал «Москвитянин». Есть надежда, что они приоткроют завесу над другими сторонами жизни и деятельности В.И.Лебедева.

В данную хрестоматию мы включили один из наиболее интересных и богатых фактическим материалом его очерков — «Симбирские чуваши» с незначительными сокращениями.

СИМБИРСКИЕ ЧУВАШИ

Чуваши одинаковы в главных чертах, разнятся немного в наречиях и некоторых обычаях.

Казанские чуваши[1] любят причастия и деепричастия и опускают личные глаголы. Чуваши симбирские[2] наоборот, т.е. или выражают речь личными глаголами без деепричастий, или к деепричастиям прибавляют личные глаголы, вследствие чего первые говорят: *вул кильза, вул пыхса*[3] «он пришедши», «он посмотревши»; последние говорят: *вул кильны* или *кайса кильны, вул пыхны*[4] «он пришел», «он посмотрел».

С другой стороны, казанцы одеваются замысловатее и веселятся иначе, чем последние.

Симбирские чуваши гораздо беднее других своих родичей, более дики и робки, чем чуваши казанские. Дикость и робость симбирских чуваш зависит от условий местности, часто от собственной лени, которой также способствует природа. Природа присурская богата рыбными озерами, сенокосами, пахотными землями, лесами. Но сурские чуваши не ставят дары природы ни во что. Разумеется, не все чуваши лентяи, есть зажиточные, держат пчельники, имеют мельницы и др.

Часто случается, что симбирские чуваши углубляются в леса верст на 30 от церквей и живут там семействами. Оттого они робки в обращении с другими людьми. При такой дикости чувашей и разъединенности общественные дела их обделывают так называемые *коштаны*[5] или, как говорят в других местах, мироеды.

Описание житья-бытья чувашей начнем с избы. Избы чуваш строятся всегда на один лад, потому что каждое место в избах имеет свое назначение, особенно при совершении религиозных обрядов. Избы чуваш строятся дверями к востоку и в основном ничем не огораживаются. Иногда два, три, пять семейств строят избы вместе, рядом, одни впереди, другие сзади и обносят одним общим забором, плетнем. Кто побогаче, обносят бревенчатым забором, любят жить отдельно. Для домашних животных строятся небольшие загороди по левую южную сторону избы, куда обращена единственная оконница дымного жилья.

Избы крыты соломой, представляют одну комнату без перегородок, с выходом на крыльцо, аршина на три от земли, растянутое на всю ширину восточной стороны избы. На эти подмостки ведут 10—12 ступеней, положенных на два, отлого устроенных бревна, на правой стороне делается что-то вроде навеса, под которым в летний период обитает все семейство или хозяин со своими досами[6] бражничает в часы досуга и лени. Против крыльца саженях в 10 строится амбар, в котором хранятся мука, зерно, мочало, кадочки и говядина.

При входе в комнату налево, или на южной стороне избы, представляется оконница четверти три вышины, четверти 1,5—2 ширины, у двери налево к востоку — волоковое окно четырехугольное, продолговатое с деревянной задвижкой, которое служит во время богомолий нишею, где жрец прилепляет восковые свечи[7]. От дверей в левую сторону по стене, противоположной дверям, тянутся нары — саганча[8] вышиной с аршин, шириной аршина 1,5—2. По правую сторону дверей, к северо-восточному углу избы, стоит сбитая из глины печь, обращенная челом к западной, глухой стене избы. Это делается для того, чтобы «черный глаз»[9] не испортил стряпни хозяйки, потому что заведывание печкою принадлежит хозяйке.

Во всю ширину печки устроен высунувшийся вперед очаг, курево[10] идет через комнату в растворенную дверь, а часть через волоковое окно, прорубленное близ потолка, над очагом в северной части.

В переднем углу избы устраивается треугольная полка для иконы.

Под саганчею (нарами) — подполье, вход находится в углу, против печки, или в углу хозяйки. В подполье хранится капуста, картофель, пиво ивашка[11], крень[12], иногда квас. Полы в избах и саганчу никогда не моют, пол метут голиком[13] или твердой березовой метелкой. Грязи бывает с вершок, которую иногда скоблят скребком. Избы закопчены. При единственном оконце, через которое проникает свет, делается жилище совершенно мрачным, тут однако чуваши живут и веселятся, совершают религиозные обряды. Двери изб и амбаров запираются деревянными замками, а открываются кривым зубчатым деревянным крючком[14].

Чуваши вовсе не имеют бань, потому никогда не моются, исключая летнего купания[15]. Белье меняют лишь тогда, когда отправляются в дальний путь или на попойку к досу. О мыле, чтобы иметь его для содержания чистоты тела, не имеют понятия, впрочем на чувашском языке есть слово *субонь*, которое обозначает мыло[16].

У казанских чуваш устройство домов такое же, но у них чище и опрятнее. У них есть запас дров, лыка, мочала, луба, дома крыты более дранью[17], загороди в основном из бревен, домашнего скота и птицы несравненно больше. Казанские чуваши трудолюбивее, чем симбирские, трудолюбие возбуждается возможностью сбывать приезжим на базарах.

Теперь о дневных занятиях симбирских чувашей в домоводстве и провождении времени.

Чуваши встают зимою очень рано, часа в три-четыре-пять, не позднее шести. Хозяин просыпается первым. Вслед за отцом встают все домочадцы; умывшись и выпив по ковшу воды, принимаются за работу, не оконченную прошлым вечером. Отец садится на нары, курит трубку, а сыновья отправляютея на *кардý*[18] убирать скотину и задавать корму. Девицы между тем впускают в избу кур, уток, а иногда гусей, кормят овсом, приносят в избу дров, воды. Хозяйка топит печку, начинает месить хлеба. Хлеб месят очень густо, пекут вышиною вершка в три, диаметром около четверти. Сажая хлеб в печку, чувашка с нашептыванием делает в верхней корке каждого хлеба указательным пальцем от одного до пяти углублений, которые означают счет караваев и вместе с тем имеют особенное, из старины идущее значение[19]. Перед сажанием хлебов хозяйка печет лепешки на поду в печке и раздает домочадцам вместо завтрака.

Хозяин между тем сидит на корточках подле нар и курит махорку в ожидании горячего картофеля и вожделенной *яшки*[20], которую варят над горнушкой[21], в навесном чугуне или котле с выпуклым дном. Когда печь истоплена и яшка сварена, хозяйка начинает тереть в маленькой ступе соль. Отобедав, принимаются за работу или ложатся отдыхать.

Вечером девицы сходятся на посиделки, затевают веселый разговор, начинают прясть лен или пеньку, шить или вышивать белье. Сыновья принимаются одни за лапти, а другие за починку оброток[22], иные вьют веревки.

Сам хозяин, если придет сосед, принимается бражничать. Вынимается из подполья *лянгас* (ведерко, сделанное из липы) *сырá* — пива, если есть, в противном случае *ивашки,* начинает угощать и угощается сам.

Чуваши пиво варят превосходно, так что едва ли какой пивовар может превозойти их. Петербургское или московекое — ничто в сравнении с чувашским, только бы чувашское сварено было бы из такого количества солода, которое следует употребить для лучшего пива. Что касается до ивашки — это чувашское

пиво, сваренное из третьей, четвертой или пятой части той пропорции солоду, которая следовала бы для лучшего пива. Оттого напиток жидок и горек на вкус. Кроме того у чуваш есть напиток *ирень*[23], он делается с квашенного козьего молока, на вкус крепок и приятен.

Девицы, рассказывая друг другу были и небылицы, прядут, шьют, вышивают подарок жениху или верхнюю рубаху для себя под венец. Для мужчин они вышивают рубахи там, где ворот, около шеи пальца на два бисером[24], в котором преимущественно черный, а потом зеленый и красный, разрез рубахи вышивают черной шерстью.

Женские рубахи вышивают цветами и городками по воротнику, рукавам и подолу на вершок или одной черной шерстью, или одной красной, не употребляя бисеру.

Лучины употребляют дубовые, березовые не употребляют, боясь, чтобы киреметь «не изломала» их за истребление этого священного дерева[25].

Летом в свободное время хозяин тянет пиво или мед. Мед чуваши делают из воды, которою промывают вощину и медовые кадки. Они квасят эту воду, кладут хмелю и оставляют бродить. Когда мед уходится, сливают его в бочонки и ставят в погреб на снег, отчего он отстаивается и получается желто-белого цвета.

Чуваши, имеющие пчельники, живут домами при этих пчельниках в лесу, редко имеют пчельники в селениях. Ульи выделываются из гниловатого во внутренности дуба аршина в три высотой, около аршина в диаметре с двумя должеями, из которых нижняя определяет меру подреза сот, прикрываются берестой и ильмовой корой. Они располагаются линиями от севера к югу аршина на 6 друг от друга, подпираются двумя дубовыми кольями с боков и обводятся канавою в поларшина глубиной для стока воды во время дождей, для предохранения от врага пчел — муравьев, всегда к востоку, — это делается для того, чтобы с восходом солнца возбудить пчел к деятельности, дав первыми лучами его осветить их чудно устроенное гнездо. При таком пчельнике чувашин устраивает огороды, заводит сенокосы, словом, живет всем хозяйством, и не заманишь его в селение. Такого рода пчеловоды выплачивают подати, покупают соль и табак, пьют водку, сбывают приезжающим для закупки русским. О земледелии заботятся мало, потому что могут удовлетворить нужды медом.

Впрочем, сельские чуваши очень нерешительно возделывают землю, исключая весьма немногих зажиточных мужиков, имеющих хороших лошадей. Плохо пропахивают, мало вывозят наво-

за, иные вообще не вывозят. Прилежные из чуваш, которых мало, унавоживают землю, хорошо пропахивают, сеют искусно, заборанивают тщательно, у них хлеб в изобилии, запас соломы на всю зиму, домашний скот их тучен, лошади способны ко всяким работам, а гумна полны копнами ярового и озимого хлеба. Старики с начала осени до зимы не сходят почти с гумна, наблюдая за огнем в овинной печке и за сушкой хлеба. Гумна устраивают на краю деревни, иногда вне деревни для безопасности от пожаров. Хлеб ставится не скирдами, а в виде остроголовой вазы на земле колосьями внутрь. Овины у чуваш похожи на шишаки или воронки, составленные из жердей сажени в три длиной, поставленных над овинной ямой глубиною в сажень, шириною аршина в два. Стенки ямы обложены дубовыми досками. В западной стороне — печка для огня. Снопы складываются около жердей с наружной стороны, колосьями внутрь. Подветренная сторона защищается лубками, которые вместе с обкладенными снопами обертываются веревками снизу доверху. Вход в яму с восточной стороны вне овина, так что в случае несчастья хозяин выскакивает из овинной ямы, разрубает веревки и овин распадается в разные стороны, отчего хлеба сгорает очень мало.

У зажиточных чуваш бывает от трех до десяти порядочных лошадей, две-три дойных коровы, от пяти до двадцати овец русских, от двух до пяти коз, от двадцати до пятидесяти кур, от десяти до пятнадцати уток, гусей, индеек, от десяти до двадцати свиней, которых начали заводить по примеру русских в двадцатых годах этого столетия.

Из молока коровьего и козьего делают чувашское масло вроде чухонского, похожее на продолговатое яйцо до двух фунтов весом. Делают сыр — это круглая высушенная лепешка пересоленного творогу в палец толщиной и вершка три в диаметре.

Живность продают заезжим торговцам, а иногда употребляют сами как лакомую пищу. Из бараньего и козьего мяса приготовляют *ширтаны*, так называется у чуваш провесная колбаса. Берут бараньего и козьего мяса, досуха его поджаривают, изрубают мелко, крепко набьют им бараний сычуг и провешивают на солнце. Эти провесные чувашские колбасы весьма приятны на вкус и удобоваримы для желудка. В приготовлении их чуваши такие же мастера, как и в варке пива.

Кожу продают на базарах.

В огородах сажают капусту, картофель, лук, чеснок, иногда морковь, брюкву, репу, подсолнечник, мак, огурцы.

Ветряные мельницы устроены на один лад, плохи и тяжелы,

так что во время движения колес можно руками остановить действие мельницы.

В фруктовых садах растут яблони с прибавкой рябины, притом редко можно увидеть, что яблони привиты.

Продавая домашних животных и другие произведения на базарах, на вырученные деньги чаще всего покупают водки, особенно во время зимы для вечеринок. Перед этим хозяин варит пиво, покупает водки и ждет гостей.

В назначенный день собираются гости. При входе гостей хозяин и хозяйка приветствуют их: *килях* (добро пожаловать). Чувашские дамы, желая показать свою грациозность и стыдливость, при приветствиях вытирают губы правой рукой как бы наотмашь и, с каждым шагом наклоняя свой стан вперед, пробираются к местам против печки, где садятся с хозяйкой, а кавалеры в ответ на приветствие едва наклоняют голову и, двигаясь вперед, с каждым шагом почесывают у себя в голове, рассаживаются по назначению хозяина.

Я намерен описать чувашскую вечеринку, на которой сам присутствовал. Деревня называется по-чувашски Штанаш, по-русски Станашево. Селение лежит верстах в 15 от Суры[26].

Давно желанный случай побывать на чувашской вечеринке открылся мне у священника этого селения по поводу помочей на солому.

Человек, делающий «помочи», зовет к себе пиво пить, взамен этого угощения гости привозят назначаемые хозяином дрова, мякину, солому и т.д. И остаются у хозяина до глубокой ночи: пьют, едят, разговаривают о разном.

Пригласивший меня священник отрекомендовал меня гостям за своего сына, приехавшего из Питера. Пошли толки, разговоры, наконец решили, что я *олбут* (барин).

— Попын ивыл хале улбут болны, выл Питер-дан кильны.

— Чин; вул час болать голава (да, он скоро будет судьей).

На следующий день я получил приглашение от зажиточного чувашина. Хозяин дал мне пару доморощенных коней с ямщиком, и мы покатились на чувашский бал.

Проехав верст пять, мы очутились в долине, окруженной лесом, где явилась перед нами чувашская деревня — цель нашего путешествия.

При подъезде нашем на двор хозяин выбежал на крыльцо и приветствовал обычным: *килях*. Гости были не все, еще собирались. Хозяева угощали собравшихся пивом, но еще поджидали кого-то.

Наконец послышались два колокольчика. На двор влетели

сани. В них сидела богатая чета недальней деревни. На богатом чувашине были шапка черного плиса, новый кафтан серого сукна, опоясанный красным шерстяным кушаком, черные сапоги с острыми, вздернутыми вверх носками и нагайка за поясом.

На супруге — такая же шапка, кафтан такого же сукна. Она убрана была (судя по-чувашски) отличным вкусом чувашских магнатов[27]: волосы причесаны гладко. Поперек головы к ушам положена лента домашнего изделия из разноцветных шерстей[28] и голова больше ничем не покрыта. К концам ленты и вместе к ушам спереди прицеплен тонкий треугольный кусок холста, висящий под подбородком — знак замужества[29]. К концу, висящему на груди, привешена *хошпа* — это продолговатый четвероугольник кожи длиной около трех вершков, шириной вершка два, покрытый сплошными рядами маленьких серебряных монет: ряд, идущий кругом — из четвертаков, ближе средней — ряд двухгривенных, далее — пятиалтынных, в середине — ряды гривенников. Другой четвероугольник, привешанный к первому, пониже, унизан всякими монетами. Обе хошпы лежат поперек груди[30].

Рубаха, заменяющая какое-нибудь кисейное или коленкоровое платье — тонкого, чистого, белого, как снег, холста, вышитая по рукавам, воротнику и подолу разноцветными шелковыми каемками и цветами и опоясана в два ряда шелковым поясом. На концах, спущенных по левой стороне, висят длинные густые кисти черного крученого шелку гребенкой зеленой меди с длинными кистями разноцветного бисера[31]. Ноги от колен до лаптей увиты онучами черного сукна раз в 30, так что от лаптя до колена нога делается толщиной вершков в пять. Поверх онуч и ниже рубахи, которая спущена до колен, виднеются холщовые штаны.

Сзади от ушей до пояса тянется *сарпан*[32] — это тонкий холст наподобие миткаля шириною вершков пять с поперечными сжатыми складками, верхними углами он прицеплен сзади к ушам за ленту, что идет поперек головы, нижними заткнут за пояс, закрывает собой косу, спущенную и заткнутую тоже за пояс. Пониже сарпана из-под пояса висят семь жестяных дудочек толщиной в палец, из них — кисти черного крученого шелку длиною в четверть, называемые *хюри* (хвост)[33]. В уши вместо серег вдевается по три кольца в диаметре вершка три и сверх того прицепляются нитки разноцветных бус длиною вершка в два цвета красного, черного, синего.

Вот так одеваются чувашские магнатки симбирских краев.

Хозяин стал подносить водку по ряду каждому из гостей от переднего угла до дверей с таким же приветом и ответом, при этих *тава* и *тавах*[34]. В первый раз потчевания хозяин не пьет

водки у каждого, а только говорит: килях, килях, ачам. Во второй, третий раз с досом задушевным рад он во всей строгости выполнять обычай.

Хозяйка между тем угощает своих дам пивом,которое подносится в маленьких ковшах с двумя рукоятками: одна — для подносящей, другая — для гостьи. Гостья берет ковш в свою руку, отпивает немного и, обсосав губы, отдает хозяйке, не говоря ни слова. Такая церемония дам чувашских повторяется несколько раз почти молча. Это называется угощением.

После обнесения всех гостей, музыкантов, которые занимают левую сторону около дверей, хозяин начал обносить таким же порядком пиво, поставленное в лянгасах на стол; наливается оно опущенными в лянгас ковшами с длинными ручками в другие ковши о двух рукоятках.

И вот после выпитой водки и пива разгорается фантазия магната-чувашина, он привстает с места, выставляет правую ногу вперед и приказывает веселить честную компанию музыкой и пляской. Музыканты зашевелились: одни взялись за гусли, другие — за пузыри и рожки *(шихран)* и завыли на тысячи ладов...

На танцах чувашский кавалер становится у дверей, а дама — с противоположной стороны. Мужчина начинает двигаться вперед, изгибаясь и наклоняясь, выставляя попеременно то правую, то левую ногу, с правым и левым плечом вперед и среди комнаты стучать ногами, в это время дама начинает подвигаться такими же приемами, а кавалер отступает к двери, при второй сходке меняются местами. Хлопание в ладоши, присвистывание гостей, гаркание танцора, визг пузырей, бренчание гуслей создает мрачную картину взволнованного ада. К десяти часам вечера женщины, обнявшись, запели свои обычные: ой, ой...

Я подошел к хозяину, стал благодарить его и велел подать лошадей.

Чуваши весьма похожи друг на друга по своим формам, росту, цвету лица, волосам, обхождению, одежде и т.д. Есть очень много мужчин рослых, дородных, свежих, статных и красивых. Цвет лица смугловатый, волосы у многих совершенно черные, у многих только темные с небольшим отливом волос русых или рыжеватых.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Казанские чуваши*** — чуваши бывшей Казанской губернии.

2. ***Симбирские чуваши*** — чуваши бывшей Симбирской губернии; здесь в первую очередь имеются в виду верховые чуваши, проживавшие в Курмышском уезде Симбирской губернии.

3. ***Вул кильза,*** в современной орфографии ***вăл килсе*** «он пришедши» или «он пришел»; ***вул пыхса,*** в современной орфографии ***вăл пăхса*** «он посмотревши» или «он посмотрел».

4. ***Вул кильны,*** в современной орфографии ***вăл килнĕ*** «он пришел»; ***кайса кильны,*** в современной орфографии ***кайса килнĕ*** «сходил», «съездил»; ***вул пыхны,*** в современной орфографии ***вăл пăхнă*** «он посмотрел».

5. ***Коштан,*** в современной орфографии ***куштан,*** в старой чувашской деревне — лицо, часто выступавшее как посредник и защитник интересов общины.

6. ***Дос,*** правильнее ***тус*** — «друг», «приятель».

7. Волоковое окно, предназначенное для выхода дыма из курной избы (чуваш. *тĕнĕ*), имело сакральное значение. Название восходит к тюркскому *тӳнглӳк* «дымовое отверстие вверху юрты». Согласно древним тюркским представлениям, духи и души предков могли проникать в юрты только через дымовое отверстие. Аналогичные воззрения на *тĕнĕ* сохранились и у чувашей.

8. В диалектах чувашского языка встречаются формы *сакан, сакань, сак ай* «подполье». Вместе с тем, форма ***саганча*** встречается и в «Записках» А.А.Фукс, что свидетельствует о ее реальном бытовании в середине XIX в. в значении «нары».

9. «Черный глаз», здесь в значении «дурной глаз», «сглаз»; по народным верованиям, способностью сглазить обладают черноглазые люди.

10. ***Курево*** — здесь в значении «дым».

11. ***Ивашка*** — слабое, жидкое пиво, из чуваш. *йăваш сăра.*

12. ***Крень,*** очевидно, опечатка, вероятно, имеется в виду *уйран* «пахта», «кислое молоко»; см. ниже *ирень* (примеч. 23).

13. ***Голик*** — веник из голых прутьев.

14. Для запирания амбаров чуваши пользовались деревянными запорными устройствами, приделываемыми к дверям.

15. Здесь В.И.Лебедев явно ошибается. Баня в жизни чувашей имеет длительную традицию. Сохранилось множество обрядов, обычаев, ритуалов, связанных с банной культурой у чувашей.

16. ***Субонь,*** в современной орфографии ***супăнь.*** В середине XIX в. мыло в чувашской деревне было большой редкостью. Однако

чуваши знали много растений, дающих обильную пену и широко пользовались для смягчения воды щелоком *(сĕлтĕ)*.

17. ***Драньи*** или ***драница, дранка*** — колотые дощечки для кровли. Отсюда же чуваш. *тĕренче*.

18. ***Карда,*** в современной орфографии ***карта*** — «хлев», «скотный двор».

19. Сажая хлеб в печку, чувашки делали с четырех сторон каравая по отметине, означавшие углы Вселенной, а затем выдавливали на середине крест, символизирующий пересечение всех противолежащих сторон Вселенной. По существу, каждый каравай становился особой сакральной ценностью — моделью мира.

20. ***Яшка*** — «похлебка», «варево», «суп».

21. ***Горнушка,*** или ***зольник,*** — уголок налево от шестка русской печи, куда выгребали жар (чуваш. *вучах*).

22. ***Обротка,*** или ***оброть, недоуздок*** — конская узда без удил.

23. ***Ирень,*** в современной орфографии ***уйран*** (диал. верх. *ойран, орян*) «пахта», «простокваша», «кислое молоко», «сколотины».

24. Здесь впервые в этнографической литературе зафиксировано бытование у чувашей шитых бисером мужских рубах.

25. Интересна отмеченная связь Киреметя с березой (женским символом), а не с дубом (мужским символом). Киреметь как поднебесное божество связывался чувашами с матерью-землей.

26. ***Село Штанаши*** ныне входит в Красночетайский район.

27. ***Магнат*** — «вельможа», «столбовой дворянин» — здесь употреблено шутливо.

28. ***Масмак*** — деталь головного убора верховых чувашек.

29. ***Сурпан*** — головной убор чувашских женщин, описание его неточно: сурпан имеет четырехугольную, а не трехугольную форму.

30. ***Хошпа***, в современной орфографии ***хушпу*** — головной убор замужних женщин. У верховых чувашей хушпу не зафиксирован. В.И.Лебедев под названием *хушпу* описывает женское нагрудное украшение, известное как *шӳлкеме*.

31. Здесь впервые в этнографической литературе описано женское поясное украшение ***йĕс тура,*** в конце XIX в. ушедшее из быта.

32. ***Сарпин***, в современной орфографии ***сурпан.***

33. ***Хюри,*** в современной орфографии ***хӳре*** — женское наспинно-поясное украшение; вышло из употребления в конце XIX в.

34. ***Тава, тавах,*** в современной орфографии ***тав*** — «благодарность». Это ритуально-этикетное выражение, произносимое при поднесении заздравного ковша с пивом или рюмки с вином в застолье. В ответ принимающий ковш отвечает *тавах* «благодарю».

ИВАН ИВАНОВИЧ ЛЕПЕХИН

(1740—1827)

И. И. Лепехин. Литография Мошарского.
Начало XIX в.

И.И.Лепехин — известный русский путешественник, член академии наук, руководитель «Второй Оренбургской экспедиции», снаряженной в 1768 г. для изучения разных районов Российской империи.

И.И.Лепехин родился 10 (23) сентября 1740 г. в семье солдата Гвардейского Семеновского полка. Был определен в ученики «десианс-академии», где показал себя любознательным и пытливым студентом. Имея большую тягу к естественным наукам, обратился в академию с просьбой послать его для обучения за границу. Выбор академиков пал на Страсбургский университет, и 13 (20) сентября

1762 г. Лепехин выехал из Санкт-Петербурга. Вместе с ним поехали переводчик А.Я. Поленов, посланный для окончания образования, и адъюнкт академии наук Протасов.

В те времена Страсбургский университет пользовался в Европе громкой славой и привлекал слушателей из многих сопредельных стран. Из числа профессоров Страсбургского университета особенно славились Шепфлин, Герман и Шпильман.

Шепфлин был превосходным знатоком истории и «древностей» европейских народов. Своими незаурядными знаниями по целому ряду наук И.И.Лепехин обязан именно ему.

Знаток естественных наук, Герман, создал в Страсбурге ботанический сад и кабинет натуральной истории. Высокую оценку научные труды Германа получили в «Истории естественных наук» академика Ж.Кювье.

Известный химик Шпильман читал также лекции по медицине, что оказало немаловажное влияние на расширение круга научных интересов И.И.Лепехина.

В годы учебы в Страсбурге Лепехин вел переписку с М.В.Ломоносовым, который был намерен по возвращении на родину назначить его заведующим кафедрой ботаники академии наук.

Почти одновременно с Лепехиным в Страсбургском университете слушал лекции Иоганн Вольфганг Гете — будущий великий немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени, мыслитель и естествоиспытатель и, между прочим, иностранный почетный член Санкт-Петербургской академии наук (с 1826 г.)

5 мая 1767 г. И.И.Лепехин блестяще защитил диссертацию и получил степень доктора медицины. Летом 1767 г. он выехал в Россию. Его путь лежал через Голландию, где Лепехин посетил старинный университетский город Лейден и познакомился с известными учеными.

По прибытии в Санкт-Петербург после соответствующей аттестации И.И.Лепехин 23 мая (5 июня) 1768 г. был единогласно избран адъюнктом академии наук.

В это время академия приступала к организации одной из грандиозных экспедиций XVIII в., известной под названием «физической» или «академической». Общим руководителем экспедиции 1768—1774 гг. считают академика П.-С.Палласа, но отдельные отряды, возглавлявшиеся крупными учеными, действовали вполне самостоятельно. Поводом к организации экспедиции послужила подготовка наблюдений над прохождением Венеры перед диском Солнца в мае 1769 г. Но на деле задачи экспедиции были более широкими, поэтому экспедиция, если считать ее за одну, продлилась целых шесть лет.

Помимо поездок с чисто астрономическими целями, академия снарядила и пять особых «экспедиций». Три из них считались «оренбургскими»,

а остальные две — «астраханскими», хотя на самом деле их деятельность отнюдь не ограничивалась этими географическими рамками. (См. в данной книге биографический очерк о П.-С.Палласе.)

Во главе «Первой Оренбургской экспедиции» стоял П.-С.Паллас. И.И.Лепехин руководил второй «Оренбургской» экспедицией. Его спутниками и помощниками были «гимназисты» Николай Озерецковский, Тимофей Малыгин и Андрей Лебедев. Двое первых впоследствии сами стали академиками. Назначение Лепехина руководителем столь масштабной научной экспедиции свидетельствует о высокой оценке его знаний в академических кругах Петербурга.

Группа И.И.Лепехина тронулась в путь 8 (21) июня 1769 г. Через Москву, Владимир, Муром и Арзамас она вышла около Симбирска к Волге, обследовала Среднее Поволжье, а затем двинулась вниз до Астрахани. Оттуда экспедиция направилась в Оренбургские степи, далее поднялась к северу по Уральским горам. Потом отряд двинулся по бассейну Вычегды и вышел на Северную Двину, по реке спустился в Архангельск, объехал побережье Ледовитого океана, а оттуда через Олонецкий край прибыл в начале 1773 г. в Санкт-Петербург. Но в Северной Пальмире И.И.Лепехин пробыл недолго, в марте того же года выехал в Псковскую и Могилевскую губернии, откуда возвратился только в конце года. В общей сложности Лепехин провел в пути пять с половиной лет.

Путешествия совершались не непрерывно в заданном направлении. В определенных пунктах экспедиции останавливались, и ученые разъезжались, нередко довольно далеко от места остановки, а после исследования данной местности двигались дальше. Все увиденное во время экспедиции описывалось, велись подробные дневники, позднее на основе этих записей появлялись многотомные труды.

И.И.Лепехин на основе дневников «Второй Оренбургской экспедиции» издал в 1771—1805 гг. «Дневные записки путешествия Ив.Лепехина по разным провинциям Российского государства» в четырех томах. Последний том отпечатан уже после смерти Лепехина его учеником Н.Я.Озерецковским. Первые три тома этого уникального труда были переизданы в 1795—1814 гг., а затем они вошли в состав «Полного собрания ученых путешествий (1818 —1825)», кроме того в 1774—1783 гг. было осуществлено издание этого труда на немецком языке.

Шестилетние путешествия сотрудников академии охватили в общей сложности громадную территорию от Белого моря на севере и до Закавказья на юге, от Санкт-Петербурга на западе и до Забайкальских степей на востоке. В результате был накоплен очень большой и разнообразный материал, в том числе и этнографический. Особенно много этнокультурного материала содержится в описаниях П.-С.Палласа, В.Ф.Зуева, И.И.Лепехина, К.А.Гильденштедта.

В своих «Дневных записках» И.И.Лепехин описал множество различных минералов, растений, животных, в том числе не известных науке. Описывая минеральные и рудные богатства России, автор старался не упускать из виду ни интересов науки, ни интересов экономики.

И.И.Лепехин описал жизнь и быт более десяти разных народов и собрал чрезвычайно ценный этнографический материал, который и составляет главное достоинство его «Дневных записок». В лице Лепехина перед нами выступает не простой бытописатель, а незаурядный исследователь. Лепехин описывал предметы домашнего обихода и обстановку жилищ и тем сохранил для потомков следы безвозвратно исчезнувших явлений прошлой жизни. Он записал много легенд и преданий, примет и поверий. Встречаются в «Дневных записках» и сведения по народному образованию; он внес в свой дневник несколько древних грамот.

Большое внимание уделял И. И. Лепехин изучению жизни «инородцев», как тогда называли все нерусские народы. В «Дневных записках» находим много интересных сведений о мордве, чувашах, татарах, калмыках, киргизах (т.е. казахах), башкирах, зырянах (т.е. коми-зырянах), вогуличах (т.е. мансийцах) и др. Он подробно описывает образ жизни этих народов, их нравы, обычаи, любимые занятия, касается их верований и суеверий, сообщает сведения об особенностях их языка и т.д. Встречая старинные здания, предметы, представляющие археологический и исторический интерес — оружие, монеты и т.п., — он тщательно описывает и их.

По своим научным достоинствам «Дневные записки» И.И.Лепехина не уступают запискам академиков П.-С.Палласа и И.Г.Гмелина, а во многом даже стоят выше их. Лепехин не закрывает глаза на факты беззакония и бесправного положения крестьянских масс — особенно среди нерусского населения. На Уральских заводах он видит, как владельцы их закабаляют чувашей, переселившихся на Урал, но не приписанных формально к заводам. «Сей народ, претерпевая иногда притеснения или другим каким нещастием пришед в скудость, берет заимообразно у богачей деньги. Заводчики в таких случаях бывают щедры и задолживают чуваш иногда по 100 рублей на душу с тем, чтобы они деньги зарабатывали на заводах». Но так как заводы от чувашских деревень отстоят порой на сотни верст, то переезды из дома на завод и обратно по нескольку раз в год «нередко должников в большую приводят скудость»; да и без того кабальные условия труда вконец разоряют рабочих. «... Не знаю, — пишет И.И.Лепехин, — могут ли они совершенно заработать свой долг, тем наипаче, что чувашанин, или добывая руду, или в дровосеке, зарабатываемые деньги почти износит на рукавицах, и так год из года больше наживает долгу».

В самом стиле изложения «Дневных записок» бросается в глаза простота и сдержанность. Такой простой стиль, без обычных тогда высоко-

парных фраз, даже несколько шокировал тогдашнюю академическую публику.

Заслуги И.И.Лепехина перед народом и отечеством были замечены передовыми людьми России. Еще во время экспедиции 3 (26) марта 1770 г. он был избран членом Вольного экономического общества, а 8 (21) апреля 1771 г. — академиком Санкт-Петербургской академии наук. Труды Лепехина получили и международное признание. В 1776 г. он был избран в члены Берлинского общества испытателей природы, а в 1778 г. стал членом Гессен-Гамбургского патриотического общества. Интересно также заметить, что в честь выдающегося русского естествоиспытателя были названы два новых вида насекомых и одно редкое растение.

После возвращения из экспедиции в Санкт-Петербург, кроме обработки собранных материалов, И.И.Лепехин написал большое число научных работ. В изданиях академии наук на иностранных языках напечатаны двенадцать его «мемуаров» по ботанике и девять по зоологии. Ряд интересных работ опубликован И.И.Лепехиным в «Новых ежемесячных сочинениях». Многие из них наряду с научной новизной отличаются практической направленностью.

Помимо научной, И.И.Лепехин занимался и организаторской деятельностью. В течение 15 лет он исполнял обязанности инспектора академической гимназии, вникал в нужды и интересы воспитанников, сам занимался с ними. По возвращении из экспедиции Лепехин был назначен директором ботанического сада. Вплоть до открытия Российской академии наук он активно сотрудничал в комиссии по изданию переводов, учрежденной Екатериной II.

Лепехин просмотрел множество материалов, предложенных для издания книг. Под его редакцией выходили «Новые ежемесячные сочинения». Много сил вложил Лепехин в подготовку академического издания сочинений М.В.Ломоносова.

В 1787 г. Санкт-Петербургская академия наук приступила к переводу известного сочинения французского естествоиспытателя Жоржа Бюффона «Естественная история» в 36 томах. К переводу были привлечены видные академики, но больше всех здесь потрудился И.И.Лепехин. Первый том «Естественной истории» был переведен И.И.Лепехиным вместе с С.Я.Румовским, последние шесть томов — от пятого до десятого — единолично И.И.Лепехиным. Это капитальное издание было начато в 1789 и закончено в 1801 г.

В день открытия Российской академии наук в 1783 г. И.И.Лепехин был признан ее действительным членом и назначен непременным секретарем. По уставу в академии наук должны были работать два секретаря, но Лепехин один успевал исполнять их обязанности, причем второй оклад оставлял на нужды науки.

И.И.Лепехин принимал самое активное участие во всех начинаниях Российской академии наук, участвовал в разработке планов ее работ, составлял все отчеты о деятельности этого высокого научного учреждения.

Огромный вклад внес И.И.Лепехин в составление Академического словаря русского языка — активно собирал слова, объяснял их значения, приводил в порядок и систематизировал словарные статьи и, наконец, самое деятельное участие принял в его издании.

За свои выдающиеся труды И.И.Лепехин первым из сотрудников Российской академии наук был удостоен золотой медали, впоследствии ежегодно присуждаемой наиболее активно потрудившимся членам.

Выдающийся российский ученый академик Иван Иванович Лепехин скончался в 1802 г. Но труды его на протяжении долгого времени имели определяющее значение в дальнейшем развитии российской науки.

В «Дневных записках» И.И.Лепехина содержится ряд уникальных зарисовок относительно общественных и семейных обычаев чувашского народа, при этом автор не просто описывает эти обычаи, но и старается по мере возможности объяснить их, докопаться до их корней.

В первом томе своего труда ученый в двух очерках описывает этнокультурные особенности закамской группы низовых чувашей. Лепехин констатирует большое сходство многих элементов хозяйства, культуры и быта народов Среднего Поволжья как между собой, так и с русскими. Он прослеживает его в типах поселений, в устройстве общественного управления деревнями, в хозяйственных постройках и домашней утвари, в пище, в одежде, особенно мужской и т.д. Лепехин характеризует многие сельскохозяйственные занятия — животноводство, бортничество, рыболовство, домашние ремесла.

Много внимания уделял И.И.Лепехин религиозным верованиям и обрядам чувашей и мордвы. Он описывает некоторые традиционные моления язычников, приводит даже несколько фрагментов молитвенных текстов на чувашском языке и снабжает их русским переводом, описывает родильные, погребальные и поминальные обряды чувашей-язычников, женитьбу и фрагменты свадебного церемониала.

Материалы Лепехина ценны еще тем, что они представляют собой наиболее раннее описание жизни и быта закамских чувашей. Это делает труд И.И.Лепехина неоценимым историко-культурологическим источником.

Ниже публикуются два очерка из «Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году» (СПб., 1771) — «О жителях при Черемшане» и «О мордве, чувашах, татарах» практически без сокращений.

ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

О жителях при Черемшане

Жители по сей реке разного происхождения. К устью ее есть русские поселения, а от Мелекеса[1] даже до вершин все пространство, исключая Черемшанскую крепость[2], занимают некрещеные мордва, чуваши, казылбаши[3], то есть вышедшие из Киргизского плена[4]. Азиатцы, как-то персы, хивинцы, бухарцы и прочие, принявшие православие, и еще по своему закону живущие татары.

Хотя все сии жители весьма между собою соседственны и в беспрерывном сообщении, однако кроме языка можно удобно их между собою различить. Татары всех между ими проницательные и больше обрядны. Близко к ним подходят мордва, а последнее место остается для чуваш.

О строении при Черемшане и о нравах жительствующих

Деревни их и села в том только разнятся от русских, что они построены кучею. Каждая деревня имеет свою особливую ограду, которая околицею называется и состоит из жердей. Она служит на такой конец, чтобы скотина без пастуха не могла выйти из деревни и попортить их пашни, которые близ самих деревень находятся. Каждый житель имеет особливый дом, который, смотря по достатку крестьянина, или тыном, или забором огорожен. Среди самого двора ставят жилые их избы, которые никакой пристройки не имеют, как-то сеней или чуланов, но двери прямо отворяются на двор. Зажиточные между ими имеют при каждой зимней избе и летнюю, которая против зимней ставится и соединяется с нею переходом, что по большей части у татар видеть можно. В избах их редко примечаются полати, а у татар совсем их не имеется; но вместо оных поделаны глухие нары около стены, дверям противолежащей, шириною сколько протянувшийся человек занять может. Нары служат им и кроватью, и ларем для поклажи домашних надобностей, а зимою запирают в них

молодой свой скот. В потолке над нарами прикрепляется веревочка, к которой привешивают занавес шириною во все нары, итак, когда его спускают, то он представляет совершенный полог. Татары имеют изрядные перины и подушки, сшитые на русский образец, и не попускают никогда гостя сесть на простую лавку, но всегда подкладывают или подушку, или какой мех, или войлок[5]. Всякой домашней посуды у них довольно, как-то ложек, блюд и проч., и посуду свою, как и прочий домашний прибор, весьма чисто содержат. Они чрезмерно ласковы, любопытны, угостительны, но притом и хитры. Обрусевшая мордва много сходственного имеет с русскими крестьянами, но не так обрядны, как татары; а чувашей ни с кем лучше сравнить не можно, как с маймистами. Избы у чуваш и мордвы черные, а у татар белые, притом печи их с особливою уютностью делаются. Кроме обыкновенного шестка по обеим сторонам оного приделывают они очажки наподобие химических печек, которые от куба свое наименование имеют. В трубе делается уступ на поларшина, куда они ставят поленья для лучины. У мордвы и у чуваш окна бывают волоковые с задвижками; напротив того у татар красные, и за недостатком в тамошних местах стекол оконницы делаются из требушины коровьей, а на местах, ближайших к Волге — сомовьей или белужьей кожи. На дворах как у мордвы, так и у татар бывают всякие нужные пристройки как для скота, так и поклажи хлеба и сена. Притом почти у каждого баня, в которой они еженедельно парятся. В паренье у них есть некоторая особенность. Они парятся в несносном жару стоя и в два веника.

О сельских жителях

Каждая деревня имеет своих начальников, которые учреждены по обыкновению российских крестьян. У них есть десятники, выборные, сотские и старосты. Десятник, староста и выборный бывают в одной деревне, но сотник иногда в трех или четырех деревнях один бывает.

Старостина и десятников должность состоит в отправлении всяких надобностей проезжающим. В их власти зависит собирать общий совет, собирать подушные деньги, решить неважные между крестьянами ссоры. Сотники кроме обыкновенного суда обязаны в случае надобности стряпать за свои деревни в присутственных местах, отвозить подушные деньги, отдавать рекрут и проч.; почему сотники имеют некоторые от миру доходы. За них платят миром подушные деньги, гоняют подводы и делают на пашне

помочь. В некоторых местах чуваши и мордва для большего себе защищения принимают к себе отставных офицеров, которых они залогою называют; и залоги отправляют все те дела, которые у других чрез сотских отправляются.

О пище

В рассуждении пищи можно сказать, что все живущие по Черемшану много сходствуют с русскими. Они варят щи, кашу, пироги и проч. Чуваши на питье употребляют воду, а богатые пиво, мордва имеет квас; а татары пьют кислое молоко, *ейрян* называемое[6]. Они все упражняются в хлебопашестве, но с тем только различием, что мордва больше сеет других. Близко к ним подходят чуваши, за чувашами следуют татары, а казылбаши почти совсем ничего не сеют, но живут скотоводством и нанимаются в пастухи.

Женский пол как у мордвы, так и у чуваш весьма рабоч, и не только способствует своим мужьям, но и сами пашут, косят сено и возят и почти всякую работу, какую их мужья, отправляют.

О пашне черемшанских жителей

По тучности земли, какая около Черемшана примечается, жители ни в каком удобрении нужды не имеют, ибо она без всякого удобрения с лихвою все произращает; что из одних трав видеть можно, которые почти вдвое выше пред другими растут местами. Унавоживание пашни, по их опытам, еще и вредит урожаю в хлебе, ибо на унавоженной пашне посеянный хлеб весьма скоро выбегает, и имея тонкий стебель, ложится на землю прежде, нежели созреть может, отчего весь посев пропадает; однако они не совсем просто покидают свои пашни, но употребляют еще древний род удобрения.

О удобрении пашен

Как осенью, так весною, по сжатии хлеба пускают на пашни свой скот, который оставшуюся траву выбирает и некоторым образом унавоживает пашни. Сей род удобрения они толокою называют. Сверх сего каждою весною оставшуюся солому (ибо они высоко жнут хлеб) выпаливают, которое выпаливание немало к удобрению земли служит; да и самое умствование кажется с оным согласуется, ибо чрез выжигание не только очищается пашня от ненужных трав, но еще оно и препятствует, чтобы оставшиеся травы, погнив, не произвели того перероста в хлебе, какой бы-

вает от унавоживания. Сверх сего от сожжения трав рождается питательная хлебу щелочная соль. При выпалении пашен употребляют они различные средства, дабы через то больше не причинить вреда, нежели пользы. На такой конец выбирают тихий день; а когда небольшой случается ветер, то смотрят, чтобы он веял прочь от их жилья и лесу. Если же огонь усилится и пойдет далее, нежели быть должно, тогда таскают воду и заливают, заметают метлами землю, и тем далее огню распространяться препятствуют. Другие, которые семьенистее, или лучше сказать, рачительнее к общему добру, все то место, которое выпалить намеряются, опахивают в две борозды сабаном[7], так препятствуют усилию огня. Они выпаливают также свои луга, однако не для того, чтобы сие служило к лучшему призращению травы, но дабы оставшиеся старые стебли твердостью своею в кошении не препятствовали, ибо искусство их научило, что невыпаленные поля совсем к кошению неудобны. Новые места или залог поднимают сабаном, который описан выше; а заводные лошадьми и на всякой пашне оный употребляют.

О разделении пашни

Весь род пашни по пространству их мест разделяется у них так, как и у русских крестьян, на озимую и яровую пашню и пар. Искусство живущих при Черемшане научило, что несмотря на тучную землю, которая по наружному виду все с лихвою произращать может, не всякий посев с равным успехом бывает. Сверх сего нередко случающиеся среди самого лета морозы нежному посеву много вредят. Я никакой другой причины частым морозам не нахожу, кроме частых ключей, которые или в равнинах, или из гор вытекают.

Всяк, кто бывал в тех местах, удобно на сие согласится, ибо легко приметить можно, что в тех местах, где такие бывают источники, совсем отменное чувствуется растворение воздуха. Я приведу в пример одно Спасское село, которое лежит на самой Оренбургской дороге и где имеется великий ключ. Въезжая в околицу сего села, атмосфера бывает гораздо холоднее, и чем ближе к сему источнику приближаешься, тем холод чувствительнее становится. Пусть кто хочет, производит сие от других причин, как-то от разного соляного смешения, селитры и проч., но я то знаю, что по крайней мере до сего времени никто еще селитры и другого соляного смешения, ниже отменного вкуса воды в сиих местах не обыскал. Вышеупомянутые причины принуждают жи-

телей на Черемшане в различном количестве сеять хлеб. Самый больший их посев состоит в ржаном хлебе. За рожью следует овес. Льну и коноплю сеют мало и только для своих надобностей, потому что оные на их тучной земле родятся неудобно и от случающихся заморозков повреждаются. Греча, или дикуша, хотя и сеется в разных деревнях, но весьма с малым успехом, ибо тучная земля к урожаю сего произрастания неспособна. Пшеницу перед рожью и овсом сеют в меньшем количестве и недостаток пшеницы награждают полбою. Сенокосов и пажитей имеют довольное число, так что многие луга остаются некошены, потому что развозить и продавать сено не в обыкновении. Гороху почти совсем не сеют, и нам только в двух местах оный сев видеть случилося. Чечевицу сеют одни татары; да и то не в великом множестве и единственно для домашних нужд.

Жнитва

Жатва у всех живущих по Черемшану бывает, как и у русских, то есть серпом. В некоторых местах сказывали нам, что они для скорейшего жатья хлеб свой косили косами, так, как сено, но чрезмерный урон, который они от сего средства чувствовали, принудил их остаться при прежнем обыкновении, ибо от ударения косы колос осыпался, и почти третья доля зерен терялася.

Как сохраняют сжатый хлеб

Сжатый хлеб сохраняют в одоньях, которых верх укрывают соломою. Одоньи ставятся по большей части на покатом месте, чтобы в дождливое время вода могла сбегать и не подмачивала оных. Иные делают около одоньев небольшие канальцы и так спускают воду. Татары ставят свои одоньи на столбах, на которых делают пол из пластелин, и так сберегают свой хлеб от мокроты и от гадов. Молоченый хлеб держат в житницах; если у кого хлеба много остается, то к сбережению оного никакого другого средства не употребляют, кроме что часто ворочают оный в ларях или из одного ларя пересыпают в другой.

Молотьба

Молоченье у них бывает трояким образом: или молотят цепами в снопах, или, как то по большей части делают татары, разостлав снопы. Особливый способ молотить, которого нигде в

других местах не употребляют, состоит в том, что сию работу отправляют лошади. Среди гумна утверждают столб, на верхней зарубине которого кладут движущееся деревянное кольцо; к кольцу привязывают веревку, а к веревке двух лошадей рядом. Около столба расстоянием на сажень кладут развязанные снопы так, чтобы лошади всегда ходили по оным. Лошадей гоняют круг столба, которые, своими копытами топча колосья, ту же отправляют должность, какую отправляют цепы. Но сколь вредно сие молочение, предвидеть не трудно: ибо крестьянин лишается на разные ему потребы пригодной соломы; да и самые зерна, будучи разбрызганы, могут быть повреждены и перемяты, отчего иногда неурожай воспоследовать может[8].

О овинах

Они также имеют особливый род овинов, который называется шиш. Выкапывают яму с продолговатым выходом, которую окружают кольями так, что верхний конец оных связывается вместе, отчего сии колья представляют коническую фигуру. Расстоянием от верху кольев на две трети внутри делают поперечник из жердей, на которые кладут лубок. Около сего шиша ставят ярусами вокруг свои снопы, даже до самого верху так, чтобы верхнего яруса снопы своими комлями покрывали колос нижнего яруса и зерно бы всегда коптело и сушилося дымом. Обложивши таким образом свой шиш, в яме раскладывают огонь, которого дым, проходя сквозь окладенные снопы, сушит колосья. Но чтобы наверху пересехшие зерна не валились в огонь, на то сделан прежде упомянутый в середине лубок, на котором падающие собираются зерна. Такой овин можно бы советовать завести и в других местах, ибо если по несчастью случится, что овин загорится, то вскоре можно построить новый; если бы в нем не было других недостатков. В русском овине можно сушить снопы во всякую погоду, но в шиш должно избирать ясную, а в ненастливый день и труд и убытки бывают тщетны[9].

Черемшанские огороды

Кроме пашенных растений у всякого крестьянина по Черемшану есть огороды, в которых они садят всякий овощ, как-то свеклу, морковь, капусту, огурцы, а о другой зелени, например, пустарнаке[10] — петрушке и прочих и понятия не имеют. Из прочих огородных вещей можно у них и в зимнее время сыскать

все то, что и у русских крестьян, как-то кислую капусту, огурцы и прочее. Огурцы солят они несколько отлично в том, что кроме укропу кладут и тертый хрен, отчего огурцы получают противный[11] для русских вкус. Оставшийся свой хлеб от домашних расходов никуда в дальние места не отправляют, но развозят по ближайшим городам, как-то в Ставрополь, Симбирск и Казань по зимнему пути; но ныне редко и в сии места отвозят, а продают на винные казенные заводы, построенные при Мелекесе.

О пчеловодстве

Почти во всякой деревне при Черемшане можно найти охотников до пчел, а особливо между татарами. Обиход их со пчелами сколько выведать можно было, от русского обыкновения не разнится; а бортевых пчел, по причине недостатка таких дерев, которые для бортей потребны, не водят.

Всякого скота, как-то лошадей, коров, овец, коз, а мордва и чуваши свиней, водят довольно. Особенных никаких средств к содержанию скота нам выведать не случилось. Лошадей своих пасут в общем табуне особливо, а рогатый всякий скот без разбору в другом стаде при надзирании пастуха. Стада их пасутся на полях, как скоро весною сойдет снег, даже до глубокой осени, или, лучше сказать, до тех пор, пока глубокий снег не выпадает. У заживных[12] татар иногда стада их пасутся особенно, то есть стадо одного татарина особливо. Пастухов они начали употреблять с того времени, как калмыки поселилися около реки Кондурчи; а прежде их поселения паслася сама собою[13]. Для скота поделаны у всех особливые задворки, на их языке *Калда* называемое, в которых запирают свой скот[14], а теплых хлевов для скотины у них совсем не видно. В летнее время скотина по большей части шатается в околице[15]. Мордва и чуваши молодой скот держат в своих избах, а у татар строятся нарочно для того черные избы, да и то не у всех. Скот свой поутру, как хотят доить коров, кормят полбяною или яровою сечкою, то есть соломкою, которую изсекши мелко и подмешав муки обдают кипятком, а особливо зимним временем[16]. Напоив в обед, дают им и сено, а под вечер паки солому. Равным образом кормят они и овец соломою, но сие происходит не от недостатка в сене, но оттого, что, по их приметам, овцы, которые на одном содержатся сене, часто паршивеют, худую дают шерсть и не так тучнеют. Новорожденных телят только одни сутки питают матерним молоком, а на другие крошат в молоко хлеб и подливают теплую воду и так приважи-

вают телят к хлебу. Но лошадей, которых они для езды зимой употребляют, кормят иногда и овсом. Излишний свой скот зимою свежуют сами и развозят по ближайшим местам на продажу, а в летнее время гоняют живой и распродают. Молоко употребляют как себе в пищу, так телятам и ягнятам. Делают масло и сыр, который они *крутом* называют. Крут делается следующим образом: выжимают сыр сперва руками, потом кладут в холщевый рукав и давят оной между двумя досками, сколько есть мочи. После накладывают на верхнюю доску каменье и оставляют под сим гнетам суток на двое и более. Вынув из рукава, валяют в небольшие комы с солью и, сваляв, засушивают на начовках так крепко, что он наподобие камня становится. Такой крут, или сыр, употребляют они только в дальней езде[17]. Казылбаши, которые больше пред другими держат овец, козье молоко на то же употребляют, на что другие коровье.

Татарский ейрян

Татары из оставшейся сыворотки делают хмельнее питье, заквасив оную медом с ягодою калиною или вишнями. Овец держат по большей части русских, но черкасские долгохвостые не очень у них редки. Киргизских овец с курдюками совсем не видно[18]. Овец своих стригут обыкновенно по два раза в год, то есть весною, когда их пускают в стадо, и осенью после Семенова дня.

О рукоделиях

Шерсть никаким образом не приуготовляют, но бьют ее немытую и прядут. Мордва и чуваши пряденой шерсти ни на что не употребляют, как только красят оную и крашеною вышивают свое платье. Татары валяют грубые сукна на кафтаны и онучи, а мордва или чуваши отдают или русским, или татарам делать свои сукна. Прядут обыкновенную пряжу на пряслице веретеном, как и русские бабы, но не так поспешно. Веретена у них несколько от русских отличны в том, что грузку имеют толстую, которую они, выпряв нитку, прижимают к лядвее и так на веретено наверчивают. Таким же образом прядут они и свои кудели. Самопрядок или удобнейших других каких машин к поспешной пряже у них не видно. Татарки ткут нарочито чистый холст, а мордовки и чувашки только толстый. Особливый у них способ мыть белье видеть нам случилося, который до того времени, по крайней мере мне, был неизвестен. В мытье они никогда мыла не

употребляют и недостаток мыла награждают золою[19]. Белье свое сперва мочат дней пять или шесть в корыте, пересыпав все золою, по прошествии которых начинают стирать, прибавляя теплой воды понемногу, и трут каждую вещь золою. Перетерши в золе, носят на реку полоскать и за незнанием употребления валька толкут переполосканное в ступах пестами; а в зимнее время около проруби делают на льду ямки, которые должность ступ отправляют. Переполоскав и высушив, бьют палками, чтобы оставшаяся зола вышла и платье сделалось бы мягче.

Других никаких рукоделий ни самим нам видеть, ни от них спроведать не случилося, кроме домашних их потребностей. Они сами выделывают овчины на шубы и сыромять для лошадиной сбруи, в чем они никакой разности не имеют; то есть сперва моют шерсть на овчине, потом готовят овсяный квас, который делается следующим образом. Парят овсяную муку в корчагах, разведши водою и, исправив, вынимают и льют в дщан[20] или кадку и разводят теплою водою так, чтобы он подходил к жидкому киселю. В оном квасу мочат овчину дня три или четыре, а когда все овчины уже давно содраны и засохли, такие держат в квасу дней шесть и более. Вынув из квасу, сушат, а высушив мнут железным крюком. Вымяв надлежащим образом, натирают мелом, и лишнюю мездру[21] сбивают косою. Натерши мелом, расчесывают шерсть железною гребенкою и разбивают батогами[22], но чтобы шерсть была кудрявее, держат шкуру в бане или избе шерстью против жару.

Делают сани, телеги и хлебопашный инструмент. Кузнецы бывают у них заезжие из ближайших мест русские, а из чуваш, мордвы ни одного мы в сей работе упражняющегося не видели[23]. Рыбных промыслов по реке Черемшану, а особливо где живут татары, мордва и чуваши, почти совсем не отправляется, исключая только когда бывает водополье[24]. В водополье при убывании воды самая большая их ловля состоит в железнице или веселой рыбе, которая в великом множестве во все реки, впадающие в Волгу, заходит. Ловят ее мерёжами, которые от русских нимало не разнятся, и городьбою, которую делают по большей части в ближайших деревнях к Волге.

Городьба

Городьба делается таким образом. Через всю реку поперек вколачивают колья, которые укрепляют поперечными шестами и для большей крепости к сопротивлению водного стремления

ставят через четыре или пять кольев упорки, то есть вкось противу стремления воды вбитые колья. С самого дна реки почти до поверхности воды вбитые колья переплетают широкими лыками или привязывают нарочно сделанные решетчатые рогожи, оставляя одно место посредине городьбы порожнее наподобие ворот. В воротах опускается сеть, сделанная рукавам, в которую рыба, идучи сверху с убывающею водою, прямо в сеть попадает. Но как сию рыбу никто из русских не употребляет, то они продают ее между собою весьма дешевою ценою: иногда сотню за 5 или за 6 копеек купить можно. Солить сию рыбу у них не в употреблении: но они ее вялят, выдержав прежде сутки в крепком рассоле, или, как они говорят, тузлуке[25].

Сказав, что всем сим народам общественно следует объявить, чем они наиболее друг от друга разнятся. В рассуждении обрядов и обыкновении может быть кто скажет, что я те же щи переваривaю, ибо об них довольно писано. Сего я оспаривать не буду; но только то скажу, что они от прежнего много разнятся и по соседству с россиянами довольно научилися изъяснять свои мысли на российском языке, почему и мне случилось от них много проведать самому такого, о чем другие не писали. Рассказывать клочками мои примечания было бы без вкусу; итак, прошу дозволить старое смешать с новым и приобщить короткое описание сих народов.

О мордве, чувашах и татарах

О разделении мордвы

Мордва разделяется собственно на два колена, из которых первое называется мокшанским, а другое эрзянским, но и в мокшанах есть некоторое различие. Одни называются коренными или высокими мокшанами, а других почитают простыми мокшанами, и вся разность состоит в некоторых наречиях. Они еще сказывали нам о четвертом роде мордвы, которых каратаями называют[26] и которых только три деревни в Казанском уезде находятся. В мокшанском и эрзянском языке была прежде великая разность, но по переселению их из коренной отчизны, то есть к Волге и за Волгу, и по смешении между собою друг друга разумеют, сохранив притом в своих языках и разность. О происхождении своем и разности между мокшанами и эрзянами, за незнанием никаких письмен, нимало доказать не могут, но из предания говорят, что мокшанский корень происходит из города

Темникова[27] неподалеку от Коломны, где и ныне ходят еще по древнему обыкновению; а эрзянский от Алатырского и Пензенского уездов. Нам так было сказано, хотя вероятнее производить наоборот, по тому, что в Пензенской провинции и поныне находится город по имени их Мокшайск[28] называемый. Трудолюбивый господин статский советник Петр Иванович Рычков[29] далее проник в их древность, так что могут об оной читать в первой части его «Оренбургской типографии», на странице 180 и 181.

Разность двух мордовских поколений видна и из того, что до крещения их не дозволялось мокшанам брать эрзянок, а эрзянам мокшанок, всяк довольствовался своею породою.

Женский мордовский убор

В женском платье между мокшанами и эрзянами также немалая разность. Эрзянки ходят только в портах *понкс*[30], рубахах *панарь*[31] в долгорукавных распашных балахонах без боров, называемых по-эрзянски *шултан*[32], по-мокшански *руця*[33]. Воротник и около грудей, также наплечник, вышивают узорами разноцветной шерсти, как-то синею, зеленою, красною и черною, а края пол обрубают красною тесьмою.

Девки носят *борок*[34], перла от шеи до грудей, нанизанные на нитках, как у ижорок[35], состоящие из пронизок разного цвета, к которым привешивают старинные серебряные деньги, медные шиллинги[36] и гремушки[37]. Напротив того мокшанки вместо перл[38] носят холщевой четвероугольный нагрудник, простирающийся вдоль от шеи до грудей, унизанной разноцветным бисером и ужовками[39]. Шею украшают ожерельем *карча*[40], а к ожерелью прицепляют брыжи *каргаужна*[41], которые бывают меньше нагрудника, унизанные старинными серебряными копейками, медными шиллингами, разноцветным бисером и ужовками. Но как их балахон *руця, шултан* очень узок и аблепист, то для большей благопристойности надевают черный шерстяной назадник *сюрлак*[42]. Назадник в употреблении как у эрзянок, так и у мокшанок, с тою только разностию, что у мокшанок состоит из многих кос, сплетенных в одиннадцать пасм, и привязывается к шее так, чтобы природные ее волосы были закрыты, и попускается даже до подколенок. Кроме пасм по бокам привешивают деревянную, медною проволокою обвитую трубку *пулукерь*[43], в которую продевают метелку *пула*[44], сделанную из длинных человеческих волос равной длины с назадником. Напротив того эрзянки назадник свой прикрепляют к поясу, которым подпоясывают *шуптан*[45], а

на бедрах висит у них *гис*[46] или медными трубочками увитая шерстяная материя с продолговатою на конце кистью. Рубашки как эрзянки, так и мокшанки застегивают круглою со шпеньком пряжкою, которую эрзянки *сюгама*[47], а мокшанки *щурка*[48] называют. В ушах носят большие серьги *пилеск*[49], с которыми эрзянки продевают разные кольца, и называют *пилеск каряукс*[50]. От серег пропускают подвески, долгие нитки с бисером и другим здором, которые досягают до плеч, и называются у обоих *пилеск ергя*[51], а чтобы они сильно ушей не отягивали, не в мочку продевают, но около ушка вешают на нитке. Мокшанки сверх сего продевают в мочки лебяжьи гузки, а иногда и других птиц[52]. На руках носят поручи из бисеру и извитую наподобие спиральной линии медную жесть, по-мордовски *кекс*[53] называемую. Пальцы эрзянки украшают перстнями, и богатые такие на них щеголихи, что ни одного пальца без перстня не оставляют, из которых на лучших перстнях прикрепляют цепочки с серебряными деньгами, а убогие с медными. На голове носят сороку холщевую[54], ушитую по лопастям узорами разноцветной шерсти, а девки обвязывают голову полотенцем или лентою, какую у нас употребляют крестьянские девушки, и носят косу. Обувь их состоит по большей части из лаптей *карь*[55], несколько от русских отличных: ибо лапотная голова сведена остроконечною шишкою наподобие той, какую московские щипошники у носков на башмаках любили. Оборы *карьк*[56] носят ременные, и так часто и гладко оными увивают свои онучи (по-эрзянски *праксма*[57], по-мокшански *серьгя*[58]), что их совсем видеть не можно.

О различии чуваш

Чуваши также имеют различие в языке, а отчего сия разность, совсем не знают, и кроме того жилища, откуда их отцы переселились, ничего не помнят. Чебоксарские чуваши не разумеют пензенских и обратно.

Женский чувашский убор

Женский их убор много схож с мордовским, но самая большая разность состоит в головном уборе. Девицы, замужние и старухи заплетают косы, которых толщину увеличивают прививанием черных шерстяных шнурков и на конце привешивают косник, то есть кисть, смотря по достатку или бисерную, или шелковую)[59]. На голове носят колпак бестулейный, унизанный ста-

ринными серебряными копейками, от затылка которого попускается лопасть шириною с небольшим в четверть, а длиною до самых подколенок. Лопасть унизывается разноцветным бисером, ужовками и гремушками, и сей убор называется *кашпау*[60]. Остальное от кашпау на голове место обвязывают белым полотенцем, на котором вышиты узоры шерстью, и называется *тастар*[61]. Сие их убранство кажется им не сродное, но они переняли у татарок. Девицы носят на голове колпак бисерный, только без лопастей, и тем от замужних разнятся[62]. Впрочем как девки, так и замужние ходят в портах без ширинки.

Татарский женский убор

Татарки ходят в балахонах наподобие халатов и делают их по большей части из китайки, а богатые из разных шелковых материй и называют их *чилянь*[63]. Под сим носят бешмет, рубахи, и порты их от русских не разнятся. Как девицы, так и замужние носят по две косы сзади с косниками. Головной их будничный убор состоит в косынке, которой концы попускают назади *ирпяк*[64] или из долгого полотенца *тастар*[65]. Праздничный же, напротив того, из шапки *кашпау*[66], которая унизана серебряными копейками, а передняя часть корольками красными *мерзянь*[67] белым бисером *куза*[68]. У иных *кашпау* сводится вверху остроконечием наподобие конуса, и верх конуса покрывается маленьким серебряным литым конусом. У других, напротив того, кашпау бывает без тульи[69], и в таком случае верх головы повязывают платком. Около висков прикрепляется к *кашпау* подвязка, таким же образом унизанная, которая под шеей застегивается пуговицею и называется *кашпау сакал*[70]. С подвязкою соединено бывает ожерелье такого же убору *кашпау кайрюк*[71]. Сзади от *кашпау* попущают лопасть до пояса, также унизанную серебряными деньгами, а от пояса продолжается на такое же расстояние лопасть, вышитая разноцветными гарусом или шелком или укладена суконными кусками, как-то белым, красным и зеленым с привешенными на конце разноцветными кистями[72]. Девки разнятся от замужних единственно в головном уборе и в будничные дни ходят покрывшися платком, которого два противолежащие конца завязывают назади, а остальную часть попускают по спине[73]. Праздничная их шапка называется *чигача*[74] и состоит только из двух косых треугольников, которых основание прикрепляется на тесьму, сшитую в кольцо по обширности головы той, которая *чигача* носит. Треугольники покрывают уши и щеки и верхами свои-

ми соединяются под челюстями, где их застегивают крючками или завязкою. К *чигача* по обе стороны прикрепляется *сарга*[75], то есть узенькие лопасти длиною не с большим в четверть и попускают спереди почти до грудей. Как *чигача,* так и *сарга* унизываются серебряными копейками, гривенниками и полуполтинниками. Сзади у девиц лопасти нет, но вместо оной попускают *ташпау*[76], те есть два долгих шнура, которые вплетают в косы и на конце к каждому привешивают по две шелковые кисти, сделанные из красного и зеленого шелку; а в том месте, где косы соединяются, прикрепляют треугольный бантик, укладенный серебряными копейками.

Запросто бедные ходят в лаптях, а праздничные дни в туфлях и сафьянных чулках *атуа*[77].

Мужское платье

Сказав о женским платье, следует теперь мужское, но о сем говорить недолго буду. Чуваши, мордва и татары ходят так, как и русские крестьяне, с тем только различием, что у чуваш и мордвы рубахи вышиваются разноцветною шерстью, а татары ходят опрятнее и в праздничные дни носят суконные разных цветов кафтаны и бешметы. Видели разность в их платье, следует сказать о их вере.

О коренной чувашской и мордовской вере

Чуваши и мордва хотя просвещены святым крещением, однако между ими попадаются семьи, которые живут по старой вере, и редкую можно найти деревню, при которой бы не были видны остатки прежнего их богомолия.

Место богомолья

Они избирают на такой конец место несколько отдаленное от своего жилища в лесу, куда для тишины, а может быть для возбуждения потомков своих к люблению лесов, дабы тем удовлетворить их сохранению, удаляются, а не для сокрытия от иноверцев, как некоторые пишут, ибо кому не известно, что уже в самую глубокую древность язычники через такой набожности предмет сохраняли свои леса, посвящая их в покровительство разным ими обожаемым. Место богомолия чуваши называют *Ирзям*[78], а мордва *Киреметь*[79] — и которое не иное что есть, как четвероугольная площадь, тыном или пряслами огороженная, и

имеет трое ворот — с востока, запада и севера[80]. С восточной стороны вводят они жертвенный свой скот, в западные ворота входят люди, а через северные приносят воду. Причины сему они не знают, но говорят, что так от предков своих получили. Неподалеку от восточных ворот вкапывают три столба, из которых к одному привязывают жертвенную лошадь, к другому быка или корову, а к третьему овец, и называют сии столбы *тиржигать*[81]. При западных воротах врывают еще три столба, *юба*[82] на их языке. По введении жертвенного скота привязывают оный прежде к восточным столбам, потом закалывают при западных. По заклатии жертвы кожи животных развешивают на восточных столбах, на которых кожи мелких животных исчезают, а крупных, как-то лошадей и рогатого скота, продают и покупают на оные деньги соль для будущего богомолия. В сторону от западных ворот поставляют *калду*[83] или поветь, посередине которой врывают два столбика с поперечником, дабы удобно можно было навешивать котлы для варения закланных животных, и сие место называется у них *харай-жигать*, т.е. кухня[84]. У северных ворот сделан полок или широкая лавка, на которой они разрезывают сваренное мясо на столько кусков, сколько богомольцев[85], и лавку сию называют *хума*[86].

Богомолье

Когда они предпринимают свое богомолье, тогда все вообще омываются водою или в бане и надевают чистое платье. Малолетние остаются в домах, а на богомолье ходят одни пожилые обоего пола. Обыкновенное их богомолье отправляется по пятницам, а для какой причины, более сказать не могут, как только они сие установление от своих отцов получили. Сей день они уже никакой работы не отправляют, но в торжествовании препровождают время[87].

Богомольные обряды

Богомольные их обряды состоят в следующем. Со всей деревни собирают солод, сырой мед и прочие надобности к варению пива и меда; а наварив довольное количество, выносят на место богомолья. Всяк со своей стороны, смотря по достатку, на иное же место приводит лошадь, корову или овцу, или гуся, живых, но свиней никогда на мольбу не употребляют. Собравшися все вместе, *йомзя*[88] или старшие из них убивают приведенный скот на месте и, обрядив, раскладывают огонь и варят все в кашице.

Сварив все, разливают по чашам кашицу и раскладывают говядину. Распорядивши, начинают молиться на восток всем миром и просят того, что кому потребно сими словами. Мордва: Трязя Вардя шкабас макет чачезӧоракалдас живота, Куц семья Шумара уляза мир ингалканю монь мигак статря мяст, Аминь (Вышний Боже! дай Бог хлеба, дай Бог скотину, дай Бог робят за скотиною ходить, был бы я здоров, аминь). А чуваши: Сирхахъ Тора амбара миндякь, уидарь Баръ, Акныты рамъ Баръ, Блихиранъ Баръ, Ачаранъ почаранъ Баръ, миндя килярамъ ун да Баръ, мон да скирдя Баръ, аминь[89] (Помилуй, Бог! Чего прошу, того дай: посеянного хлеба дай, скотины больше дай, дай, Бог, детей. Бог, великий Государь! чего прошу, того дай: дай, Бог, больше денег: аминь). Проговоря сие, стоят долго во всякой тишине[90]. Потом становятся на колени и, постояв на коленях, падают три раза ничком на землю. Уповательно, что сие поклонение взято у татар, которые такое же в обыкновении имеют. Мольба их продолжается около четырех часов, а по окончании оной садятся за стол и по лавкам, едят и пьют что у них было уготовано. После обеда вторично начинают молиться таким же образом через два часа. Оставшееся после их стола все, разделив поровну между собою, берут домой и оделяют своих домашних.

О времени богомолия

Сие их общее богомолье бывает во время недорода хлеба прошением, также в изобильные годы в знак своей благодарности, когда уберутся с хлебом в ноябре месяце (который они *цюгуй* называют), во время засухи, мокроты и поветрия[91].

Хотя некоторые оспаривают предание господина Страленберга[92], якобы мордва и чуваши не в числе божества считали солнце и луну, но я у многих расспрашивал и нашел слова господина Страленберга справедливыми. Они солнце и луну не только за божество почитали, но и приносили жертву солнцу в начале весны, когда хлеб сеют, а луне в новомесячие, с тою только разностию, что сим своим божествам не самоважную свою жертву — упитанного жеребца, приносили, но других животных, как-то овец, гусей и проч. с сею молитвою:

Мордва солнцу

Кебеди Валюги каубавасъ тря да, винь да шибавасъ кубавасъ. (Вышнее солнце светит все царство, свети и нам и на наш мир.)

Новомесячию

Кебеди Валюги шибавасъ тря да, панда кубавасъ. (Месяц светит во все царство, освещай нас и хлеб наш.)

Частные богомолья

Кроме всеобщего богомолья бывает у них частное, которое отправляется у каждого в доме. Время богомолья избирают они перед обедом, приготовя овцу или гуся, которые должны быть доморощенные, ибо на молитву покупать животных за грех вменяется, а бедные в случае недостатка на мольбу употребляют густую кашу. Нарядив на стол, ставят за оный всех своих домашних, не исключая и женатых детей; а степенные или старики со старухою, став у дверей и отворив оные, молятся таким же образом, как вышеупомянуто. Если того дому старик не в состоянии отправлять сего богослужения, то просят постороннего человека — старика столетнего или старше, моложе брать не дозволяется[93]. Такие частные богомолья ввелись у них в то время, когда они более стали быть знакомы с россиянами и переняли у них так называемые годовые праздники. Первые из всех привыкли они почитать Николая Чудотворца, в праздник которого приходили к нашим церквам и приносили свечи и воск с тем, чтоб они перед образом Николая Чудотворца теплилися, и, сделав ему поклонение, молилися сими словами: Тряктонъ вактонъ, — придая, Николай Милостивый!

Понятие о Боге

Впрочем, они признавали всевышнее существо, обитающее на небе, которое над всем земным господствует. От него происходят все блага, помощь и защита людям. Верили также, что есть и непрязненные для рода человеческого духи, которые живут в водах и единственно стараются о вреде людям, но от всегдашнего их вреда защищает Бог и их скот; а тогда попущает злым духам вредить, когда люди своими беззакониями его раздражают, и гнев Божий ничем отвратить не можно, как добрым житием и всеобщею мольбою.

О состоянии мордвы и чуваш по крещении

Хотя с 1743 года всевозможное старание было прилагаемо нашим духовенством, дабы их просветить правоверием, но как по темноте их разума никакого твердого основания в вере вперить им было не

можно, то старалися их склонить другими средствами. Сначала пользовались они многими выгодами, как-то увольнением от податей, которые собирались с некрещеных и за принявших правоверие. Наконец, давалась желающим принять крещение и награда, почему нередко лакомые до денег раза по два и по три в разных местах крестились, но из сего произошло, что многие из крещеных чуваш и мордвы и поныне не оставляют некоторый род своих богомольных обрядов. Они, собравшись в пространном доме, вносят в избу нарочно сделанный к тому новый стол и, поставив на оный целый хлеб, соль, говядину, пиво, мед и, засветив перед образом свечку, растворяют избную дверь, и старший из сборища, отошед к дверям, кланяется и читает свои молитвы. Потом, прибежав к столу, указывает рукою на все, что на столе поставлено порознь. Повторив сию церемонию раз с шесть, затворяют двери, садятся за стол и едят оную пищу как нечто благословенное, со всяким благоговением, а как начинают пить, то старший из сборища прежде всех наливает себе, а прочие, наклонив головы, до тех пор сидят потупясь, пока старший не выпьет, что делается в почтение старейшем[94].

Обряды при родах

При родах у мордвы и чуваш поступают отличным образом. Когда женщина на сносях и видит, что ей приходит время родить, тогда всякой день готовят баню, ибо в бане родить почитают они легче, нежели в избе. Бабушка всегда неотходно бывает при роженице; почему и не дозволяется до самого разрешения от бремени никому входить в баню. Как женщина родит, то ее обмывают и, обмыв, выходит бабушка и сказывает отцу, сродникам и соседям о рождении младенца, однако еще не допускает никого до роженицы, пока она не сделает крутой каши и не напечет блинов, и, снарядив оными в бане стол, впущает всех знакомых. Потом бабушка, по принятому обыкновению, начинает молиться и дает имя младенцу по своему хотению, а иногда младенец получает имя от того, кто первый бабушке попадется. Как скоро наречено будет имя младенцу, тогда бывает у них и пиршество, и тем все обряды кончатся. Крещеная мордва во всем поступает ныне, как и русские.

О свадьбе

Особливые обряды бывают у них при сватанье и женитьбе как ныне по крещении, так и прежде крещения. В женитьбе своих детей отцы имеют совершенную власть и не требуют на то ни

малейшего детей согласия. Когда отец вознамерится женить своего сына, то прежде подсылает к невестину отцу посторонних людей и спрашивает, намерен ли он отдать свою дочь за N? Когда согласный на то получит ответ, то сошедшиеся с обеих сторон отцы и матери договариваются сперва о *калыме*, то есть выкупе, также кому держать свадебные издержки, как-то попойку, и сколько точно, и договорясь, например, на ведре вина, бочке пива и меду, женихов отец приуготовляет по своему договору и переносит в дом невестин, кладет также калым или выкуп за невесту 8, 9, 10 рублей и более, смотря по состоянию обеих сторон. Приведши все сие в порядок, с жениховой стороны отец и мать просят всю невестину родню в гости в ее дом; а женихова родня при том не бывает. В оный день сошедшиеся, гости пьют и веселятся, а дети нимало сего не знают. И таким образом сделанный договор иногда долгое продолжается время. В самой день свадьбы объявляют жениху и невесте их отцы, что у них будет сей день свадьба, и собравшися, женихов отец с матерью ездят к невестину отцу и матери, а невеста уже тогда бывает в готовности к браку. Вся церемония их состояла в том, что невестин отец, взяв свою дочь за руку, а мать хлеб и соль, вручают ее свекору и свекрови. Невеста, благодарит своих родителей за все попечения и воспитание и, оплакав всех своих ближних, покрывается белым холстом до пояса и выводится из отеческого дома через своего брата до саней или телеги. Таким образом родня с невестиной стороны, проводив ее до половины дороги, возвращается вся назад, а с половины дороги встречает родня женихова, ибо при самой свадьбе с невестиной стороны никто не бывает. Как приедут к женихову двору, тогда женихов брат или ближайший сродник берет невесту за руку, и, введши в избу, сажает за стол, потом кличут жениха, который, нахлобуча шапку, садится подле невесты. Женихов отец при собрании всех гостей и сродников берет поставленный на стол длинный пирог аршина в полтора за конец и подымает другим концом пирога наложенное на невесту покрывало, говоря сии слова: вот тебе свет, будь счастлива к хлебу, к животу и размножению семьи. Потом переменяет ей свекровь прежнее имя и называет Мезява[95] —«большая», — если женится старший сын, Сернява[96] — «средняя», Вежава[97] — «меньшая», по старшинству их мужей. Тогда жених и сродники увидят невесту, а невеста своего жениха или мужа[98]. После сего начинают пиршество, которое продолжается по богатству свекора. В сем состоят все их свадебные обряды и таинства.

Случается у них, что обручения или помолвка бывает еще во

время малолетства детей. Когда отцы знают, что их малолетние дети и летами и имуществом между собою равны, то во время народного сонмища[99] меняются друг с другом рогами с табаком, говоря: смотрите, добрые люди, что мы между собою сватовья, а как сие засвидетельствуют, тогда они уже называются сватовьями до взросту[100] своих детей. Если же по возрасте которомунибудь из отцов бывший договор не понравится, например, если женихову отцу не понравится невеста и откажется, тогда невестин отец отдает свою дочь за другого; напротив того, если невестину отцу не понравится жених, тогда он иначе отказаться не может, как заплатив от 6 до 12 рублей.

Как они были еще язычниками, то, хотя дозволялося им брать столько жен, сколько кто содержать в состоянии, однако, смотря по крестьянским достаткам, никто более трех жен не имел. Двух сестер родных брать у них за грех не считалось, с тем только различием, если первая сестра умрет. И так зять сватается на другой сестре, приходит к тестю и требует себе в замужество. Если же тесть на сие согласиться добровольно не похочет, то может от зятя к тому и принужден быть. Таким образом, когда зять придет к тестю говорит: отдашь ли за меня *Энай*, то есть свояченицу, а тесть ответствует: *ашай* — «нет»; тогда зять потаенно принесенный хлеб или калач, вынув из-под полы, старается положить на стол; и если ему сие удастся сделать и сказать: *вот шисал*[101] «вот хлеб и соль», — *пайк*, — «береги мою *Энай*». Проговорив сии слова, жених должен скорым свой живот спасать бегством, ибо когда его в таком случае догонят, то бьют нещадно, а если уйдет благополучно, тесть принужден бывает отдать свою дочь. Впрочем, до крещения мордва имела право продавать своих жен с прижитыми детьми, когда они им не полюбятся, и брать других. Напротив того, неимущие, которые не в состоянии дать выкуп за невесту, стараются подцепить гденибудь девку удальством. На такой конец подговаривают шайку удалых ребят и тайно приезжают в ту деревню, где подговорена девка, а иногда и с базаров и с других мест увозят противу воли девок. Во всех сих случаях совершается с ними простая наша пословица: или добыть, или домой не быть, ибо когда нагонят с девкою, то за добычу должно отплачиваться боками, а иногда и головою. Если же удастся увезти благополучно, то и владеть ею, однако и тут калыму и выкупу избыть не можно, но платят его исподволь. С того времени, как они начали больше иметь обращения с русскими, несколько и свадебные их обряды переменились. Они сватаются по русскому обыкновению, примешивая

и свои обряды, а особливо в самый тот день, когда невеста к венцу приуготовлена. Ее одевают в красное платье, т.е. красный кумачник, красную рубашку и красные сапоги. На всех пальцах обеих рук надевают перстни разных цветов с привешенными к ним небольшими цепочками, к которым прикреплены также на иных серебряные, на иных медные копейки, а на иных полушки. Голову покрывают ей красною фатою так, чтобы лица видеть не можно было. Перед нею ставят скамейку, на которой лежит хлеб, ведро пива и соль. Подле ее садится пожилой мужик с образом, пред которым малый мальчик держит свечу. Между сим временем подходят к ней ее сродники и нагибают свою голову под фату, которых она каждого порознь оплакивает. Во время сей церемонии один играет на гудке, а прочие, по их обряду приплясывая, поют *вой-вой*. Тут подчивают пивом или медом всех предстоящих, и всякий себе за честь вменяет быть при таком случае пьяным. С жениховой стороны никто тут не бывает кроме отца или брата, свахи и двух дружек. Свахина и одного дружки должность состоит в том, чтобы плясать и подносить, а другой дружка, стоя перед невестой безмолвен, держит в руках обнаженную саблю, которой помахивает от времени до времени и ударяет в потолок или матицу. У печки на стол кладут постель и все приданое невесты, на которую садится или невестина сестра, или другая какая подруга, и у сей дружка приданое выкупать должен. Когда невеста всех своих сродников оплачет, тогда дружка с саблею идет наперед, потом отец невестин или ближайший сродник с образом, а мать или бабушка со свечою. Двое из поезду берут невесту под пояс, а третий, т.е. главный дружка — за ноги, и так ее выносят во двор. Между тем невеста, как бы неохотно оставляя дом своих родителей, хватается руками за матицу и держится, сколько ее сил есть; отец и мать или ближайшие ее сродники стараются развесть ей руки и помогают вынести ее вон. В самых дверях хватается она в другой раз за косяк, где то же с нею делается. Как вынесут невесту на двор, то дружка с саблею кричит, чтобы все зрители стояли рядом и чтобы никто невесте навстречу не попадался, ибо встреча тогда за худой знак почитается. Между тем запирают избные двери и никого из избы не выпускают, пока невеста не будет посажена в сани или телегу и не покрыта белою скатертью с бахромами. В поезде перед невестою едет отец или брат женихов, за ним невеста, сваха и дружка на одной упряжке, за невестиною упряжкою едут ее подруги и прочий поезд до половины дороги. Невесту привозят в церковь, где жених дожидается. После венчания из церкви жених едет наперед, невеста позади, а за невестою

поезд. По приезде домой жених принимает невесту и ведет в избу, но прежде, нежели входят в оную, оба становятся одною ногою на порог избной, где им, сперва жениху, ставят на ногу горячую с хмелем сковороду, нарочно к сему случаю приуготовленную, которой с ноги оную сбрасывает столь далеко, сколь ему заблагорассудится, потом ставят сковороду на ногу невесте, которая также сбрасывает. Но тут домашние примечают, сколь далеко она сковороду скинет, и заключают, что чем далее сковорода отлетит от ея ноги, тем она сердитее и сварливее будет, в противном случае уклонною и смиренною быть надеются. После сей церемонии входят все в избу, садятся за стол и пируют; при котором пиршестве никто из невестиной родни не бывает, и молодая надевает свое девичье мордовское платье, заплетает косу и повязывается повязкою. Невестины отец и мать и прочие сродники до тех пор ни с нею, ни с ее мужем не видятся, пока с ее стороны не будет прислано, чтобы ее родня к ней приезжала. И так иногда сие свидание через полгода или целый год случается. Сие для того бывает, что она до тех пор, пока после свадьбы не увидится со своим отцом, или кто ее выдавал, имеет право пользоваться девичьею красотою и носить девичье платье, а увидясь со своими, оной лишается, оболокшись уже в женский убор.

О похоронах

Похороны у мордвы бывают ныне по нашему уставу, да и прежде были без дальних обрядов. Если умрет кто из богатого дома, то варят пиво и мед, пекут пироги и блины, и все сие сносят на могилу. Принесши на могилу покойника, пьют и едят там все, что припасено было; и всяк, кто пить начинает, выливает немного на могилу на пользу умершего. После все сходятся в дом умершего и пиршествуют таким же образом, как и на могиле, в чем состоит все поминовение. Если же будет убогий, то приносят на могилу мягкий хлеб и, разломав его на куски, съедают и тем кончают похороны.

Мужской и женский пол снаряжают во гроб во все то платье, какое нашивали в праздничные дни. Рук никогда не складывают, но протягивают их вдоль и в могилу кладут на лубке или доске.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Мелекес*** — ныне город Димитровград Ульяновской области. В начале XVIII в. рядом с чувашской деревней Меликасы возникла слобода при казенных заводах, в 30-х годах XIX в. село Мелекес становится посадом. В 1919 г. Мелекес получил статус города. В 1972 г. переименован в Димитровград.

2. ***Черемшанская крепость*** — ныне село Черемшан Татарской Республики, основана в 1731 г. в качестве полевого укрепления на второй Закамской засечной черте.

3. ***Казылбаши*** или ***кызылбаши*** (букв. «красноголовые») — объединение тюркских кочевых племен в Иране и Азербайджане, составлявших главную военную силу шаха Исмаила I в государстве Сефевидов. Отличительный знак воинов кызылбашей — чалма с красными полосами. Поволжские кызылбаши были ассимилированы татарами.

4. ***Киргизы*** — старое название казахов.

5. Аналогичный обычай распространен и среди чувашей, а также многих тюркских народов.

6. ***Ейрян***, в современной татарской орфографии ***айран*** — «напиток из кислого молока, разбавленного водой», то же, что у чувашей ***уйран***.

7. ***Сабан*** — старинный деревянный плуг, то же, что и чувашский ***ака пуҫ***.

8. Молотьба хлебов способом шишкования (чуваш. *ашăм-аштарни*) была распространена и у низовых чувашей. Верховые и средненизовые чуваши шишкования не знали.

9. Описанный И.И.Лепехиным тип шиша или овина для сушки хлебов (*авăн*) имел повсеместное распространение среди чувашей.

10. ***Пустарнак — пастернак***, овощное растение, чувашское название ***шурă кишĕр***, букв. «белая морковь».

11. ***Противный*** — здесь в значении «отличный», «особенный».

12. ***Заживные*** — зажиточные.

13. С конца XVII в. в Закамских районах стали кочевать ***калмыки***, которые нередко устраивали набеги на местные деревни с целью захвата скота. В чувашских деревнях Ульяновской и Самарской областей до сих пор бытуют предания о набегах калмыков. В 1737 г. была построена крепость Ставрополь (ныне — г. Тольятти), куда русское правительство намеревалось поселить калмыков, чтобы приучить их к оседлой жизни. В 1842 г. т.н. «ставропольские калмыки» были переведены в Оренбургскую губернию.

14. ***Калда*** — в современных языках: чуваш. *карта* «изгородь,

ограда», «скотный двор, хлев», «огород»; татар. *киртә*, «изгородь, ограда», «хлев»; мордов. *карда, кардо* «хлев, конюшня» (из булгаро-чувашского).

15. В недавнем прошлом чуваши в летнее время скотину на ночь во двор не загоняли, а держали в околице *(укăлча)*.

16. Чуваши вплоть до настоящего времени кормят скот зимой месивом (*пăтратни*).

17. Молочное блюдо ***кăрăт*** или ***кăрт*** было распространено у закамских и приуральских чувашей. Традиция приготовления заимствована чувашами от соседних тюркских народов.

18. Киргизская овца — курдючная овца степной породы, была распространена в прошлом и среди чувашей; в отличие от обычной овцы, курдючная называлась по-чувашски *куй сурăх*.

19. До появления мыла многие народы для стирки белья и мытья использовали зольный настой — щелок (чуваш. *сĕлтĕ*).

20. ***Дщан, чан*** — деревянная посудина больших размеров, сделанная из клепок (дубовых досок), стянутых обручами.

21. ***Мездра*** — слой подкожной клетчатки на невыделанной коже; внутренняя сторона кожи или шкуры.

22. ***Батоги*** — палки.

23. После вхождения в состав Русского государства народам Поволжья было запрещено заниматься кузнечным делом во избежания изготовления оружия. В результате этих мер высокая для своего времени культура металлообработки волжских булгар была утеряна.

24. Как и многие кочевые народы, чуваши в прошлом не употребляли в пищу рыбу. До сих пор сохраняется запрет употреблять рыбные блюда во время ритуальных трапез, например, на поминках. Считалось неприличным ходить в гости с рыбными пирогами и т.д.

25. ***Тузлук*** — (из татар. *тозлык*) «соляной раствор», «рассол».

26. ***Каратаи*** — небольшая этнографическая группа мордвы, получившая свое название по их основному населенному пункту — селу Мордовские Каратаи в Камско-Устьинском районе Татарской Республики. Каратаи проживают еще в соседних населенных пунктах Заовражных Каратаях и Шершалане. Одни из исследователей считают каратаев мокшанской, другие — эрзянской, третьи — эрзя-мокшанской группой, испытывавшей сильное влияние татар. И. И. Лепехин впервые выделяет каратаев в отдельную этнографическую группу.

27. ***Темников*** — районный центр Мордовской Республики, расположен на правом берегу реки Мокша. Впервые упоминается в конце XIV в. Входил в состав Касимовского царства, с 1708 г.

находится в Казанской губернии. В 1779 г. получил статус уездного города Тамбовского наместничества. С 1930 г. входит в состав Мордовии.

28. ***Мокшайск,*** ныне поселок городского типа ***Мокшан***, — районный центр Пензенской области. Образован в 1780 г. из одноименного села как уездный город; с 1925 г. — сельское поселение, с 1960 г. — поселок городского типа.

29. ***П.И.Рычков (1712—1777)*** — русский ученый, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, автор научных трудов по географии, экономике, геологии, биологии, истории и этнографии России.

30. ***Понкс*** — в современном мордовском (мокшанском) ***понкст*** «штаны».

31. ***Панарь*** — в современном мордовском (мокшанском и эрзянском) ***панар*** «женская рубаха».

32. ***Шултан*** — в современном мордовском (эрзянском) ***шушпан*** «женская распашная одежда из холста». У И.И.Лепехина, по всей вероятности, опечатка.

33. ***Руця*** — в современном мордовском (эрзянском) ***руця*** «женская распашная одежда из холста», (мокшанском) «головной платок».

34. ***Борок*** — в современном мордовском (эрзянском) ***борок*** «шейное украшение».

35. ***Ижорка*** — женщина народности ижора. ***Ижорцы*** — небольшая народность финно-угорской группы.

36. ***Шиллинг*** — старинная монета. Ср. русск. *шелег, шеляг, щеляг, щляг* «вид монеты», заимствовано из немецкого языка; отсюда же чувашское *шӗлкеме, щӳлкеме,* от *шӗлӗк* «шиллинг», «монета» и *алма, ама* «подвеска» — букв. «нагрудная подвеска из монет».

37. ***Гремушки*** — здесь: звенящие подвески на женских украшениях типа колокольчиков и бубенчиков, которые широко использовали мордовки.

38. ***Перлы,*** здесь — бусы, бисер, ожерелье.

39. ***Ужовки*** — маленькие, белые раковины *каури* (чуваш. *хурт пуҫҫи*), до начала XX в. употреблялись у народов Азии, Африки и островов Тихого океана в качестве т.н. денег, широко используются для изготовления украшений.

40. ***Карча*** — очевидно, опечатка вместо правильного ***карьга корга, крга,*** ср. современные мордовские термины: *кирьгава* (эрзянское) «шейное украшение»; *кирьгаш* (эрзянское) «нагрудное украшение»; *кргавакс* (мокшанское) «шейное украшение» и т.д.

41. ***Каргаужна*** — ср. мордовское *карьгашкат* «бусы»; *кирьгакш* «нагрудное украшение».

42. ***Сюрлак*** — прямого соответствия в современных мордовских языках обнаружить не удается. Очевидно, здесь опечатка. Судя по описанию, *сюрлак* напоминает *пулай* (букв. «хвост»). См. ниже, примеч. 43 и 44.

43. ***Пулукерь*** — в современном мордовском (эрзянском) *пулокаркс* «набедренное украшение».

44. ***Пула*** — в современных мордовских языках *пула, пуло* «хвост», «накосное украшение»; *пулай, пулогай, пулакш* (эрзянское) «женское набедренное украшение». У чувашских женщин было однотипное украшение, также называвшееся «хвост» (*хӳре, йĕс хӳре*).

45. ***Шуптан*** — очевидно, опечатка вместо правильного *шушпан* (эрзянское) «женская распашная одежда из холста».

46. ***Гис*** — в современных мордовских языках такого слова найти не удалось. Это слово может восходить к русскому *кисть*.

47. ***Сюгама*** — в современных мордовских языках *сюлгам* (мокшанское), *сюлгамо* (эрзянское) «нагрудная заколка». Слово родственно с чувашским *шĕлкеме, шӳлкеме* «нагрудное украшение из монет».

48. ***Щурка*** — в современном мокшанском языке *щурхне* «нагрудная заколка».

49. ***Пилеск*** — в современных мордовских языках *пилёкш* (эрзянское), *пилькст* (мокшанское) «наушные украшения».

50. ***Пилеск каряукс*** — в современном эрзянском языке *пиле курокст* «наушные украшения».

51. ***Пилеск ергя*** — в современном эрзянском языке *пилёкш эрьгть* «наушные украшения», где *эрьгть* «бусы».

52. В современном эрзянском языке это украшение называется ***пухи, пухт*** «наушное украшение» (из русск. *пух*), а в мокшанском *сорга* «наушное украшение из гусиного пуха» (из чуваш. *сăрка*).

53. ***Кекс*** — в современном эрзянском языке *кетькс* «браслет».

54. ***Сорока*** — в современных мордовских языках *сорока, сорука, сорка* «женский головной убор»; ср. русск. *сорока,* марийск. *шурка,* крещено-татарское *сорока* «головной убор замужней женщины».

55. ***Карь*** — в современных мордовских языках *карть* (эрзянское), *карьхть* (мокшанское) «лапти».

56. ***Карьк*** — в современных мордовских языках *карькст* «оборы лаптей».

57. ***Пракста*** — в современных мордовских языках *пракстат* «онучи».

58. ***Серьгя*** — в современном мокшанском языке *сёргат* «нарядные шерстяные обмотки».

59. Косник или накосное украшение по-чувашски называется ***хӳре,*** букв. «хвост».

60. ***Кашпау*** — в современной чувашской орфографии ***хушпу*** «головной убор замужней женщины».

61. ***Тастар*** — полотенцеобразный богато украшенный головной убор чувашских женщин, более известный под названием *сурпан.*

62. Здесь И.И.Лепехин описывает головной убор чувашских девушек, носящий название ***тухья.***

63. ***Чилянь*** — в современной татарской орфографии ***җилән*** «летнее пальто», «пыльник»; «верхняя одежда наподобие халата» (ср. чуваш. *йĕлен* «женская верхняя одежда типа халата»).

64. ***Ирпяк*** — в современных татарских диалектах ***эрпәк*** «покрывало», «фата».

65. Современные татарские словари описывают ***тастар*** как «старинный головной платок, напоминающий шарф». Судя по этнографическим работам, татарский тастар представлял собой головной убор типа чувашского *сурпан'а.*

66. ***Кашпау*** — в современных татарских диалектах встречается в формах *кашбау, кашпау* в значении «женский головной убор — холщовая шапочка, обшитая снаружи серебряными монетами».

67. ***Мерзянь*** — в современном татарском языке *мәрҗән* «коралл», «бусина».

68. ***Куза*** — в современном татарском языке *кузай* «блестящие стеклянные бусы».

69. ***Тулья*** — основная часть головного убора; *кашпау без тульи* — головной убор замужних женщин с открытым верхом, как это бывает и у чувашских *хушпу.*

70. ***Кашпау сакал*** — часть женского головного убора, подвязка для застегивания *кашпау* под подбородком; букв. «бородка кашпау»; чуваши эту часть называют *хушпу антăрлăхĕ.* Словом со значением «борода» татары (*сакал*), башкиры (*һакал*), а также чуваши некоторых местностей (*сухал*) обозначают и женское нагрудное украшение.

71. ***Кашпау кайрюк*** — в современной татарской орфографии ***кашпау койрыгы*** букв. «хвост кашпау»; чуваши этим термином *(хушпу хӳри)* обозначают наспинную лопасть хушпу, прикрывающую косы женщины.

72. Идентичный головной убор носили в прошлом и башкирские женщины и называли его *кашмау.*

73. Чувашские девушки раньше четырехугольный платок складывали косынкой и два противоположных конца завязывали на затылке, что называлось «носить платок по-девичьи» (*хĕрле*); женщины же концы платка завязывали под подбородком.

74. ***Чигача*** — в современной татарской орфографии *чигәчә*

«женский головной убор из монет, надеваемый на висок» (от *чигэ* «висок»).

75. ***Сарга*** — в современной татарской орфографии ***сырга*** «серьга», «сережка» (букв. «привеска», «подвеска»); ср. чуваш. *сăрка* «нагрудное или наспинное украшение; подвеска к головному убору».

76. ***Ташпау*** — в современном татарском представлен в форме ***чулпы*** «накосник — лента с монетами и бляхами, которую женщины вплетают в косы». Форма *чулпы* в татарском языке, при исконном *ташпау* (от *таш* «камень») и чувашском *чулппă*, скорее всего является булгаро-чувашским заимствованием (ср. чуваш. *чул* «камень»). Название *чулппă* первоначально относилось к ажурным ювелирным украшениям, исполненным в технике скани со вставками «глазков» из полудрагоценных камней (чуваш. *чул,* татар. *таш* «поделочный камень»), а затем стало обозначать и накосное украшение.

77. ***Атуа*** — в современных татарских диалектах это слово означает мягкие сапоги без каблука, т.е. *ичиги.* При собственно татарском *итек* и чувашском *атă* «сапоги» напрашивается предположение о проникновении этого слова в татарские говоры из чувашского языка.

78. ***Ирзям*** — в современной чувашской орфографии ***ырсем*** — букв. «добрые» (духи); так называют чуваши всех своих языческих божков и духов, в том числе и Киреметя.

79. ***Киреметь*** — в современной мордовской орфографии ***керемет*** «имя одного из божеств мордовы-язычников»; «языческая жертва этому божеству»; «место жертвоприношения»; «обряд жертвоприношения». Божество Керемет занимает важное место в языческом пантеоне всех народов Поволжья — чувашей, татар-кряшен, мордвы, марийцев, удмуртов, башкир. Название керемет через тюркское и персидское посредство восходит к арабскому слову *карамат* «чудо».

80. И.И.Лепехин следует в описании чувашского киреметища вслед за П.-С.Палласом. Ориентация ворот жертвенника у обоих авторов совпадает, однако вызывает некоторые сомнения в отношении правдоподобности. Чуваши во всех без исключения случаях молились, обращаясь на восток. Наоборот, западная или задняя сторона (*кай ен*) связывалась с потусторонним миром, с демоническими силами, со смертью. Поэтому крайне сомнительно, чтобы ворота для прохождения людей находились с западной стороны. Нельзя найти какого-нибудь удовлетворительного объяснения и тому, почему южная сторона оставлялась глухой. Обычно жертвенники бывают с открытой восточной стеной и глухой западной.

8 – Заказ № К-2900

81. ***Тиржигать*** — в чувашском языке такого слова нет; очевидно, здесь скрывается словосочетание *тир çакать* — «вешает шкуру». Судя по тексту, на эти три столба, к которым сначала привязывали приносимых в жертву животных — лошадь, быка и овцу, — в ходе жертвоприношения развешивали шкуры закланных животных. Видимо, информатор рассказывал примерно так: *«Унтан çав юпасем çине тир çакать...»* — «затем на эти столбы развешивает шкуры...», а И.И.Лепехин сочетание «тир çакать» воспринял как название самих этих ритуальных столбов.

82. ***Юба*** — в современной чувашской орфографии ***юпа*** «столб».

83. ***Калда*** — в современной чувашской орфографии ***карта*** «ограда», «изгородь», «загородь», «хлев», «загородка». Здесь, по всей вероятности, означает некое строение для защиты огня от ветра и дождя (см. примеч. 14).

84. ***Харай-жигать*** — очевидно, описка вместо правильного *хуран çакать* — букв. «вешает котел». И.И.Лепехин не совсем точно понял это выражение и перевел его по-русски «кухня», т.е. место, где устанавливаются котлы для варения жертвенных животных.

85. По традиции, во время жертвоприношений туша животного, внутренние органы разделялись на кусочки по числу собравшихся и раздавались им. Эти кусочки назывались *алă валли* — букв. «доля на каждую руку».

86. ***Хума*** — в современной чувашской орфографии ***хăма*** — «доска»; лавки на жертвенниках устраивались из хорошо обструганных досок.

87. Практически все этнографы XVIII—XIX вв. отмечают почитание чувашами пятницы (*эрне кун* — букв. «недельный день»). При этом нередко указывается, что такой обычай перенят чувашами от татар. Однако детальное исследование этой проблемы выявляет более глубинные истоки традиции. Первые три дня недели в чувашском языке имеют названия тюркского происхождения: понедельник — *тунтикун* «день сотворения (недели)», букв. «день, находящийся на месте сотворения»; вторник — *ытларикун* «четный день» (от *ытă* «чет»), букв. «день, находящийся на четном (лишнем) месте»; среда — *юнкун* «день крови». Названия следующих двух дней — четверга (*кĕçнерникун* или *кĕçĕн эрне кун* букв. «младший недельный день») и пятницы (*эрнекун* или *мăн эрни кун* — букв. «старший недельный день») — заимствованы из какого-то неизвестного восточноиранского языка и, судя т.н. «булгарскому ротацизму» (ср.: иран. *адине*, но чуваш. *эрне*, где иран. д в булгаро-чувашском перешел в **р**), еще в древнебулгарскую (IV—VIII века) или даже более раннюю эпоху (в I-х веках н.э.). На-

звания субботы (*шăматкун*) и воскресенья (*вырсарникун* или *вырăс эрни кунĕ* — букв. «день русской недели», «день русского праздника») в чувашском появились сравнительно поздно. Все это позволяет высказать предположение, что пратюркская неделя была трехдневной, причем третий день — «день крови» был праздничным, а на пятидневную неделю булгарские предки перешли под влиянием восточно-иранских племен. Пятидневная неделя иранских народов завершалась праздничным днем — пятницей. Кстати, русские названия дней недели, особенно среда (т.е. средний день недели), указывают, что пятидневная неделя в древности была характерна и для славянских и, шире, индоевропейских народов. Таким образом, выясняется, что почитание пятницы как праздничного дня недели имеет очень глубокие корни.

88. ***Йомзя*** — в современной чувашской орфографии ***юмăç, юмçă*** «знахарь», «ворожея», «гадалка». У чувашей *юмзи,* как правило, не руководили обрядами жертвоприношений и не читали молитв. Руководителями при жертвоприношениях выступали старейшины числом до семи или девяти человек, они же читали все надлежащие молитвы.

89. Чувашский текст молитвы передан в сильно искаженном виде. Сравнительный анализ чувашского текста и русского перевода дает возможность реконструировать приведенную молитву в следующем виде:

«Çырлах, Турă! Ан пăрах! Мĕн ыйтнине ăнтара пар. Акнă тырăма пар, выльăхран пар, ачаран-пăчаран пар. Мĕн те кĕллерĕм, ăна та пар, мăн та çăкăр (?) та пар, амин». — «Помилуй, Боже! Не предай забвению! Что просим, то с прибылью дай. Посеянные хлеба уроди, от скота (прибыли) дай, от детей-ребятишек (счастья) дай. Что я вымаливаю, того тоже дай, обильного хлеба также дай, аминь».

90. Весьма показательно, что И.И.Лепехин специально указывает на то, как чуваши молятся: «стоят долго во всякой тишине». В традиционном обряде жертвоприношения молитва читалась непременно на ногах и вполголоса, жертвенная пища *(алă валли)* держалась в правой руке на уровне груди, а трехкратное коленопреклонение заключало молитвословие.

91. Календарные общественные жертвоприношения *чӳк* совершались во время летнего солнцестояния, когда отмечался праздник «земли-именинницы», *çинçе.* В этот период поочередно совершались три жертвоприношения: *мăн чӳк* «Великое жертвоприношение», *уй чӳкĕ* «полевое жертвоприношение» и *çумăр чӳкĕ* «жертвоприношение от бездождья» с интервалом между ними в

одну неделю (по три дня). Кроме того бывали жертвоприношения в случаях бедствий. В ноябре месяце (*цюгуй,* в современной орфографии *чӳк уйăхĕ, чӳклеме уйăхĕ* «месяц жертвоприношений») в благодарность за урожай совершается родовое или семейное жертвоприношение с пивом и хлебными яствами из нового урожая. Обряд этот называется *чӳклеме* и проводится дома, а не на общественном жертвеннике.

92. ***Филипп-Иоган Страленберг (1676—1747)*** — шведский офицер, попавший в русский плен в 1709 г. Долгое время жил в Сибири, собрал материал о народах России и в 1730 г. в Стокгольме издал книгу «Северная и Восточная части Европы и Азии...» В ней есть страницы, посвященные чувашам и другим народам Поволжья.

93. В этом разделе И.И.Лепехин кратко описывает обряд осеннего родового домашнего жертвоприношения *чӳклеме* или *кĕр сăри.*

94. По всей вероятности, И.И.Лепехин описывает здесь чувашский поминальный обряд *юпа* или *çураçма.* Однако описание весьма поверхностное, фрагментарное и не совсем точное.

95. ***Мезява*** — в современной мордовской орфографии ***Мазава*** «красивая женщина».

96. ***Сернява*** — в современной мордовской орфографии ***Сырнява*** «золотая женщина».

97. ***Вежава*** — букв. «младшая женщина».

98. По свидетельству М.Е.Евсеева, имен, которые давались молодым, у эрзи было шесть: *мазава* «красивая женщина», *ашава* «белая женщина», *парава* «хорошая женщина», *вежава* «младшая женщина», *сырнява* «золотая женщина» и *тятява* (значение забыто). Самыми употребительными из них были первые четыре, причем первые три давались старшим снохам и в каком угодно порядке, а вежава давалась всегда младшей снохе (Евсевьев, 1966, 324—326; 405—406). Аналогичные названия для невесток бытуют и у чувашей: *чипер хĕр* «красивая невестка» (букв. «девушка»), *сарă хĕр* «русая невестка», *шурă хĕр* «белая невестка», *вăталăх хĕр* «средняя невестка», *кĕçĕн хĕр* «младшая невестка», *пĕчĕкçĕ хĕр* «меньшая невестка» и просто *хĕрсем* «невестушка» — без различия по старшинству.

99. ***Сонмище*** — здесь «сборище», «собрание».

100. ***До взросту*** — «до повзросления».

101. ***Вот шисал*** — в современной мордовской орфографии ***вот кшесал*** «вот хлеб-соль».

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ ВИШНЕВСКИЙ

(1804—1885)

В.П.Вишневский — один из первых исследователей чувашского языка, быта и верований чувашей и марийцев. Родился он в ноябре 1804 г. в чувашском селе Сугут-Торбиково (чуваш. *Сăкăт*) Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Вурнарский район Чувашской Республики) в семье священника. С раннего детства выучился говорить по-чувашски и знал его как родной.

Учился в Казанской духовной семинарии, затем поступил в Московскую духовную академию и после ее окончания в 1826 г. стал работать в Казанской духовной семинарии. В 1843 г. занимал различные должности: состоял членом духовной миссии при Казанской епархии, преподавал в Казанской духовной академии чувашский и марийский языки, а также этнографию этих народов.

В.П.Вишневский был активным членом Русского географического общества. В 1858 г. за подготовку и публикацию ценных научных трудов он был удостоен серебряной медали этого общества.

Вишневский поддерживал деловые отношения с известными исследователями чувашского языка и культуры — П.И.Талиевым, А.А.Фукс, В.А.Сбоевым, В.П.Громовым, С.Элпидиным, Н.И.Золотницким, был знаком с Н.Я.Бичуриным, С.М.Михайловым, В.К.Магницким, Н.И.Ильминским, И.Я.Яковлевым.

В.П.Вишневскому принадлежит изданный в 1836 г. в Казани труд под названием «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии». Это была вторая печатная грамматика чувашского языка. Она издана спустя 67 лет после выхода грамматики 1769 г., составленной В.Г.Пуцек-Григоровичем. Грамматика Вишневского была серьезным шагом вперед в развитии чувашской лингвистической науки; в течение последующих 35 лет она оставалась единственным учебником чувашского языка. Перу Вишневского принадлежит несколько статей о религиозных верованиях чувашей, марийцев, о чувашском языке.

Важное значение имеет труд В.П.Вишневского, опубликованный под названием «О религиозных повериях чуваш» в «Казанских губернских ведомостях» в 1846 г. В том же году работа вышла отдельной

брошюрой и с тех пор не переиздавалась. Этот труд Вишневского является первым системным описанием религиозно-мифологических представлений чувашей. В отличие от многих работ, посвященных дохристианским верованиям чувашей, труд Вишневского построен на достоверном, фактическом материале и поэтому заслуживает полного доверия.

Фактический материал, скрупулезно собранный и систематизированный ученым В.П.Вишневским, служит надежной основой для понимания сущности, систематизированного изучения дохристианских верований чувашей. Поэтому мы включили в хрестоматию весьма ценный труд практически без сокращений.

В свете накопленных за 150 лет фактов по старой чувашской вере некоторые аспекты этой проблемы получили новое, более подробное и точное освещение. Поэтому мы сочли необходимым снабдить труд Вишневского соответствующим научным комментарием.

О РЕЛИГИОЗНЫХ ПОВЕРЬЯХ ЧУВАШ

Чтобы основательно начать, продолжить и совершить обращение заблуждающих от истины веры, надобно обращать внимание на источник заблуждения и самое заблуждение.

Наставления Священнику относительно заблуждающих от истины веры.
30-е правило.

В моем звании не нужно много затрудняться касательно познания заблуждений коснящих в языческом суеверии новокрещеных чуваш. Со второй половины прошедшего столетия у нас уже неоднократно были описываемы религиозные поверья чуваш. Чуваши сих поверий не оставили доселе. Впрочем, дабы более уяснить себе сведения, какие уже сообщены в описаниях чувашского быта, я почел необходимым делом поверить их рассказам тех немногих новокрещеных чуваш, кои, восчувствовав тщету чувашского суеверия, ныне обратились к Св. церкви и свято исполняют ее уставы и правила, в той уверенности, что сии чуваши не имеют надобности скрывать тайны суеверия, которому сами были преданы, и яснее видят нелепость оного.

Плодом сих собеседований моих были следующие сохраняющиеся в устных преданиях мнения чуваш о божестве и отношениях человека к нему.

I. Чуваши вообще уверены, что они подлежат влиянию двух начал — начала доброго, которое они именуют *тора* (Турă[1]) «Бог», начала злого, именуемого *киреметь*. Начала сии невидимы, непостижимы и независимы друг от друга.

А. Бог-тора, по мнению их, есть:

а) Существо Всевышнее, почему именуется *мун тора* (Мăн Турă) «самый большой Бог».

б) Мироправитель, почему называется *сюд-сяндалык тыдагган* (Çут çанталăк тытакан) «содержащий вселенную»; *сирь-шу асше* (Çĕр-шыв ашшĕ) «отец земли и воды».

в) Виновник счастия земного для людей, почему они называют его *мун-ира тора* (Мăн ырă Турă) «Всевышний благий Бог». Если

когда он и наказывает чуваш, то никогда не касается личности их, а только посылает на землю засухи, град, ненастье, бури.

г) Постоянное жилище его есть небо, или, по выражению их, верхний светлый мир; отчего именуется *сюльди тора* (Çӳлти Турă) «верховный Бог» и *сюд сюльде вырдагган* (Çут çӳлте выртакан) — «в верхнем свете почивающий». Это жилище он оставляет только по пятницам, сходя на землю для узнания, не работают ли чуваши в этот день и не топят ли их жены печей до полудня.

д) В прочее время он занимается только направлением стихий к плодородию земли и получает сведения о делах, производимых на земле и нуждах человеческих от подчиненных ему существ, также благих, которые для сего летают, бегают и разъезжают на белых конях (*шора шоргон*)[2] по миру, почему и называются общим именем *сюреггензам* (Çӳрекенсем) «всюду ходящие». Эти подчиненные ему существа суть следующие:

а) *Мун тора увынче сюрень* (Мăн Турă умĕнче çӳрен) «предстоящий лицу великого Бога»[3].

b) *Алык озян* (Алăк уçан) «отворяющий двери жилища Божия»[4].

c) *Пюлюхсь* (Пӳлĕхçĕ) «вестник»[5], у которого есть также *пюлюхсь увынче сюрень* (Пӳлĕхçĕ умĕнче çӳрен) «предстоящий лицу вестника»[6] и *алык озян* (алăк уçан) «отворяющий двери жилища его»[7].

d) *Пигамбар* (Пихампар) «охраняющий стада и людей от волков и медведей»[8].

e) *Херле сир* (Хĕрлĕ Çыр) «оплодотворящий землю»[9].

f) *Мун ира* (Мăн ырă) «гений хранитель»[10], у которого есть свой *сюрень ира* (Çӳрен Ырă) «предстоящий лицу его»[11].

g) *Мун кебе* (Мăн Кепе) «великий посланник и переводчик»[12].

h) *Хурбан* (Хăрпан) «ходатай у Мун Тора (всевышнего Бога) и прочих божественных существ», коему при жертвоприношениях чуваши прежде всего приносят жертву, дабы он не препятствовал жертве достигнуть того существа, коему она приносится, и быв задобрен донес ее по назначению[13].

Из сих существ *Мун тора* (Мăн Турă) «всевышний Бог» и *Пюлюхсь* (Пӳлĕхçĕ) «вестник» имеют матерей — *Мун тора амуж* (Мăн Турă амăшĕ) «матерь всевышнего Бога», и *пюлюхсь амуж* (Пӳлĕхçĕ амăшĕ) «матерь вестника»; а прочие одиноки — (*хозах*) «холосты»[14].

Алык озян (Алăк уçан), *Сюрень ира* (Çӳрен ырă), *Херле сирь* (Хĕрлĕ Çыр) и *Хурбан* (Хăрпан) в молитве не упоминаются несмотря на то, что чуваши просят помилования, кроме благих существ невидимых, еще у солнца (*хвель*), месяца (*оих*) и ветра (*силь*)[15].

В. Злое начало (*киреметь*), по мнению их, преследует злобою

личность чуваш и поражает их душевными скорбями и телесными болезнями; но, чтобы более повредить чувашам, посылает болезни и на скот их. Оно, по мнению их, невидимо, неуловимо, живет на земле, отчего называется *анатра вырдагган* «почивающий внизу — по отношению к небу»[16] и притом при каждой чувашской деревне, отчего каждая чувашская деревня имеет свою киреметь; в месте пребывания своего есть полный господин, отчего называется *олбут керемече* «господин кереметный»[17], места для жительства своего избирает по своему произволу, отчего называется *ирикре вырдагган* «почивающим где вздумается»[18], и непрестанно у чуваш открываются новые керемети. Впрочем, власть его не ограничивается местом: оно может делать зло и живущим вдали от местопребывания его; почему чуваши в случае постигающих их и скот их болезней прежде всего стараются узнать, какая киреметь поразила их; действует не везде с одинаковою силою, почему разделяется на свирепейшее (*Хаяр кереметь*) и смирное (*Йиваш*).

Из молитвы, какая читается чувашами при жертвоприношениях керемети, видно, что и она имеет свой, так сказать, штат, в каком отношении само злое начало всегда называется *Мун кереметь* (Мăн Киремет) «глава керемети»[19]. Штат сей составляют следующие чины:

а) *Мун кереметь увынче* (Мăн Киремет умĕнче [тăран]) предстоящий лицу керемети»[20];

б) *Мун кереметь пюлюхсь* (Мăн Киремет Пӳлĕхçи) «вестник керемети»[21];

в) *Мун кереметь пуче* (Мăн Киремет пуçĕ) «отворяющий двери жилища керемети»[22];

г) *Мун кереметь кебе* (Мăн Киремет кепи) «посланник керемети»[23];

д) *Мун кереметь хаярь* (Мăн Киремет хаярĕ) «прислужник керемети»[24];

е) *Мун кереметь тибери* (Мăн Киремет тĕперĕ) «уборщик жилища керемети»[25].

Глава киреметь и пюлюхсь (Пӳлĕхçĕ) имеют матерей — *Мун кереметь амуж* (Мăн Киремет амăшĕ) «матерь главы керемети»[26], *Мун кереметь пюлюхсь амуж* (Мăн Киремет Пӳлĕхçи амăшĕ) «мать вестника керемети»[27].

В месте жительства керемети надобно почитать и воду, и землю.

Местопребывание керемети называется также *кереметь*, с присовокуплением иногда имени или деревни, смежной уделу керемети, например, *Сорым кереметь* (Сурăм киремечĕ) «Сорминс-

кая кереметь»[28], или урочища, на коем поселилась кереметь, например, *Вурум ой кереметь* (Вăрăм уй киремечĕ) «на длинном поле кереметь», *Выри кереметь* «при реке Выле кереметь»[29], или чувашенина, который первый открыл местопребывание керемети, например, *Яку кереметь* (Якку киремечĕ) «Яковлева кереметь», *Мигапар кереметь* (Михаппар киремечĕ) «Мигапарова кереметь». Обыкновеннейшими местами для жительства керемети служат леса и рощи; но она может жить в оврагах, источниках, озерах, на открытых полях. Чаще всего леса и рощи населяет кереметями воображение чуваш, между прочим, и во избежание помешательства при жертвоприношениях керемети, потому что, по мнению их, в числе причин бездействия жертвы, приносимой керемети, есть встреча на месте жертвоприношения людей неблагоразумных, а особенно христиан.

Места жительства керемети чуваши не любят открывать посторонним, так что вы никогда не узнаете от чувашенина, где живет *кереметь*. Причина такой скрытности есть опасение, чтобы посторонние, узнав, где живет *кереметь*, в насмешку не потревожили ее в ее владении, и через то не подвергли чуваш беде. Впрочем, несмотря на сию скрытность, легко узнавать мнимые места жительства *керемети*. Во всякой *керемети* вы встретите пепел от сожженнных костей животных, найдете деньги медные, или мелкое серебро, или жетоны (*нохрат, мамаля*)[30], которые они бросают керемети, черепы лошадиные, которые в лесах вешаются на дерева, а на открытых местах валяются по земле, ямы, в коих варятся заколотые в жертву животные, лоскуты холста, которые девицы пред выходом в замужество дарят керемети. В лесах и рощах места жительства керемети иногда загораживаются, дабы скот не ел травы, тут растущей.

Но чтобы посторонние или из чуваш какой-нибудь нечестивец не потревожил *керемети* невежественным обращением в местах ее жительства, для сего места сии вверяются наблюдению одного из жителей деревни, соседственной сим местам, который называется *керемеч-кодювзе* (киремет кĕтӳçĕ) «пастух, оберегатель керемети». На его обязанности лежит наблюдать, чтобы кто-нибудь не присвоил себе вещей, принадлежащих *керемети*, например, не рубил деревьев, не косил травы, не брал денег, не ловил рыбы, потому что, по мнению чуваш, *кереметь* раздражается, когда похищают ее достояние, почему чуваши строго запрещают касаться достояния *керемети*.

Кроме *керемети* и подчиненных ей злых существ, по мнению чуваш, виновниками болезней бывают:

1) *Хыдым* (Хытăм) «отвердение», коему приписывают корчи, онемение членов[31].

2) *Есрель* (Эсрел) «пострел», коему приписывают смерть от апоплексии[32].

3) *Йирихь* (Йĕрĕх), коему приписывают разного рода сыпи на теле, коросту, чирьи, болезнь глазную. Для умилостивления его они строят кузовья и кладут в них рябиновые ветви, кусочки олова, обрезки ногтей, волосы, кисель и хранят сии кузовья в житницах[33].

4) *Виляшки* (Вилешке) «мертвецы», которые за непоминовение их наказывают болью в животе и ломотою в пояснице[34].

II. Уже по одним этим данным можно предугадывать, что религия чуваш не может заключать в себе ничего духовного и одухотворящего разумно-свободные существа, потому что там, где нет истинных понятий о Миродержателе и где не знают, что он есть отец человеков, нельзя требовать чувств сыновней любви, покорности и благоговения к нему. Сами чуваши весьма хорошо выражают характер своей религии следующим, непререкаемым у них, присловием: *мискинин торада мискин* (Мĕскĕнен турри те мĕскĕн) «к бедному и Бог беден» т. е. нещедроподателен. Посему все обязанности в отношении к Творцу и Промыслителю они почитают со своей стороны исполненными, если, с призыванием имени Вседержателя, заколют известные животные и приготовят известные кушанья, что все напоследок сами же потребляют, потому что после сего они не опасаются немилости Миродержателя. Но о делах святости они не только не думают, но и понятия не имеют; и посему наконец управляющие их религиозными верованиями *йомзи* (юмăç) «ворожецы»[35], старики и старухи непрестанно толкуют, что Бог не даст плодородия земле, если чуваши оставят переданные от предков поверья, которые известны у них под именем старой веры (*авал юлы*); и что всякая другая вера несвойственна чувашам (*кильшмясть*).

Таковы же точно способы, предпринимаемые чувашами во время постигающих их телесных болезней и душевных страданий. Не зная, что человеческие страдания суть праведное воздаяние правосудного Господа человеку в настоящей его жизни за то, что он имел дерзость преступить заповедь Творца, они ищут ослабы от них не в тех стредствах, кои тот же правосудный Господь по человеколюбию своему открыл, т. е. не в подвигах самоумерщвления, покаяния, живой веры в жизнь будущего века и врачебных пособиях, а сообразно своему суемудрию в жертвоприношениях мнимому злому началу. Не подозревая бредней своих

йомзей, они твердо уверены, что если принесут керемети в жертву известных животных, то болезнь минует.

Дабы благоугодить Миродержателю и подчиненным ему благим существам, по мнению чуваш, надобно жертвовать ему а) скотом домашним и б) хлебом. Но *кереметь* довольствуется только скотом и деньгами.

А) Из скотины:

Мун тора «Всевышний Бог» требует себе от чуваш барана; через пять лет быка; а через 10 — лошадь[36].

Тора-амуж «матерь Божия» — овцу и корову, от каждого на его веку[37].

Предстоящему лицу Всевышнего Бога М*ун тора увынче сюрень* приносится баран.

Отверзающему двери жилища Божия *алык озян* — каша и *йосманы* — лепешки, испеченныя с кровью закалываемых животных. Йосманов сих должно быть числом 40, но почему, я не мог добиться[38].

Охранителю стада от волков *Пигамбарь*, Гению-хранителю *Мунь ира,* предстоящему лицу его *Сюрены ира*, оплодотворяющему землю *Хирле сирь*, великому посланнику *Мун кебе* — всем одна лошадь[39].

Хурбану — баран[40].

А дабы избавиться от болезней, причиняемых керемету, должно приносить:

Мун кереметь «главе керемети» — лошадь; *Мун кереметь амуж* «матери керемети» — овцу;

Мун кереметь унче «предстоящему лицу керемети» — барана;

Мун кереметь пюлюхсь «вестнику», и отворяющему двери *керемети (Мун кереметь пучи)* — по барану; последнему сверх сего — утку;

Мун кереметь хаяр «прислужнику» — деньги и жетоны;

Мун кереметь тибери «уборщику» — гуся;

Воде керметной — гуся и барана;

Земле — синицу[41].

Жертвенные животные, кроме лошади, должны быть белые, а для хурбана и воды керметной — черные. Назначение животного в жертву как благодетельным, так и злобным существам, кроме приносимого в жертву *Мун Тора*, о требованиях коего знает всякий чувашин, зависит от воли *йомзей*, которые хвалятся знанием, когда какая жертва требуется от чуваш.

Необходимые принадлежности сего рода жертвоприношений суть следующие:

а) Прежде, нежели обреченное в жертву животное заколется,

на него должно лить воду, дабы узнать, достойно ли оно быть жертвенным. О достоинстве его судят по тому, если оно встрепенется (*сылленеть*).

б) Приносившие в жертву животное должны съесть мясо его,а кости и внутренность сжечь и прах развеять, если жертва была в честь Миродержателя; одни лошадиные головы не сжигаются.

Если лошадь принесена Мун Тора или кому-нибудь из подчиненных ему благих существ, то череп вывешивается на тычинах полевой загородки для удержания дома тех, кто бы вздумал в пяток ехать на полевую работу, отчего во всякой чувашской деревне вы видите на кольях полевой загородки сии черепа[42]. Если же лошадь принесена в жертву керемети, то голову в лесах вешают на дерева, а на полях бросают на землю.

в) Колоть жертвенное животное должно, обратившись лицом на восток и в шапке.

г) Ко времени жертвоприношения надобно сварить пиво, дабы торжествовать принятие жертвы тем существом, в честь коего она принесена. Для торжества кереметной жертвы пиво варится в особой посуде, которая посему не употребляется в домашнем быту, но хранится особо в потаенном месте. При варении его крещеные чуваши не должны иметь на себе креста, знаменоваться крестным знамением, не должны присутствовать русские; но если русскому случится невзначай войти в дом, где варится кереметное пиво, то хозяин или хозяйка непременно отрывают тихомолком частицу волосков или от шапки, или от азяма вошедшего.

Жертвы животными *Мун тора* и прочим благим существам бывают частные (*Чук*) или общие (*Мун чук*) «большой чук»[43]. Первые приносятся от каждого семейства особо, а последние или от одной деревни, или нескольких в совокупности, а иногда от нескольких уездов. В частных чуках жертвенное животное закалывают в доме главы семейства, а в общем — вне жилища чуваш, и чтобы избежать помешательства, большею частию в оврагах или лесах, старики, пользующиеся доверием в народе и уважением. Вообще как частные, так и общие чуки совершаются не в определенное время: время совершения первых, кроме чука *Мун Тора*, зависит от того, как текут дела чувашина. Когда у чувашина хорошо родился хлеб, желания его исполняются, то он не считает себя обязанным в тот год приносить жертву; но когда полевые труды его не вознаграждаются, то он идет к ворожцу, дабы узнать, чего благие существа требуют от него; мнимый богослов, расспросив просящего его наставлений, какими животными он в жизни своей уже жертвовал, велит ему для благоус-

пешности в делах или принести такую жертву, которой он еще не приносил, или повторить уже принесенную[44]. Общие же чуки обыкновенно совершаются по окончании весеннего посева и пашни, и только или после нескольких лет неурожая, или когдя долговременная засуха угрожает неплодородием. Когда народ от сих бедствий приходит в недоумение, то *йомзи* обыкновенно объявляют, что для предотвращения неминуемой погибели нужно сделать общий чук, и назначают существа, коим должно сделать чук, количество животных, число деревень, кои должны участвовать в *чуке*. Соображаясь с сими указаниями, в общем собрании исчисляют, чего будет стоить покупка жертвенных животных и по количеству потребной суммы облагают каждый дом данью; после сего каждое семейство должно к назначенному дню сварить пиво для торжества, обыкновенно продолжающегося ради великого *чука* не менее недели.

Но для утоления гнева *керемети* общих *чуков* нет. Для нее члены того семейства, где есть больной или страдает скотина, закалывают обреченных животных всегда одни; или в месте жительства *керемети,* когда назначено принести в жертву крупное животное, или в доме болящего; но в последнем случае непременно у растущего на дворе дерева, если оно есть, или в огороде[45].

Б) Из плодов земных Миродержателю[46] приносятся в жертву ржаной хлеб и ячменная каша; первый в ноябрьском новолунии, в благодарность за собранные летом плоды земные; а второй большею частию вечером в Великою субботу, а в некоторых местах в который либо из дней перед Пасхою, для испрошения у Миродержателя плодородия в наступающее лето[47].

Обряды жертвоприношения хлебом следующие: перед наступлением ноябрьского новолуния в каждом доме ростят из нового хлеба солод, варят пиво, в день моления пекут хлеб из новой муки. Перед началом жертвоприношения ставят на стол непочатый хлеб, солоницу, большую чашку пива и маленькие чашечки по числу присутствующих. Хозяин дома, отворив двери на восток, читает молитву с земными поклонами; по окончании ее наливает в чашечки пиво и раздает присутствующим. Присутствующие, приняв чашечки, обращаются с хозяином на восток и, призвав имя Божие, выпивают пиво. Засим разрезают хлеб и едят его. По окончании сего обряда начинается обыкновенное пированье, которое продолжается день и ночь до тех пор, пока не выпьется в деревне пиво. Во время сего пированья всякий может и без зову приходить или приезжать в гости к кому вздумает. Отказу в угощении в это время не бывает[48].

Над ячменною же кашею не совершается никаких обрядов, ее едят только с призыванием имени Миродержателя, ровно как и над пивом ничего не делают; но после того, как наедятся каши и изопьют пиво, с криком начиняют бить палками на печах, под печами и во всех углах избы и на дворе. Растворяют ворота и гонят *шайтана* (диавола) по улицам до какого-нибудь оврага или речки, тут бросают в него палки, а с тем вместе лепешки, пироги, хлеб, яйца и возвращаются в дома праздновать изгнание нарушителя спокойствия и продолжают это празднество обыкновенно до среды пасхальной в таком же пьянстве, какое бывает и в ноябрьском новолунии. По этому крику и гайканью ночь, в которую, по их выражению, дается Богу каша, называется *вирим кась* «ночь визга»[49].

Несмотря на различие нужд и обстоятельств, по которым чуваши делают свои *чуки*, при всяком *чуке* они читают только две молитвы, из коих первая состоит в молении Миродержателю о даровании им довольства благ земных, а вторая в молении *керемети* об отвращении бедствий.

Молитвы сии суть следующия:

В честь Миродержателя[50]

Мун тора, сирлаг! — Всевышний Боже, помилуй!

Мун тора амуж, сирлаг! — Матерь Божия, помилуй!

Мун тора увынче, сирлаг! — Предстоящий лицу Божию, помилуй!

Пюлюхсь, сирлаг! — Вестник, помилуй!

Пюлюхсь амуж, сирлаг! — Мать вестника, помилуй!

Пигамбар, сирлаг! — Охраняющий стада, помилуй!

Кебе, сирлаг! — Посланник, помилуй!

Мун ира, сирлаг! — Хранитель, помилуй!

Сюд сяндалык тыдан, сирлаг! — Вседержатель, помилуй!

Сюд сяндалык тыдан тора амуж, сирлаг! — Вседержателя мать, помилуй!

Сюд сяндалык тыдан пюлюхсь, сирлаг! — Вестник Вседержателя, помилуй!

Сюд сяндалык тыдан пюлюхсь амуж, сирлаг! — Мать вестника Вседержателева, помилуй!

Сюд сяндалык тыдан кебе, сирлаг! — Посланник Вседержателя, помилуй!

Сирь-шу тыдан, сирлаг! — Владеющий землею и водою, помилуй!

Сирь-шу тыдан пюлюхсь, сирлаг! — Вестник владеющего землею и водою, помилуй!

Сирь-шу тыдан пюлюхсь амуж, сирлаг! — Мать вестника владеющего водою и землею, помилуй!

Сирь-шу тыдан кебе, сирлаг! — Посланник владеющего землею и водою, помилуй!

Хвель, сирлаг! Ойх, сирлаг! — Солнце, помилуй! Месяц, помилуй!

Сюд сюльде вырдан, сирлаг! — Почивающий в светлом мире верхнем, помилуй![51]

Сюд сюльде вырдан тора амуж, сирлаг! — Мать почивающего в верхнем свете, помилуй!

Сюд сюльде вырдан пюлюхсь, сирлаг! — Вестник почивающего в верхнем свете, помилуй!

Сюд сюльде вырдан пюлюхсь амуж, сирлаг! — Мать вестника почивающего в верхнем свете, помилуй!

Чук, сирлаг! — Истинно помилуй!

Тилеть смада Адыль позинчень, Сур позинчень, тиниз варынчень сявырза киль! — Приведи счастие и благополучие с устья Волги, с устья Суры, со дна морского[52].

Карды толлы вылих бар! — Наполни двор скотский скотом!

Тыр-болла перегеть бар! — Дай достаточное плодородие хлеба!

Ильна сирьдень пурран ан иксыг! — Что приняла земля, того не истреби градом!

Бана сирьдень ань палырт! — Что дала земля, того не развей![53]

Син поскынчин ан-кидир! — Не попусти, чтобы злодеи нападали на нас![54]

Озала ан бар! — Не дай, чтобы несчастие постигало нас![55]

Чиберь выляза, колза борнмашкын бар! — Дай жизнь веселую!

Чук, сирлаг! — Истинно помилуй![56]

В честь керемети[57]

Мун кереметь, сирлаг! — Глава керемети, помилуй!

Мун кереметь амуж, сирлаг! — Мать главы керемети, помилуй!

Мун кереметь унчи, сирлаг! — Предстоящий лицу керемети, помилуй!

Мун кереметь пюлюхсь, сирлаг! — Вестник керемети, помилуй!

Мун кереметь пучи, сирлаг! — Отворяющий двери керемети, помилуй!

Мун кереметь хаяр, сирлаг! — Прислужник керемети, помилуй!

Мун кереметь тибери, сирлаг! — Уборщик керемети, помилуй!

Сенгери ан бар! — Не дай изсохнуть![58]

Шир-шар ан бар! — Не дай сухой беды (напраслины)[59].

Хин-хорлых ан бар! — Не дай горя и печали!

Тирь-чирь ан бар! — Не дай жестоких болезней!

Чиберь осра! — В добром здоровьи соблюди нас!

Выляза, колза вылямашкын бар! — Дай нам быть в радости и веселии всегда![60]

Чук, сирлаг! — Истинно помилуй!

Кроме показанных, средствами своего благоденствия и благополучия чуваши еще почитают:

1. Поминовение умерших

По мнению чуваш, смерть телесная не прекращает связи человека с настоящим миром. Представляя себе, что человек и по смерти продолжает жить чувственною жизнью, они воображают, что мертвецы, в случае голода на том свете, приходят в здешний мир для утоления голода и жажды. Живые родственники непременно обязаны готовить для них съестное и пиво, а иначе пришельцы с того света накажут их болью в животе и ломотою в пояснице.

На основании сего понятия у чуваш все обряды погребения и поминовения усопших направлены к мнимому удовольствию мертвецов и прекращению их вредных посещений. Так, когда умирает чувашин, тотчас по прекращении дыхания отрывают курице голову и катают к порогу яйцо, которое напоследок выбрасывают за околицу, дабы умерший укатил и улетел без возврата. По выносе покойника из дома, вслед за гробом бросают раскаленный камень, дабы преградить ему путь к возврату; во гроб покойника кладут принадлежности его занятий в земной жизни и вино, дабы он на том свете не был без дела и не скучал. По зарытии могилы вколачивают до самого гроба в ногах и головах по шесту, дабы покойник не вылез из могилы. Оставляют на могиле часть лепешек, блинов, яйца, льют пиво, дабы покойник, увидав оставленное для него, не ходил далее могилы. А когда поминают умерших, то откладывают по кусочку от каждого приготовленного кушанья и отливают пива в особые чашки и все отложенное и отлитое бросают на дворе у ворот, если поминовение делается в доме, или кладут и выливают на могилы, если поминовение делается на кладбище.

Поминовения умерших у чуваш разделяются на годовые, бывающие в октябре[61], в конце страстной недели и семик; первые и вторые совершаются в домах, а последние на кладбищах или ов-

рагах, и временные, из коих одни совершаются в первый день по погребении и седьмой в домах, в сороковой на кладбище, а другие по особенным случаям. Случаи сии суть: видение во сне умершего, боли в животе или пояснице, потому что эти сновидения и боли, по мнению чуваш, суть напоминания от умерших живым о том, что умершие на том свете голодают и скучают. Посему если чувашину случится или увидать во сне умершего или почувствовать боль в животе или пояснице, он немедленно варит пиво, колет курицу, готовит разные кушанья для совершения поминовения, дабы явившийся во сне мертвец не поразил его болезнью или причиненная мертвецами боль не усилилась.

Поминки в домах совершаются следующим образом: по изготовлении нужных для поминовения кушаний и пива хозяин дома садится на лавку у двери; пред ним уставляют стол с хлебом, пирогами, блинами, яйцами, сырниками, вареною курицею, чирясом пива и двумя порожними чашками. После сего он берет восковую свечу, зажигает ее и прилепляет к волоковому окну, в память отца, если он умер, матери, деда, брата, сестры и проч. Засим отделяет руками без ножа по кусочку от каждого кушанья, поминая имя покойника, коему отделяется, и кладет все отделяемое в пустую чашку, потом отливает в другую чашку пива. Когда хозяин кончит это, то же самое делают после него и все присутствующие, по старшинству. По окончании сего хозяин гасит свечи, а отделенное велит вынести на двор и бросить у ворот. По возвращении со двора собравшиеся начинают пирование, которое в годовые поминки продолжается по нескольку дней.

С этими же обрядами совершаются поминки и на кладбищах и в оврагах, только с тем различием, что на кладбищах отделенное и отлитое кладут и льют на могилы, а в оврагах оставляют на нарочито устрояемых одноногих столиках, оставляя сверх сего тут же куски полотна, дабы мертвецы, наевшись и напившись, утерлись. А если в оврагах есть ключ или речка, то еще делают мостики, дабы мертвецы не затруднялись перейти на приготовленный для них обед. Бывающие в оврагах и на кладбищах пиршества заключаются песнями, пляскою и игрою на музыкальных чувашских инструментах. Песни и игра продолжаются и при возвращении в дома.

2. Празднование пятка и синзи

Чуваши веруют, что Миродержатель летом посылает град, бури, непогоды в наказание за то, что они работают по пяткам[62] — и когда цветет хлеб (*синзя*). Почему, чтобы не прогневать его,

они не только не выезжают в пятки в поля для работ и в лес за дровами, но и не топят до полудня печей. А когда цветет хлеб, не роют землю, не косят травы, не возят навоза, не строят и не чинят домов, не готовят кушанья, не моют белья, не красят ниток, но строго наблюдают, чтобы кто-нибудь из среды их не сделал в сии времена какого-либо из означенных, неугодных Миродержателю, дел. Несчастен тот чувашин, которого или увидят за запрещенными делами, или узнают, что он занимался ими! Кроме того, что долго он будет в числе отверженных, его непременно своим судом накажут лозами или палками, а особенно если после того, как он поделает что-нибудь из неугодного Миродержателю, случится град или буря.

3. Подарки хирт-сорту (домовому)

По мнению чуваш, в каждом доме есть домовой. В каких отношениях он находится к живущим в доме, я не мог допытаться. Чуваши только говорят, что он живет на печи. Жертв ему никаких не приносят, но только бросают в честь его на печь хлеб, или чаще часть гостинцев, какие привозят приезжающие гости. Девица по выходе в замужество чрез несколько времени непременно должна, для счастия в супружеской жизни, приехать в родительский дом с гостинцами для *хирт-сорта*.

4. Бросанье денег по дорогам

Чтобы керемети, живущие близ дорог, которыми или свадебный поезд едет, или чуваши проезжают не для работ вне дома, но или в волостные правления, или в города по нужде в суде, или куда-либо по нужде религиозной, не сделали какого-либо вреда едущим или лошадям их, чуваши имеют обыкновение бросать по дорогам деньги или жетоны.[63] По мнению их, деньги эти берет прислужник керемети (*хаяр*); а для чего, они не знают. Денег этих чувашин ни за что не поднимает и не возьмет, хотя бы их и много было и нашедший терпел крайнюю нужду. Взять их значит — своими руками принести в дом беду.

После сего естественно спросить, откуда чуваши заимствовали вышеозначенные свои религиозные поверья. Нельзя предполагать, чтобы они сами изобрели свою религию, потому что **невидимая твореньми от создания мира помышляема видима суть, и присносущна сила его и Божество** (Рим. I, 26), а чуваши так холодны и равнодушны к этому училищу Боговедения, что и по

сему не судят о происхождении и цели мира и человека. Равным образом ни сами чуваши, ни нередко, по собственному сознанию чуваш, обманывающиеся и обманывающие знатоки системы их мифологии — *йомзи* не говорят, чтобы религия их когда-либо была открыта свыше. На вопрос, откуда их вера произошла, они все единодушно отвечают: *таштан авал кларны* (таçтан авал кăларнă) — неизвестно, с чего взяли так предки. Судя по тем объяснениям, какие я слышал насчет понятий чуваш о мнимых божествах от оставивших языческое суеверие чуваш, кои сказывали мне, что чуваши признают 12 благих существ, подчиненных Миродержателю потому, что у Спасителя было 12 Апостолов. Что у них *Пюлюхсь* есть тоже, что у христиан Михаил Архангел; *Мун-ира* — Ангел-хранитель; *Пигамбар* — Георгий-Победоносец, в день памяти которого выгоняют скот на пастбище; *Херле сирь* — Николай-Угодник, около весеннего дня памяти коего оканчивается весенний посев и начинает расти озимой; *Кебе* — Апостол; *Хурбан* — Херувим. Судя далее по временам, в которые совершаются у них поминки годовые, мифам о мертвецах и домовых, наконец, по празднованию пятка, по не имению изображений их божеств[64], кажется, можно думать, что они составили поверья свои по слухам о верованиях, как истинных, так и ложных, народа русского и татар[65]. Время и уважение к памяти предков утвердили между ними это произведение фантазии умников из среды их, а свойственный их детскому возрасту суеверный страх и чувственная жизнь, для коей так много пищи в их религии, не попускают отстать от него.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее для облегчения чтения и понимания в скобках приводится современное начертание чувашских слов и терминов.

2. ***Шора шоргон*** — не совсем понятный в настоящее время термин. В.П.Вишневский дает перевод «белые кони». Первое слово *шора* (в современной орфографии *шурă*) действительно значит «белый». *Шоргон* в современном начертании должно иметь вид *шуркун* или *шурхун*, но в чувашском языке такого слова со значением «конь» нет. В словаре Н.И.Ашмарина приведены: *Шур хун, Шор хон* — название местности? *Шур хунта выртакан ырă* «Добрый дух, почивающий в местности Шур хун». *Шор хонти вута çолтăн-и?* «Скосил ли ты сено в местности Шор хон?» (XVII, 240). Однако эти примеры ничего не дают для понимания загадочного слова *шоргон*.

3. ***Măн Турă умĕнче çӳрен,*** букв. «ходящий перед Великим Богом», подразумеваются духи или божества — *Пӳлĕхçĕ, Пихампар, Хĕрлĕ çыр* или *Кепе*, и некоторые другие, выступающие в роли заместителей Бога.

4. ***Алăк уçан*** «привратник» — самая низшая ступень на иерархической лестнице чувашского пантеона; выполняет роль прислужника. К этому же разряду относятся *Алăк хупан* «затворяющий двери (жилища Бога)»; *Чĕлпĕр тытан* «держащий повод (коня Божьего)», *Хум кĕрекеçи* «кравчий» и т.д. Сюда же относятся названные выше *çӳрекенсем* «всюду ходящие», т.е. «рассыльные (по делам Божьим)».

5. ***Пӳлĕхçĕ*** — второе после Бога лицо в пантеоне, в его ведении находятся простые смертные; по предписанию Бога, он дает людям добрую или худую судьбу. Слово происходит от *пӳлĕх* «надел», «доля», образованного от глагола *пӳл* — «делить», «распределить», «разделять».

6. ***Пулĕхçĕ умĕнче çӳрен*** — заместитель *Пӳлĕхçĕ,* исполняющий его повеления.

7. ***Алăк уçан,*** точнее — ***Пӳлĕхçĕ алăк уçанĕ,*** букв. «отворяющий двери (жилища Пӳлĕхçĕ)», «привратник».

8. ***Пихампар*** — один из предстоящих перед Всевышним Богом высших духов, второе после Бога лицо в чувашском пантеоне; в его ведении находятся домашние и дикие животные. На иерархической лестнице находится на одном уровне с Пӳлĕхçĕ. Название *Пихампар* восходит к персидскому *пейгамбар* «пророк», «благовестник».

9. ***Хĕрлĕ Çыр*** — один из высших духов, второе после Бога

лицо в чувашском пантеоне; в его ведении находится растительный мир. Находится на одном уровне с Пӳлĕхçĕ и Пихампар. Другие названия этого божества: *Çĕр-шыв, Турă Амăшĕ, Кепе,* из которых основным является *Çĕр-шыв.* В старочувашском пантеоне Небо (Турă) и Земля-Вода (*Çĕр-шыв*) считались супружеской парой, их священному браку приписывалось рождение всех земных благ.

10. ***Мăн ырă,*** букв. «великое благо». Все добрые земные духи носили собирательное название *ырă* или *ырăсем* — «благо, добро», «чистые», «святые». Сонм добрых духов подразделялся на три разряда: *аслă ырăсем* или *мăн ырăсем* «старшие, или великие, добрые духи», почитаемые всей сельской общиной или даже округой; *вăталăх ырăсем* «средние добрые духи», почитаемые всей деревней или родом, и *кĕçĕн ырăсем* «младшие, или низшие, добрые духи», почитаемые отдельной семьей. Согласно чувашским языческим верованиям, все разряды *ырăсем* находились в особо близких отношениях с самим Всевышним Богом *Турă* и его помощниками *Пӳлĕхçĕ, Пихампаром* и *Кепе.*

11. ***Çӳрен ырă,*** букв. «разъезжающее добро», подразумевается дух низшего ранга, прислуживающий *Мăн ырă* в качестве рассыльного.

12. ***Мăн Кепе,*** букв. «великий Кепе» — название второго после бога лица в чувашском пантеоне, в ведении которого находится растительный мир и пчелы. Название Кепе через тюрко-татарское посредство восходит к арабскому *Кааба* «главное святилище ислама».

По языческим представлениям древних чувашей, Кепе выступает посредником между верхним небесным и средним земным мирами, между богами и людьми, обладает властью внутри земли и под землей.

13. ***Хăрпан,*** букв. «жертва», слово заимствовано из арабского языка. В чувашском пантеоне *хăрпан* является посредником между Турă и людьми, он передает приносимые людьми жертвы и их просьбы Турă или «предстоящим перед Богом» — *Пӳлĕхçĕ, Пихампар, Хĕрлĕ Çыр, Кепе* и др.

14. ***Мăн Турă амăшĕ***, букв. «Мать великого Бога», фактически имеется в виду супруга Всевышнего. По чувашскому этикету словом *Амăшĕ* — букв. «его мать» мужчина обращается к жене — матери своих детей.

15. Утверждение о том, что ***Алăк уçан, Çӳрен ырă, Хĕрлĕ çыр*** и ***Хăрпан*** «в молитве не упоминаются», поздними материалами не подтверждается, упоминание этих божеств и духов в чувашских молитвословиях встречается достаточно часто. Более того, есть

записи молитв, посвященных специально *Хĕрлĕ çыру, Хăрпану* и другим второстепенным божествам.

16. ***Анатра выртакан*** «лежащий внизу» — один из эпитетов Киреметя.

17. ***Улпут Киремечĕ.*** Значит букв. «барская Киреметь»; перевод «господин кереметный» неверен.

18. ***Ирĕкре выртакан,*** букв. «лежащий на воле», «лежащий свободно, вольно» — один из эпитетов Киреметя, который, по всей вероятности, следует переводить как «почивающий на вольном, свободном месте». Места расположения Киреметя чуваши почитали и никогда не распахивали их, то есть оставляли вольными. Запрещалось также оскорблять Киреметя словами, нельзя было рвать траву или ломать ветви на киреметище и т.д.

19. ***Мăн Киремет,*** букв. «Великий Киреметь», он как бы является главным божеством земного мира, поэтому имеет свой штат, схожий с окружением Всевышнего Бога *Турă*.

20. ***Мăн Киремет умĕнче,*** букв. «перед главным Киреметем». Выражение не совсем понятное, очевидно, здесь автор имел в виду *Мăн киремет умĕнче тăракансем* «предстоящие перед главным Киреметем», то есть «заместителей главного Киреметя». В таком случае *Мăн Киремет умĕнче* не является особым персонажем чувашского пантеона. Это скорее всего собирательное название всех заместителей или прислужников Киреметя, исполняющих его поручения.

21. ***Мăн Киремет Пӳлĕхçи,*** букв. «распределитель Великого Киреметя», то есть второе после Великого Киреметя лицо в пантеоне земных божеств, прислужник, раздающий людям преопределенные Главным Киреметем жребии.

22. Вызывет затруднение слово, написанное в форме ***Пуче***, которое можно идентифицировать со словом ***пуçĕ*** — «его глава». Однако и это мало согласуется с авторским объяснением функций данного персонажа — «отворяющий двери жилища Киреметя». Последнему выражению в чувашском соответствует: *Мăн Киремет алăкне уçакан.* Очевидно, здесь вкралась какая-то ошибка. По аналогии с окружением Верховного Бога на этом месте ожидалось бы *Мăн Киремет Пихампарĕ.*

23. ***Мăн Киремет кепи,*** букв. «Кепе Великого Киреметя» — речь идет о супруге Киреметя (см. примеч. 12).

24. ***Мăн Киремет хаярĕ,*** букв. «гнев Великого Киреметя». Объяснение В.П.Вишневского «прислужник кереметя» показывает только на место этого персонажа в иерархии, но не является точным переводом термина. В наговорах, молитвах и других сакральных

текстах встречается множество названий мифических персонажей, в составе которых содержится слово *хаяр: тум хаяр, киремет хаяр, чикен хаяр, ăншăрт хаяр, Турă хаярĕ, шыв хаярĕ, виле хаярĕ* и т.д. Слово *Хаяр* в них выступает в значении «злого духа». С учетом этого выражение *Мăн киремет хаярĕ* лучше всего трактовать как «Прислуживающий Великому Киреметю злой дух».

25. Перевод термина вызывает затруднения ввиду забвения смысла слова *Тĕпер*. В.К.Магницкий зафиксировал название божества *Тперь ырă (тĕпер ырă)* «дух — хранитель рода или семьи» (Магницкий, 1881, 48, 86). Судя по всему, слово *тĕпер* некогда служило обозначением какого-то титула. Естественно сближать его со второй частью древнетюркского *элтебер* «военачальник», сохранившегося и у волжских булгар. В таком случае термин *Мăн киремет тĕперĕ* следует перевести как «Сановник Великого Киреметя». Перевод В.П.Вишневского «уборщик жилища киремети», по всей вероятности, появился в результате сближения непонятного слова *Тибери (Тĕперĕ)* с чувашскими *типтер* или *тирпей* «порядок», «благоустройство» и не может быть принят.

26. Более правильный перевод — «Супруга великого Киреметя».

27. ***Мăн Киремет Пӳлĕхçи амăшĕ*** «Супруга Распределителя Великого Киреметя».

28. ***Сорминская Кереметь*** — известное в прошлом киреметище в бассейне р. Сормы (на территории Аликовского района).

29. ***Выльская Кереметь*** — известное в прошлом киреметище на р. Выле вблизи одноименной деревни Аликовского района.

30. ***Нухрат*** — старинная серебряная монета. Чуваши употребляли нухратки для украшения, а также преподносили божествам и духам для умилостивления. Иногда вместо настоящих монет использовались их имитации из олова (тухланки).

Мамале «предварительная жертва, обет, задаток». В прежнее время чуваши-язычники в случае болезни или несчастных случаях относили в киреметище или откладывали в специально отведенном месте (обычно в *йĕрĕх пĕрни*) определенную сумму денег, а также изображения жертвенных животных из теста (*урхамах* «жеребец») и изображения самого заболевшего человека (*пукане* «кукла») в качестве предварительной жертвы. С наступлением сроков общественных жертвоприношений *(чӳк)* они старались исполнить свое обещание. Отложенные деньги *(мамале укçи)* шли на покупку жертвенного животного.

31. Представления о ***хытăм*** сбивчивы и противоречивы. «В.Я.Смелов оставил следующее описание жертвоприношения

ему. «*Хыдым* совершался в *калым кон* по окончании поминовения родственников. Зарезавши курицу, сварив яиц, делавший *хыдым* с пивом, вином, хлебом и родственниками отправлялся в лес, овраг и здесь, поминая основателей селения, в честь их бросали кусочки хлеба, яиц, лили пиво, вино, потом, сварив курицу, съедали ее, а кости зарывали в землю. У не сделавших *хыдым*, говорят, вместо курицы умирало семь голов скота» (НА ЧГИГН, отд. 1, т. 587, с. 61). Практически во всех текстах духи *хытăм* связываются с усопшими предками.

32. ***Эсрел*** «дух смерти» (из арабского *азраил* «ангел смерти»). Чуваши представляют его в виде высокого худого человека со страшным лицом, который забирает душу умирающего на тот свет. Он поражает людей и животных мучительной смертью. Чуваши различают два вида *эсреля* — черный и белый, из них черный бывает свирепее. Эсрелю чуваши приносили в жертву черных баранов в таком количестве, какое назначает юмзя, причем баранов этих не кололи, не ели и даже шкур с них не снимали, а разрубали на три части и оставляли в овраге, в пищу самому *эсрелю*. Исконное чувашское название духа смерти — *чун илли* «отбиратель души».

33. Название восходит к древнетюркскому *ыдук, ыдык* «священный»; «посвященный Богу»; «предназначенное для жертвоприношения животное». Первоначально чуваши словом *йĕрĕх* также обозначали посвященное Богу, освященное молитвой и отпущенное на волю животное. Разные авторы дают различное определение содержания слова *йĕрĕх*.

В чувашском языке этим словом обозначается и предмет посвящения, и место посвящения, и жилище духа, которому делается посвящение. Это же слово является общим названием и самих духов, которые также имеют и частные названия по своим свойствам, по местности, селению, по имени христианских и мусульманских святых, владельцев и т.д.

34. ***Вилешке,*** букв. «покойники», то есть души усопших предков. По представлениям чувашей, при своевременном поминовении они содействуют человеку, а когда их забывают помянуть, насылают несчастье или болезнь.

35. Здесь допущена неточность. Чувашские юмзи не управляли религиозными процедурами. В их обязанности входило установление причины болезни или иного несчастья и излечение магическими приемами и самодельными средствами. Более того, в этнографических записях есть упоминания о том, что *юмзи* (скорее колдуны — *тухатмăш*) и вовсе не допускались на обществен-

ные жертвоприношения. Функции жрецов в старом чувашском быту исполняли обычно старейшины рода — пожилые мужчины, хорошо знающие молитвословия и тонкости ритуала.

36. Показательно, что богу ***Мăн Турă*** приносились в жертву баран, бык и конь, то есть самцы домашних животных, так как *Турă* является существом мужского пола, Отцом и Творцом всего мира.

37. Супруге Всевышнего Бога *(Турă амăшĕ)* приносились в жертву самки животных — овца и корова, а лошадь и не упоминается, так как конина была запретной для женщин пищей.

38. В д. Афонькино Шенталинского района Куйбышевской области в 1995 г. нам удалось записать, что при очистительных жертвоприношениях на краю загона зарывали сначала 17 юсманов, затем 32 юсмана, потом 41 юсман и, в заключение, еще один юсман покрупнее, причем каждый юсман предназначался отдельному божеству или духу поименно. Таким образом всего набирается 91 юсман и, следовательно, 91 божество.

39. Показательно, что со снижением ранга божеств уменьшается и ценность жертвы. Прислужникам Всевышнего *(Турă умĕнче тăракансем)* жертвуется по одной лошади, а слугам — отворяющим двери *(алăк уçан)* и т.п. — только маленькие лепешки, замешенные на крови закланных животных — *юсманы.*

40. Чуваши-язычники ***хăрпан*** обычно приносили в жертву барана, как и мусульмане во время *курбан-байрама.* Это является дополнительным свидетельством о заимствованном характере слова *хăрпан* (из араб. *курбан* «жертва»).

41. Очевидно, речь идет о воробье, так как чуваши при бездождье проводили *çерçи чӳкĕ* «воробьиное жертвоприношение»: ловили воробьев, привязывали их к веточкам спаржи (*çумăр курăкĕ,* букв. «дождевая трава»), а в конце обряда намазывали им головы маслом и отпускали на волю. Существовало поверие, что они возносят молитвы людей к Богу. В некоторых регионах воробьев варили в каше. Не исключено, что в местах, где обряд записал В.П.Вишневский, воробьев заменяли синицами.

42. Черепа жертвенных животных обычно выставлялись на шестах, а также на вереях полевых ворот для оберега от злых сил и от сглаза.

43. Другие источники говорят о трех жертвоприношениях: причем каждое в особом месте: первое и главное жертвоприношение ***мăн чӳк*** проводилось через неделю после *семика*, а еще раньше, очевидно, после *çинçе* — именин Матери-земли. Через три дня проводилось полевое жертвоприношение *уй чӳкĕ,* и, наконец, еще через три дня — жертвоприношение от бездождья *çумăр*

чӳкĕ, или *çерçи чӳкĕ*. Кроме того проводились частные, или семейные жертвоприношения *кил-йыш чӳкĕ*.

44. Кроме календарно приуроченных обязательных жертвоприношений в случае каких-либо бедствий проводили специальные чӳки. Здесь описывается такой случай дополнительного жертвоприношения.

45. В этнографической литературе позднее сложилось превратное представление о том, что жертвоприношения совершались непосредственно на киреметищах и что жертвы предназначались самому Киреметю. В старину общественные жертвоприношения совершались на специально отведенных местах (*чӳк вырăнĕ*), а не на киреметищах. Киреметю приносили только частные жертвы при несчастных случаях. Какому киреметю какую жертву следует приносить, указывал знахарь (*юмăç*). Общественные же жертвоприношения предназначались Всевышнему Богу *Турă*. После введения христианства многочисленные виды жертвоприношений объединились в одно общее и система обрядов претерпела существенные изменения, что привело к путанице.

46. ***Мародержатель*** — один из эпитетов Всевышнего Бога (почувашски: *Çут тĕнче тытакан турă* или *Çӳлти-çĕртипе çанталăк тытакан турă).*

47. Здесь повествуется об осеннем и весеннем родовом празднествах ***чӳклеме***. Осеннее жертвоприношение проводилось после уборки урожая для освящения нового хлеба, оно называлось также *кĕр сăри* «осеннее пиво», *çĕнĕ тырра киветни* «старение нового хлеба» и т.д. Весеннее жертвоприношение приурочивалось к Великому дню *(Мăн кун),* впоследствии совпавшему с христианской Пасхой. Эти два календарных праздника отмечали два главных переходных периода в году — осеннее и весеннее равноденствия, которые древними чувашами почитались как начало года.

48. Здесь дается довольно подробное описание осеннего праздника *чӳклеме* с обрядом жертвоприношения *кĕр сăри.*

49. Абзац посвящен описанию весеннего праздника *чӳклеме*, проводимого в *калăм эрни* (позднее она совпала с христианской Страстной неделей), а также обряда изгнания злых духов — *сĕрен* или *вирĕм.*

50. В современной орфографии:

Мăн Турă, çырлах!
Мăн Турă амăш, çырлах!
Мăн Турă умĕнчи, çырлах!
Пӳлĕхçĕ, çырлах!

Пӳлĕхçĕ амăш, çырлах!
Пихампар, çырлах!
Кепе, çырлах!

Мăн ырă, çырлах!
Çут çанталăк тытан, çырлах!
Çут çанталăк тытан Тур амăш, çырлах!
Çут çанталăк тытан Пӳлĕхçĕ, çырлах!
Çут çанталăк тытан Пӳлĕхçĕ амăш, çырлах!
Çут çанталăк тытан Кепе, çырлах!
Çĕршыв тытан, çырлах!
Çĕршыв тытан Пӳлĕхçĕ, çырлах!
Çĕршыв тытан Пӳлĕхçĕ амăш, çырлах!
Çĕршыв тытан Кепе, çырлах!
Хĕвел, çырлах!
Уйăх, çырлах!
Çут çӳлте выртан, çырлах!
Çут çӳлте выртан Тур амăш, çырлах!
Çут çӳлте выртан Пӳлĕхçĕ, çырлах!
Çут çӳлте выртан Пӳлĕхçĕ амăш, çырлах!
Чӳк, çырлах!

Тивлетсене те Атăл пуçĕнчен, Сăр пуçĕнчен,
тинĕс варĕнчен çавăрса кил!
Карта тулли выльăх пар!
Тыр-пула перекет пар!
Илнĕ çĕртен пураран ан иксĕт!
Панă çĕртен ан палăрт!
Çын пăсăкĕнчен ан кĕтĕр!
Усала ан пар!
Чипер выляса-кулса пурăнмашкăн пар!
Чӳк, çырлах!

51. ***Çут çӳлте выртан*** — букв. «лежащий на светлом верху» — не очень понятное выражение. Кажется, здесь вместо *çӳлте* — «наверху» следует читать *кӳлте* — «в озере». В таком случае получается более понятное *çут кӳлте выртан* — букв. «Почивающий в Светлом озере (добрый дух)», которое находим и в других источниках. Такая коррекция находится в полном соответствии с логикой молитвы.

52. Это характерное для сакральных текстов выражение — часто встречается и в наговорах юмзи. Употребляется в смысле: «со всех четырех углов земли», то есть отовсюду.

53. В этом выражении некоторую трудность вызывает, видимо, испорченное слово *пурран*. Его можно интерпретировать как *пурран* (от *пура* «закром, сусек»). В.П.Вишневский форму *пурран* возводил к слову *пăр* «лед, град». Перевод двух последних выражений должен быть таким: «Там, где берем из сусеков (хлеба), не убавь, там, где отдаем (людям), делай незаметным».

54. Слово ***поскынчин*** мы отождествляем с современным ***пăсăкĕнчен*** (от *пăсăк* «порча»). В таком случае выражение *çын пăсăкĕнчен ан кĕтĕр* следует переводить как «Да не войдет (в наш дом) порча, насылаемая чужими людьми».

55. ***Усала ан пар*** — букв. «не отдавай злу», то есть «не отдавай нас во власть злых духов».

56. ***Чӳк, çырлах!*** — выражение, произносимое в заключение каждого оборота молитвы. В современном языке слово *чӳк* употребляется в значениях «жертвоприношение», «дух, обитающий на месте жертвоприношения», но они вторичны. Первоначальный смысл слова *чӳк* забыт еще в древности. Это слово бытует также в сибирских тюркских, а также монгольских языках, и там оно произносится в заключительной части молитв: *Чӳ-ӳ-ӳ-ӳк! Çырлах!*

57. Молитвословие в честь посланника Всевышнего Бога *Киреметя* и его прислужников. В современной орфографии:

Мăн Киремет, çырлах!
Мăн Киремет амăш, çырлах!
Мăн Киремет умĕнчи, çырлах!
Мăн Киремет пӳлĕхçи, çырлах!
Мăн Киремет пуçĕ, çырлах!
Мăн Киремет хаярĕ, çырлах!
Мăн Киремет тĕперĕ, çырлах!
Синкере ан пар!
Шăр-шар ан пар!
Хĕн-хурлăх ан пар!
Чир-чĕр ан пар!
Чипер усра!
Выляса-кулса вылямашкăн пар!
Чӳк, çырлах!

58. ***Синкер*** «несчастье», «неожиданность», «беда», *синкере ан пар* — «не дай нам несчастий, бед».

59. ***Шăр-шар*** «беда», «несчастье»; *тип шар* «сухая беда»; *шăр-шар ан пар* «не дай нам бед и несчастий».

60. ***Выляса-кулса вылямашкăн пар*** — букв. «дай нам играть

играя и смеясь»; в более точной формулировке это устойчивое выражение должно звучать: *выляса-кулса пурăнмашкăн пар* «Дай нам жить в веселье и радости».

61. В октябре чуваши справляют по новопредставленным ***юпа*** (букв. «столб»), почему сам месяц называется *юпа уйăхĕ* «месяц столба» (подробнее см. Ашмарин, IV, 342—347).

62. ***Пятак*** «пятница». В древности чуваши праздничным днем недели считали среду *(юнкун)*, а после знакомства с мусульманством таким днем для них стала пятница *(эрне кун)*.

63. Чуваши-язычники почитали перекрестки дорог *(çул тăваткалĕ)* и границы общинной земли, по которым и пролегали проселочные дороги. Перекрестки дорог, как места пересечения путей, соединяющие четыре противолежащих угла и стороны вселенной, считались сакральными и приравнивались к центру вселенной, «пупу земли» *(çĕр кăвапи)*.

64. В последнее время появились исследования о традиционной чувашской культовой скульптуре (Трофимов, 1993). Однако приводимый в них материал, судя по всему, не является собственно изображением божеств и духов, а представляет собой *пукане,* то есть изображение фигуры заболевшего человека. Дело в том, что чуваши-язычники взамен реального человека, на которого позарились злые духи, подносили им его изображение из теста, глины, тряпок, дерева и т.п.

65. В основе старой чувашской веры лежат древнетюркские религиозно-мифологические представления, наиболее полно сохранившиеся у симбирских тюркских народов — алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев, тофаларов, якутов, а также у бурят и некоторых других монголоязычных народов. Древнетюркская основа прослеживается и в религиозно-мифологических представлениях некоторых тюркских народов, исповедующих ислам. Заметный след в мифологической системе чувашей оставили религиозные представления древних иранцев. С исламом предки чувашей познакомились на Волге. Большинство мусульманских представлений проникло к чувашам довольно поздно через посредство казанских татар и мишарей. Христианство распространилось среди чувашей только после их крещения в середине XVIII в., но русские народные представления стали проникать в среду чувашей раньше, особенно начиная со второй половины XVI в. в связи с русской колонизацией края.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
А.И.Артемьев 6
Исторические сведения о Казанской губернии 7
Этнографическое обозрение чувашей 52
Сигизмунд Герберштейн 62
Извлечения из «Записок о Московитских делах» 65
А.М. Курбский 70
«Чуваша зовомые, язык особливый» 71
Адам Олеарий (Эльшлегер) 76
Как мы прошли мимо Козьмодемьянска, Чебоксар, Кокшай и Свияжска 78
Герард Фридрих Миллер 86
Описание живущих в Казанской губернии языческих народов 92
Петр-Симон Паллас 144
Путешествие по разным провинциям Российской империи . . . 156
Иван Иванович Георги (Иоганн Готлиб) 170
Чуваши 173
В.И.Лебедев 180
Симбирские чуваши 182
И.И.Лепехин 192
Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 198
В.П.Вишневский 229
О религиозных поверьях чуваш 231

Учебное издание

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО КУЛЬТУРЕ ЧУВАШСКОГО КРАЯ

(дореволюционный период)

Составители *Егоров Николай Иванович,*
Данилова Маргарита Гавриловна

Редактор *Р. И. Крысина*
Художник *В. Н. Гончаров*
Художественный редактор *Г. А. Игнатьев*
Технический редактор *Л. К. Егорова*
Корректор *Е. П. Семенова*
Компьютерная верстка *Е. Л. Карпеевой*

ИБ 3140
ОКДП 2211191

Изд. лиц. №010047 от 24.12.96. Сдано в набор 27.06.01. Подписано к печати 05.11.01. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Учетно-изд.л. 15,23. Тираж 4000 экз. Заказ № К-2900. Изд. №14.

РГУП «Чувашское книжное издательство», 428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.
Отпечатано в РГУП «ИПК «Чувашия», 428019, Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.